

Антон Чиж Мертвый шар

Аннотация

«Мертвый шар» — новое опасное дело чиновника петербургской полиции, харизматичного сыщика Родиона Ванзарова. Совсем молодой и житейски неопытный, на этот раз он должен погрузиться в водоворот смертельно опасных страстей: досконально узнать все секреты азартной игры в бильярд, изучить до мельчайших подробностей быт и нравы публичных домов Петербурга, пройти по самому краю порока, — как мертвый шар, зависший над лузой. Только тронь — упадет, и пиши пропало. И при этом не потерять собственное достоинство и не поступиться честью.

Гибнут красивые женичины — соблазнительные, хитрые и рискованные, влюбленные в одного и того же мужчину. Стечение обстоятельств или тонкий холодный расчет маньяка?

Ванзарову и не снились такие страсти. На помощь юной надежде русского сыска приходит его верный друг и гениальный эксперт-криминалист Аполлон Лебедев.

Сложная захватывающая головоломка — от одного из самых интересных авторов современной русской литературы Антона Чижа!

Следующий роман из серии детективных расследований Родиона Ванзарова — «Аромат крови»!

Антон Чиж

Мертвый шар

Биллиардная игра во многом отличается от всех других игр. Это единственное развлечение, которое соединяет приятное с полезным. Приятность биллиардной игры заключается в том, что играющий, отвлекаясь от повседневных мелочей и дрызг, отдается на некоторое время благородному чувству спортивного соревнования с другими в ловкости, быстроте, сообразительности и приятному для себя зрелищу, как пущенный им шар, точно живой, исполняет его поручения: бьет других шаров и заставляет их, в свою очередь, исполнять волю своего господина и, сделав свое дело, становится на том именно месте, которое заранее мысленно определено игроком.

Школа и правила биллиардной игры по методе знаменитого русского игрока С.Ф. Докучаева, Покровского и других.

СПб., 1899

Кикс

Биллиард хотя с виду и представляет собой простой и для всех понятный инструмент, но в глубине своей простоты он хранит многие и многие тайны.

Там же

1

Как известно, кочевые племена шли на Европу за новыми впечатлениями и свежими женщинами. Трудно осуждать за это дикие орды. Ну какие развлечения в степях – пустошь да тоска кругом. А дамского населения и вовсе не достача. Где, скажите, найти в степи хоть какую-нибудь барышню, не то что хорошенькую? Кобылы, телки да ковыль. Так что кочевников гнала с насиженных пастбищ не историческая миссия, а чисто практическая задача: развлечься пожарищами завоеванных городов, заодно присмотрев себе двух-трех жен или рабынь.

Но вот какая зараза обращает городских жителей в толпы странников и гонит на дачу – науке неизвестно. Во-первых, за городом впечатлений никаких: комары и грязь те же. Что же касается ловли жен на лоне природы, то уже имеющиеся супруги заранее относятся к невинным развлечениям без должной широты взглядов. Однобоко и неласково относятся, прямо скажем. Одним словом, делать ныне цивилизованному человеку на даче нечего. Сиди дома перед окошком, вдыхай испарения, глотай пыль и будь счастлив.

И все же доводы рассудка еще никого не остановили. Каждый май отцы семейства возглавляют набеги хищных домочадцев на близлежащие мирные поселения, в которых расселяются со всем скарбом, детьми, собаками и запасами, чтобы потом три месяца кряду каждое утро отправляться на службу в переполненных поездах, а вечером спешить обратно в сутолоке.

Но за любое счастье наступает возмездие. Приходит август, а с ним конец дачного сезона. И тогда обыватель петербургский обращается в рыбешку, которую всем косяком затянула сеть. Рыбешки мечутся в ужасе, копошатся, тычутся из стороны в сторону, но спасения нет – невод тянет за собой. Перед наступающей осенью каждому полагается разбиться в лепешку, но взнудать табун семейных проблем.

Ох, сколько же их!

Обыватель петербургский обязан разыскать и снять новую квартиру, с тем чтобы семейство пережило бури и морозы под надежной крышей до новой весны. Обязан он к тому же разыскать достойную школу для подрастающих чад, снабдив оных всем необходимым для грызения знаний. А еще супруге непременно требуется закупить новую мебель, столики, или

проклятые шифоньерки, или хоть пару стульев – потому что в августе принято покупать новую мебель, когда же еще. Кроме того, никто не снимал с него неременной обязанности разбиться, но достать билеты на все модные премьеры и бенефисы предстоящего сезона, иначе обожаемой женушке нечего будет обсуждать с гостями и всю любовь к искусству она выльет на его и без того виноватую голову. И вот носится несчастный, как угорелая рыбка, и думает только об одном: как бы опередить да обскакать таких же рабов долга.

Но что испытания эти по сравнению с восторгом, который дарит август! У загнанного обывателя словно крылья вырастают за спиной, стоит лишь распространиться по столице волшебному аромату, который невозможно спутать и нечем заменить. Аромат разливается широким половодьем, и вскоре кажется, что нет такого уголка, улицы или подъезда, который не благоухал бы свежесваренным вареньем.

О, варенье! Как много значишь ты для петербургского жителя! В тебе одном находит он упоение и отраду долгими зимними вечерами, когда мороз ломится в окна. В тебе одном обретает успокоение души, когда другого не остается. В тебе одном восторг и сладострастие. Жить без варенья в Петербурге решительно невозможно.

Любите ли вы варенье, как любят его в столице? Нет, вы не любите его так. Нет у вас к нему такой страсти. В каком-нибудь южном городе вроде Москвы, Парижа или Багдада сладости хоть лопатой гребь, всякие лукумы с шербетами. Но в Северной столице нет ничего, кроме варенья. Один местный поэт даже написал строку: «Люблю тебя, Петра варенье...», но наборщик в типографии перепутал, и вышло «творенье». Так и оставили.

Кто жил в этом мрачном граде, поймет, какое счастье откупорить в холода или ненастье баночку, вдохнуть аромат клубники, малины, вишни, земляники, черники, да боже ты мой, еще чего угодно, подцепить ложечкой сахарную ягодку, блестящую драгоценным рубином, отправить в рот и ощутить такую негу и вдохновение, такую силу и огонь, какие не описать словами. Никаким джемам, конфитюрам и желе не возбудить подобных волнений. А потому едят варенья в Петербурге столько, что, как обычно, много не бывает. Нет, от варенья невозможно оторваться... А пенка!

Так, что-то увлеклись не туда. Чтобы не изойти сладкой истомой, повторим вслед за стариной Апулеем: «Начнем-ка наши побасенки, внимай, читатель, будешь доволен».

Денек первой половины августа 1895 года, как и полагается, пропитался запахом разнообразного варенья. Кстати, давно уже пора переименовать этот месяц из непатриотичного римско-цезарьского в общеприятный: Варень. Чтоб за Июлем сразу Варень. А там, глядишь, и Сентябрь.

Ну так вот. Жара уступала первым осенним холодкам, так что прохладный ветерок разносил горячие облака сладкого. Все живое, побросав дела, взялось за медные тазики и мешки с сахаром. Береи и бличники¹, не разгибая спин, тащили в город полные корзины, а жадное чрево поглощало горы спелостей, требуя новых приношений. Печально, но в столице варенье готовит кто ни попадя. Лучше не знать, как оно готовилось.

Вот, к примеру, Апраксин рынок, обычно торгующий всякой дрянью, превратился в одну большую кухню. Давно не мытые бабы чистят горы ягод и, не окропив водой, бросают в котлы, никогда не знавшие мыла и скребка. Мешают варенье первой попавшейся под руку палкой, а что там в таз упадет, муха или сопля, уж как придется. И вот такое народное произведение ушлые торговцы скупают прямо с огня, разливают в фунтовые банки, в которых честно помещается три четверти фунта, клеят фасонные этикетки и нагло требуют по тридцати копеек за штуку. Какова дерзость!

Но что поделает петербургскому обывателю: набирает эту сладкую отраву и еще благодарит. А что прикажете: остаться на зиму без варенья? Ведь настоящего – киевского, самого лучшего и душистого – днем с огнем не найти, по какой-то таинственной причине нет его привоза в столицу, нет, и все. Кондитерское варенье, что изготавливают фабрики, конечно, прекрасно, но цена в горло не лезет. А закупать паточно-глицериновую бурду ягодных маклаков – откровенно страшно. Вот и довольствуется петербуржец-квартирант тем, что

¹ Собираательницы ягод и грибов.

предлагают рынки. И что любопытно: травятся не так уж часто. Да и то зимой. Может, желудок петербуржца научился переваривать камни? Или привыкли ко всему.

Впрочем, обитателям одноэтажного, но каменного особняка, потонувшего в зелени Крестовского острова, не грозило коротать зиму без варенья. Счастливо расположенный еще в черте города, но уже как бы вне ее, домик имел задний двор, на котором возвышался кирпичный очаг, покрытый прочерневшей жестянкой, на которой удобно поместился медный тазик с массивной ручкой, мило побулькивающий и изливающий в окружающую среду аромат кипящего крыжовника. Тут же имелся главный секрет вкусного варенья: кухарка, умеющая его варить. Девица в простом платье и замызганном переднике неторопливо водила деревянной ложкой по маршруту, в котором «s» переплывала в «z». Выждав одну ей известную минуту, приподняла тазик и хорошенько встряхнула. Вареву сдобно чмокнуло и расплылось в полном удовольствии. Готово, можно снимать.

Неся посудину двумя руками, все-таки тяжесть, кухарка направилась к ближайшему четырехногому сооружению, в котором меткий глаз распознал бы старый бильярдный стол. Но глаз должен быть метким. Всю поверхность дырявого сукна покрывала батарея поллитровых баночек, ожидающих варенья, на тарелках грудились стопки бычьих пузырей, промытых и готовых к закупорке, а также восковые бумажки и кружки, пропитанные ромом, которые следует класть под пузырь. Тут же помещались тазики, ожидавшие огня, в которых по киевской методе ягоды пересыпаны мелким сахаром (на 800 граммов – 400, при варке добавить ложку воды). Рядом с горкой крыжовника собственного урожая возвышались холмики из малины и брусники, сторгованные по грабительской цене у приходящей береи.

Разгоряченный тазик подтолкнул ожидающих собратьев боком и разместился на столе, добавляя когда-то зеленой материи бурый след ожога. Как полагается, обтерев руки об себя, кухарка примерилась к тазу с малиной и уже взялась было за рукоятку, но тут взгляд ее, замутненный кухонной повинностью такого раннего часа, что другие и щеки от подушки не оторвали, вдруг узрел нечто неподобающее на розоватом поле сахара. Поморгав, понадеялась она, что внезапное помутнение схлынет, но немыслимая добавка и не думала исчезать. Напротив: смотрела нагло и прямо.

Не имея характера столько крепкого, чтобы встречать неожиданность мужественно, кухарка отбросила тазик подальше, результатом чего раскололись три банки, задела торчащую ручку, так, что горячее содержимое опрокинулось в траву, и, поскользываясь в варенье, попятилась, уже не владея собой.

Тишину спящего особняка прорезал такой надрывный и жалостливый вопль, что занавески в открытых окнах подернулись рябью. Наконец, потеряв равновесие, кухарка шмякнулась оземь и залилась пронзительной трелью, какой не постыдился бы паровозный гудок.

Печальное одиночество ее не было долгим. Из дома довольно шустро выскочила пожилая дама. Чтобы заткнуть источник противного звука, прикрикнула, что на кухарку не произвело впечатления никакого. Кричать она не перестала, только уставила палец в пространство. Не найдя ничего заслуживающего столь гадкого визга, дама в ночном облачении высказалась строго о манерах прислуги.

Воздух в легких как раз удачно истощился, и кухарка смогла наконец издать нечто хрюкающее, в котором различалось слово «таз». Дама шагнула к столу решительно, но, рассмотрев, что водрузилось на сахарке, бросилась в дом, как видно за подмогой. Кухарка же осталась пребывать в луже варенья.

2

Искушение слишком навязчиво. В открытое окно проникали непрошеные орды и бесцеремонно располагались в кабинете. Впереди шествовали ароматы малины, ощущался тонкий, но значительный мотив черники, напористо и нагло напирал вихрь смородины, а за ним не отставали крыжовенный, брусничный, кажется, сливовый и даже айвовый. Нет,

правда, айва. И откуда взялась? Наверное, привозная, сладкая, медовая...

Оскар Игнатьевич осторожно принялся, полуприкрыв веки, и, как истинный знаток, оценил мельчайшими нервными окончаниями своего крепкого носа переливы и нюансы свежего варенья. Что делать, даже начальственное присутствие бессильно перед дурманом.

Надо признаться: полковник Вендорф был глубоко равнодушен к варенью. Не только к нему, в жизни его были не менее глубокие и пикантные интересы, но каждый август он хищно облизывался, предвкушая, как в ноябре, а если не вытерпит, и в октябре появится на столе заветная баночка, а за ней другая и третья. И так, пока кладовые не опустеют до следующего лета. Даже сейчас, когда полагалось выслушивать посетителя, ничего не мог с собой поделать. Все внимание было отдано отгадыванию очередного дуновения. Кабинет его размещался вдалеке от рынков, где царила вакханалия варки, в начальственном центре столицы – на Большой Морской улице, на которой морем не пахло вовсе, а вот вареньями – сколько угодно.

– Да-да, это очень странно, – кое-как выдавил Оскар Игнатьевич, сообразив, что посетитель уже в третий раз излагает свою историю. Полковник отлично видел, что гостю удастся сохранить выдержку, но испуган он по-настоящему. При кажущейся смехотворности и даже ничтожности возникшего обстоятельства стоило признать, что в нем было что-то странное и неприятное, как забродившее варенье.

Ах да, тут следует кое-что пояснить. Оскар Игнатьевич служил полицеймейстером 1-го отделения Петербурга, то есть был одним из четырех полицейских чинов, выше которых в столице находился только сам градоначальник и директор Департамента полиции. Под властью полковника Вендорфа пребывала четверть всех полицейских участков, охранявших порядок и спокойствие в Петербурге. Остальные три четверти руководились тремя полицеймейстерами других отделений. Попасть к Оскару Игнатьевичу на прием вот так, запросто, не мог даже средний чиновник, не говоря уже о каком-нибудь пострадавшем. А вот разместившийся в глубоком кресле господин подтянутой наружности, облаченный в роскошный летний костюм, смог. За какие такие заслуги? Значит, были, какие надо. И все тут.

– Так что же посоветуете? – спросил гость с отчетливой ноткой тревоги в голосе.

Оскару Игнатьевичу очень хотелось посоветовать не забивать голову всякими

бреднями, когда нет реальной причины для беспокойства, но он никак не мог это произнести. Ну вот не мог, и все. Потому что таков был гость.

– Думаю, Нил Нилыч, этим делом следует заняться. Возможно, ничего серьезного, но проверить стоит. Нельзя подвергать вас даже призраку опасности.

Визитер как-то сразу расслабился, вольнее развалился в кресле, словно его беду сняло, как пенку ложкой, и уточнил, какие меры следует предпринять.

Это полковник Вендорф и сам не очень представлял. Однако, изобразив на лице концентрированную работу мысли, изрек, начальственно растягивая слова:

– Для такого поручения требуется человек особого склада...

Эту мысль посетитель целиком поддержал, почтительно смолчав, чем вынудил полковника к неизбежному и такому нелюбимому делу: принятию конкретного решения.

– Тут нужен умный и расторопный чиновник.

– Неужели у вас такой есть? – невежливо спросил Нил Нилыч, но Вендорф пропустил шпильку мимо ушей.

– У нас много дельных чиновников, – с тихой гордостью парировал он. – Но вам порекомендую самого лучшего.

Посетитель затребовал подробности, которые ему выложили незамедлительно. Оказалось, в хозяйстве полковника Вендорфа имеется прямо-таки целое сокровище, не чиновник, а просто золото. Разве что не блеснит.

Начать с того, что образование получил отменное, даже несколько более глубокое, чем требуется. Как известно, хороший чиновник должен быть слегка глуповат, чтобы не мешать начальству беззаботно собой руководить. Но этот грех герою простили. Петербургский университет только ленивый не оканчивал, тут не удивишь, а вот удивительно, что от древних греков и римлян он подал прошение в Департамент полиции. Но и там не счел полезным, как другие прилежные господа, заниматься бумагами, карьерой, подсиживанием, услугами начальству и прочей волнующей деятельностью, а взял да и потребовал направить в самое пекло и грязь, а именно в сыскную полицию. Такой поворот привел директора департамента в замешательство, но, будучи склонен поощрять молодых в набивании шишек, директор отправил-таки его в сыскную, наградив статусом чиновника для особых поручений. Заявившись в хозяйство статского советника Вошинина, молодое дарование было сразу же отправлено куда подальше по причине въедливого характера и неуемной жажды совать нос куда совершенно не следует. В результате чего чиновник был сослан в 4-й участок Казанской части формально нести службу от сыскной полиции.

Описав вкратце столь редко встречающиеся ныне свойства, граничащие с глупостью, полковник Вендорф отметил кое-что из личных качеств, не бесполезных в таком туманном деле. С его слов выходило, что чиновник этот обладает исключительным упрямством, при этом может быть резок и даже груб, за словом в карман не лезет, а уж если за что-то возьмется, то лоб расшибет, но добьется результата. Причем владеет поразительным умением анализировать и находить невидимые глазу причины и подоплеки. Что отрадно: не скрывает своих карьерных амбиций и явного желания быть лучше всех. Так что в итоге самая подходящая кандидатура для такого «загадочного» дела.

Характеристика произвела впечатление. Нил Нилыч осведомился с почтением:

– Наверное, уже титулярный, не меньше?

– Нет, пока еще коллежский секретарь.

– Сколько же ему?

– Двадцать три года.

– Не слишком ли молод? – проскользнуло сомнение в талантах юнца.

«В самом соку!» – уже хотел выпалить полковник, но вовремя спохватился. Все-таки чиновник полиции, а не спелая ягода.

– Совсем недавно ему удалось распутать сложнейшее дело. Можно сказать, вывел на чистую воду опасного убийцу, а другого помог задержать по горячим следам. Прямо-таки дуплетом.

– Ишь ты, шустрый. Значит, не скиксует.
– Не то слово. Такой клапштос заложит – только подивитесь. Если, конечно, есть какого шара играть.

Поклонники русской пирамиды отлично поняли друг друга. Но Нил Нилыч все же поинтересовался: неужели у юноши нет слабости или какого-нибудь завалящего недостатка? Оскар Игнатьевич собрался было посплетничать, но вовремя сдержался: посетитель мог неправильно понять. Или, вернее, принять на свой счет.

Дело в том, что единственным недостатком юноши, по мнению начальства, был его семейный статус. Точнее – полное отсутствие такового. К своим зрелым годам энергичный чиновник полиции был еще преступно не женат. И это возбуждало смутную тревогу. В самом деле: как можно доверить охрану самого дорогого, что есть у каждого чиновника, – власти – тому, кто никогда не управлял своей женой? Достаточно ли крепка рука его, если никогда не знала вожжей, которыми управляется, во всяком случае в теории, любезная супруга? Можно ли доверить ему российскую государственность, если ни одна женщина не доверила руководить ею? Не имея других, более важных вопросов, начальство скрытно и пристально следило за семейной коллизией чиновника, но терпение могло закончиться. А вместе с ним и карьера удальца. Но все это касалось исключительно отношений между начальством и чиновником. И никого больше.

Нил Нилыч же был совершенно удовлетворен. Пока Вендорф набрасывал на фирменном бланке рекомендательное письмо, гость развлекал его подробностями недавно сыгранной партии, в которой обыграл заезжего зазнайку на червонец. А получив конверт, сообщил, что для такого замечательного друга готов на любую услугу.

– Значит, я могу надеяться? – скромно потупившись, спросил Оскар Игнатьевич.
– Не просто надеяться, теперь я ваш должник! Все, что угодно!
– В ближайшее воскресенье удобно?
– Да хоть завтра! Надеюсь, больше суток вашему герою не потребуется, чтобы раскрыть тайну.

Полковник искренне на это надеялся. И добавил:

– Не мазу ведь жалко, тут дело принципа. И уж, кажется, метко кладу, а он, подлец, летит куда захочет.

Кто бы мог подумать, что грозный полицеймейстер и вообще четвертинка полицейской власти столицы мечтал не о чинах и наградах, а о самом желанном, после варенья, невинном счастье: обучиться хитрому рокамболю, которым Нил Нилыч одержал не одну победу в пирамиде. Чтоб шара класть в лузу так... Ну, в общем, что тут поделывать: наши слабости – вторая натура.

3

Садовой улице по чести следовало зваться Рыночной: садов на ней раз и обчелся, а торжищ целых пять. Потому аромат кипящего варенья оведал ее из конца в конец. Особо густой дух скопился как раз посередине, в промежутке между Сennым рынком и Никольским, что ничуть не мешало обывателям наслаждаться занятой картиной, одной из тех, что украшает неметенные тротуары и облезлые стены.

Напротив подъезда доходного дома стояла пролетка, на козлах которой восседал излишне смуглый извозчик, украшенный не суконным цилиндром с пряжкой, а восточным тюрбаном, замызганным до степени удивления. Рядом с пролеткой восстоял господин среднего роста, в одной руке которого имелась вязанка толстых книг, стянутых сырой бечевкой, а в другой болтался потертый саквояж. Господин был несколько молод, прямо скажем, юн, слегка тучноват, но в самую меру, на крепкой шее сидела довольно крупная голова, подстриженная аккуратно, но коротковато, что позволяла заметить лихо сдвинутая на затылок шляпа. Одет по-летнему просто и неброско, так что трудно заметить что-то выдающееся в костюме. Выдающееся было в другом. Начать с того, что лицо украшала

парочка черных, как крыло коршуна, усов, да таких пушистых и густых, что укрощать их пришлось при помощи помадки, сворачивая концы в стрелки. Несмотря на титанические старания цирюльника, казалось, что в любую минуту усы эти готовы непослушно выпрыгнуть и распушиться во всю удаль.

Но самое большое впечатление производил взгляд молодого господина. Не то чтобы он был наглым или вызывающим, однако блестело в глубине зрачков нечто такое, что чуткого человека заставляло понять: перед ним не абы кто, а большая умница, обладающий недюжинной волей, хоть и скрытой за мешковатой внешностью. Такой взгляд, пожалуй, мог свернуть в бараний рог впечатлительную натуру, а уж женскую половину человечества приводил в трепет наверняка. Многие барышни, попав под этот взгляд, озадаченно спрашивали себя: что это было? Домогается он меня втайне или пронзительно видит самую душу мою? Демон или ангел в упитанном обличье? Если бы барышни знали ответ, то ни за что бы не стали заглядывать в эти зрачки, цвет которых и не описать. В конце концов, не женские глаза, чего там расписывать, и так ясно. А вот другой его орган описать стоит. Это был юноша со стальным сердцем. И никак иначе. Ну, вы понимаете: со стальным сердцем. Сердце, значит, у него было практически из стали, то есть не пробиваемое чувствами. Такое вот крепкое и выдержанное, что просто дальше некуда. Во всяком случае, он в это искренно верил.

Молодой господин явно испытывал силу своего взгляда на извозчике, при этом не забывая отчаянно ругаться. Дело шло о цене поездки. Пассажир с мелким багажом требовал отвезти до Царскосельского вокзала по тарифу, на что извозчик, печально ухмыляясь, отвечал:

– Э-э-э, барин кароши! Какой такой тарифа, что ти! Коня кармит нада? Нада. Детэй кармит нада? Нада. Да еще жена кармит нада, две штука. Тарифа их кармит будет, да? Давай рубь, паехали.

Как видно, извозчик недавно перебрался в столицу из восточных окраин империи, быть может, из Туркестана, и отчаянно пытался огрести деньгу. Но молодой господин был на этот счет другого мнения.

– Тариф для извозчиков утвержден градоначальством. Это закон. Так? – закричал он. – А закон надо исполнять, нравится вам это или нет.

– Э-э-э, барин, такой маладой, а такой жадни!.. Давай рубь, паехали, – канючил извозчик, пропустив мимо ушей неслыханно вежливое обращение на «вы».

– Я не жадный, но требую соблюдения закона! Тридцать копеек и ни копейкой больше.

Шарманка спора закрутилась по новой, что доставило истинное удовольствие прохожим и бездельничающим обывателям.

Пора уж приоткрыть завесу тайны над этим скандалом. Молодой господин не был скрягой, жмотом или скопидомом, а в обыденной жизни служил легкой добычей наглых приказчиков и домовладельца особенно. В практических вопросах домашнего хозяйства или закупки провизии был наивен на удивление. Откуда же взялось это яростное упорство базарного торгаша? Извозчику, что называется, повезло попасть под руку в самое неудачное время.

Со вчерашнего дня юный господин кипел возмущением. Все началось с пустяка. Заглянув на обед к матушке, обнаружил он, к крайнему удивлению, что его собираются женить. Да не просто женить, а на милой барышне с большим приданым и, конечно, из благополучной семьи. Матушка его, женщина добрая, но одержимая идеей видеть младшего сына под венцом, раз уж со старшим ничего не вышло, накинулась со всей материнской беспощадностью. Сыночку была представлена фотография невесты, девушки милой, но совершенно незнакомой и нелюбимой, после чего заявлено, что завтра они отправляются на смотрины, после которых он обязан официально просить руки и даже сердца своей избранницы.

Поначалу юноша был так занят окрошкой с пирожками, что слушал вполуха, а вернее, не слушал вовсе, принимая эту речь за очередное материнское наставление, которые

научился блистательно не замечать. Но под конец окрошки вдруг осознал, что дело принимает неожиданно серьезный оборот. Его не просто хотят женить силком, но уже и силки расставили. Попытавшись образумить матушку, обнаружил он, что скован по рукам и ногам. Осталось подставить шею под ярмо. А вот этого в ближайшем обозримом будущем он делать как раз не собирался. Не так давно пришлось ему пережить болезненное крушение страстной любви. Внешне это никак на нем не отразилось, виски не поседели, он не начал заикаться, но душевные раны были свежи и кровоточили, так что при слове «женитьба» бросало его то в страх, то в трепет. Говорить с ним нынче о женитьбе было так же уместно, как беседовать с селедкой о рассоле. Но матушка, не зная удержу и пощады, требовала сыновней покорности вообще и немедленного брака в частности.

Бывают минуты, когда и пойманная птичка бьется до последнего перышка, раз терять нечего. И миг такой настал. Хватив кулаком о стол, юноша вскочил и заявил, что женится только на той женщине, которую сам приведет в дом, а иначе ноги его больше не будет в этом доме. С чем и выскочил. Кипя гневом всю ночь, поутру он направился на службу в 4-й участок Казанской части и потребовал, именно потребовал у пристава предоставить ему отпуск на две недели. Видя такую напористость, пристав Вершинин-Гак по прозвищу Желудь молча подписал отпускное удостоверение и пожелал счастливого отдыха.

Молодой человек прилетел домой, связал в стопку любимейшие книги, среди которых нашлись «Золотой осел» Апулея и «Диалоги» Платона, побросал в саквояж чистое белье и нацелился сбежать в имение к бабушке, чтобы заглушить горе в тенечке малинового куста. А заодно не упустить урожай свежего варенья, которое, по его тайному поверью, само собой произрастало в банках, стоило лишь зайти в чулан.

И вот между ним и вареньем бабушки встал несчастный извозчик. Представляете?

Но, пожалуй, мы отвлеклись и не заметили, как лихо притормозил фиакр-двуколка, как возница осадил взмыленного рысака, сам же бросил поводья и спрыгнул на тротуар. Изучив представшего персонажа с книгами и саквояжем, господин тихонько хмыкнул, что могло означать только крайнее сомнение, однако же быстро утопил это сомнение в гримасе исключительного добродушия.

– Родион Георгиевич! – закричал он. – Какое счастье, что успел! В участке сказали, что вы отбыли в отпуск.

– Уже отбываю, – ответил юноша, быстро и тщательно осмотрев незнакомца. Приобретенная на службе привычка составлять мгновенный портрет сработала, несмотря даже на отпуск. Портрет вышел странным: мужчина имел такой цветуще-обтекаемый вид, что определить его возраст было затруднительно. Может быть, тридцать пять, а может, сорок или даже все сорок пять. Взгляд открытый и приветливый, исключительно хорош собой, что ценит и всячески подчеркивает. Улыбка неотразимая, привык оказывать на людей неизгладимое впечатление, добродушен, но эгоистичен и избалован. Камешки на перстне, запонки и брелоки, алмазная заколка в галстук и золотая цепочка, виднеющаяся из кармана жилетки, говорили за себя. В средствах не нуждается, умеет жить весело, от души. Занимается спортом и тщательно следит за собой. Одет по моде. Не женат.

– Вы кто? – недружелюбно спросил проницательный юноша.

– Позвольте представиться: Бородин Нил Нилыч! – сказал господин таким тоном, будто ожидал взрыва аплодисментов, никак не меньше. Его наградил угрюмый взгляд извозчика, который почуял, что добыча ускользает. Повертевшись на облучке, потомок орд Чингисхана вымученно заканючил:

– Э-а-э, ладна, тарифа давай твая, пятьдесят капейка.

Но пассажир уже потерял интерес к торгу и разговаривал только с обладателем брелоков и цепочек:

– Что вам угодно?

– Мне рекомендовали вас как замечательного сыщика... – начал Бородин, но тут же был одернут.

– Я не сыщик, а чиновник сыскной полиции, – мрачно сказал юноша и тут же добавил:

– Для особых поручений.

– В любом случае, господин Ванзаров, это вам... – появился конверт с грифом 1-го отделения столичной полиции. – Ознакомиться следует немедленно.

Развернув жесткий листок канцелярской бумаги, юный чиновник полиции прочел:
«Милейший Родион Георгиевич...»

От такого обращения вышестоящего начальства добра не жди. Собрав мужество, углубился в дальнейшее:

«Обращаюсь к вам не столько по служебному распоряжку, сколько как к самому талантливому и дельному специалисту, какого знаю в нашем ведомстве. У господина Бородин – человека, приносящего обществу и городу много пользы, возникло некоторое затруднение, которое способны разобрать только вы. Надеюсь, это не отнимет у вас много времени. По любому вопросу, связанному с этим делом, можете обращаться ко мне напрямую. И в дальнейшем двери для вас всегда открыты. Полковник Вендорф».

Иной чиновник за такое послание готов был бы отдать полкарьеры и жену в придачу. Шутка ли, сам полицеймейстер предлагает свое покровительство. Но Ванзаров скомкал письмо и равнодушно спросил:

– Что-то срочное? У меня отпуск.

– Тут такая история... – Бородин для чего-то понизил голос. – Не знаю, как и начать... Лучше бы вы сами посмотрели. Без натяжки могу сказать: дело загадочное, если не таинственное. Я несколько встревожен. Без вас не обойтись.

В любой другой день, услышав волшебные слова «загадочное» и «таинственное», Ванзаров бы поскакал куда угодно, как полковой конь на звуки трубы. Но сегодня...

– У вас семейные неприятности?

Верно уловив намек, Бородин пронзительно улыбнулся:

– Ну что вы! Какие могут быть неприятности, я же не женат. Да и разве посмел бы я отрывать такого специалиста ради тривиальной слежки за неверной. Что вы!

– Пропал любимый перстень?

– Не угадали. Ну-ка, третья попытка...

Простых объяснений странной спешке не нашлось. А потому, прикинув на одной чаше варенье бабушки, а на другой свалившуюся тайну, чиновник полиции закинул связку книг с саквояжем в фиакр, чем до глубины души опечалил восточного извозчика.

И поделом – сказано же: тариф.

4

Фиакр правился одной, но твердой рукой. Казалось, лошадиная сила бежит сама, будто зная, где следует поворачивать, а где наподдать, возница же держит вожжи с хлыстом для собственного удовольствия. Управлял Бородин с тем легким изяществом, что достигается высоким уровнем мастерства. При этом успевал не умолкая болтать. Уже через десять минут Ванзаров знал о нем все необходимое и без допроса.

Нил Нилыч оказался единственным сыном и наследником своего отца, господина Бородин, который разбогател на торговле керосином, сколотил приличное состояние, но, открыв, что работа – это не все, что может быть приятного в жизни, продал дело и зажил на составленный капитал без забот. Женившись на девушке небогатой, но приличной, Бородин-старший произвел на свет наследника, которому был искренне рад. Только воспитать как следует не успел. Когда мальчику было пять лет, он скончался от сердечного приступа, успев завещать все наследство единственному отпрыску. После чего воспитанием сына занялась маменька. Бородин-младший получил неплохое домашнее образование, хотел было поступить в армию, но военная дисциплина была не для него. Затем появилась мысль посвятить себя государственной службе. Написал прошение на поступление в Министерство уделов и даже ходил на службу целую неделю. Однако, нюхнув чиновничьего духу и вкусив министерских порядков, понял, что ломать в себе человеческое достоинство нет никакого

смысла. Принести пользу отечеству чиновник не может по определению, не для того служит, а в жалованье Бородин не нуждался. Смысла в службе не нашлось ни на грош. И с тех пор он зажил в свое удовольствие, найдя, впрочем, применение своим силам.

– Играете на бильярде? – спросил Бородин и даже как будто дружески подпихнул локотком в бок. Но, возможно, фиакр просто качнуло.

Ванзаров ответил неопределенно. Не то чтобы ему не были знакомы контр-туш, краузе, абриколь и прочие карамболи, но раскрывать свои качества перед незнакомым и чужим господином было крайне нерасчетливо. А вот рассчитывать Родион Георгиевич умел с удалью завязанного математика. Недаром в духовные наставники выбрал старину Сократа и его логику... Ну да ладно, не будем отвлекаться.

Нил Нилыч запел прямо-таки канарейкой. Для начала скромно сообщил, что не знает в столице и окрестностях другого игрока, способного уложить его в русскую пирамиду. Слава о бородинском мастерском ударе и крученых шарах достигла, кажется, самых отдаленных уголков мира, поклонники специально приезжают в Петербург, чтобы посмотреть, как он играет. Авторитет его в мире шаров настолько непререкаем, что стоит ему появиться в бильярдной зале, как противники в панике бросают кий и сдаются, так что в последнее время он даже заскучал, не имея достойного соперника. Мастерство досталось по наследству от батюшки, который тоже был не дурак шары погонять, но истинных высот достиг благодаря личному таланту и усидчивости. И вообще, как было бы чудесно, чтобы по бильярду проводился турнир, если не европейского масштаба, то хоть российского. Тогда все награды и кубки были бы его. Как же иначе.

– Сколько вам лет? – вдруг спросил Ванзаров.

Нил Нилыч хитро подмигнул:

– Угадайте. Проверим, какой вы проницательный сыщ... чиновник полиции.

– Между сорока и сорока пятью.

Мастер бильярда расплылся в победной улыбке:

– Благодарю за комплимент. Мне сорок восемь! Удивлены?

– Что ж до сих пор не женаты?

Проскочила интонация уж слишком личная, совсем не такая, какой требует непринужденная беседа. Но, кажется, Бородин не заметил.

– Ай, как-то не сложилось, – легкомысленно ответил он. – Играл несколько верных партий, но всякий раз случался фукс. То одно, то другое... Но в самое ближайшее время намерен этот вопрос решить окончательно. Пора бы уже детишек завести, надо же кому-то передать мастерство, да и годы берут свое... Хо-хо! А позвольте вас спросить о том же?

Родион, застигнутый врасплох, смог отбиться только с помощью своего обожаемого Сократа. Уродливый мудрец, как известно, относился к семейной жизни как к подвигу, почему и говорил: «Женишься ты или нет – все равно расскаешься». Или: «Брак, если уж говорить правду, зло, но необходимое зло». И даже: «Если попадется хорошая жена, будешь исключением, а если плохая – станешь философом». Пробормотав нечто подобное, Ванзаров аккуратно перевел разговор на происшествие, но Бородин внезапно замкнулся, отговорившись, что лучше увидеть своими глазами.

Показался Крестовский остров, прицепленный к Петроградской стороне хлипким деревянным мостком. Под ударами копыт помост раскачивался и подрагивал, словно нежная барышня, попавшая в дремучую чащу. Счастливо миновав переправу, фиакр углубился в древесную зелень, среди которой петляла грунтовая дорожка.

Цель поездки разглядеть несложно было издалека. Дом был построен полвека назад, но построен как-то затейливо. Будто архитектор задумал воздвигнуть массивное дворянское гнездо, но потом плюнул и соорудил что попало. Одноэтажный дом, широко раскинувшись на лужайке, казался хронически недостроенным, чем и гордился. Гостей встречал парадный подъезд с большими полукруглыми окнами, по бокам подъезда торчали два выступа. Один был явно нежилой, с наглухо закрытым окном, зато в противоположном створки распахнуты, внутренности комнат прикрывает портьера. С правой стороны особняка виднелся широкий

эркер с множеством окон. Вдоль дороги протянулся невысокий заборчик, подпираемый шеренгой кустов крыжовника. Чуткий нос чиновника полиции уловил волнуемый аромат.

Фиакр въехал в настежь распахнутые ворота. Бородин соскочил и пригласил следовать за ним. Встречать гостя и хозяина никто не спешил. Ни прислуга, ни конюх, ни домочадцы не показались. В широкой зале, в которой Ванзаров очутился прямо с порога, было прохладно. Среди привычного хаоса мебели и домашних мелочей, каких в любой квартире собрано предостаточно, выделялся роскошный бильярдный стол с новеньким сукном. Но и здесь никого не было. Зато поблизости слышались женские всхлипы. Ничего более таинственного или преступного зоркому взгляду сыскной полиции не попало. Нил Нилыч немного замешкался и вдруг сказал:

– Будет лучше, если сначала увидите... Пойдемте.

Любезный хозяин пригласил гостя выйти вон, они прошли мимо коня, за что-то обозванного Буцефалом, занятого уничтожением цветочной клумбы, которую, впрочем, трудно было испортить больше, и вышли на задний двор. Забор, прикрывавший дом с фасада разве что от бродячих зайцев, внезапно обрывался, но ягодные кусты держались грядкой. В дальних углах виднелись деревянные постройки, служившие баней, дровней, сараем и, кажется, конюшней. Посреди двора возвышалось сооружение из жаростойкого кирпича, обугленное и обгоревшее. Невдалеке виднелся широкий стол, заставленный стеклянными банками и кухонными принадлежностями. И опять никаких следов разбоя или хоть гнусного преступления, если не считать медной сковороды, которая печально плавала в луже варенья. Подозвав гостя жестом, Бородин указал на сооружение из двух широких тазов, сложенных, как ладошки.

– Вот, – сказал он с некоторой тревогой и даже оглянулся по сторонам.

Ванзаров предоставил событиям развиваться своим чередом. Нил Нилыч решительным жестом сорвал верхний тазик. Под ним обнаружился другой, поменьше, тоже перевернутый вверх дном, прикрывавшим что-то на поверхности сахарных ягод. Уже явно труся, Бородин прикоснулся к покрывашке и быстро сдернул ее. Тазик открыл горку колотого льда.

– Там, – сдавленным шепотом выдавил мастер бильярда. – Смотрите сами.

Твердой рукой Родион Георгиевич разгреб подтаявшие осколки.

5

Создания мрачной фантазии вроде нежити, нечисти, небыли или привидений английских замков не так пугают, как тихий шорох в пустом доме или чья-то тень за углом. Нельзя придумать ничего такого страшного, чтобы напугало одним своим видом. А все потому, что реальное менее ужасно, чем то, что создает наша фантазия. Страх порождает воображение. Тем и страшен. А из граней хрустальной воды кто-то смотрел. Прямо в Ванзарова уставился немигающий взгляд.

Секундное помутнение услужливо преподнесло образы одноглазого Вия, затем чудовищного карлика, прячущегося в варенье, а напоследок водяного-недоростка (большой в таз с ягодами не поместится). Как только сознание прогнало одуревшее воображение, до Родиона дошло, что на него смотрит всего лишь глаз. Один глаз. Только глаз. И ничего больше.

Глаз смотрел не мигая потому, что мигать ему было нечем. Зрачок помещался в беловатом глазном яблоке с прожилками сосудов, за которым виднелся хвостик оторванного нерва. И больше ничего. Попросту глаз изъяли из человеческой головы и поместили среди кубиков льда, сахара и несваренной малины. Играть в гляделки с немигающим зрачком оказалось трудно. Прямо невыносимо трудно. И Ванзаров отвел взгляд.

– Как вам?

Родион хотел было сказать, что приходилось видеть и не такое: расчлененные трупы, изувеченные трупы, сгнившие трупы, трупы на любой вкус и предпочтение. Правда, все больше в учебниках криминалистики и на фотографиях из полицейского архива. В реальной

практике ему лишь раз досталась отрезанная рука, да и та лежала рядом с мужем, поплатившимся за ревность подруги. А вот так, чтобы глаз находился без жертвы преступления – никогда. Но вместо назидательного мнения опытный сыщик, пардон, конечно, смог выдать многозначительное:

– Понятно...

Хотя ничего не было понятно. К тому же робость перед анатомическими подробностями еще не до конца выветрилась из стального сердца. Больше всего сейчас требовалась подсказка и помощь его друга и коллеги – эксперта Лебедева, но ее ожидать было бесполезно. Светило криминалистики и лучший знаток всего, что связано с научной частью расследования преступления, отбыл к волнам теплого моря, чтобы предаваться неге, ничегонеделанию и приударять за хорошенькими женщинами, которые, как известно, на юге водятся в изобилии. Оставалось рассчитывать только и исключительно на себя. Это не радовало. Вот, например, как определить, чей глаз: человеческий, коровий, а может, крупной собаки?

Заставив себя посмотреть, Родион все же склонился к мнению, что глаз человеческий. Уж больно неприятно на душе. Но вот чей именно – мужчины или женщины, – какого возраста или роста, понять совершенно невозможно. И все же цвет зрачка – отлива морской волны – напомнил, так некстати, некие васильковые глазки, которые Ванзаров заставил себя забыть. Но сейчас не до них...

– Вам знаком этот глаз?

Вопрос заставил Бородина несколько усомниться в умственных способностях юноши. Он честно признался, что видит его впервые.

Родион уже пожалел, что не сдержал язык. Действительно, узнать глаз знакомой персоны на его привычном месте – среди век, ресниц, носа и бровей, – в конце концов, труда не составит. Но вот так, в виде белесого шарика, наверное, даже Лебедев бы не справился.

– Так и обнаружили – среди льда?

Показав тазик с глазом спину, Нил Нилыч изобразил дружелюбную улыбочку:

– Представьте картину: вижу сладкий утренний сон, в который врывается омерзительный визг. Думаю: наверняка какая-нибудь дворняга под колеса попала. Лежу, дремлю. Вдруг визг смолкает и начинаются истошные крики Аглаи...

– Кто такая Аглая?

– Аглаюшка – нянюшка, воспитала меня вместе с матерью. Так и живет с нами, ангел, а не женщина, сама доброта и любовь. Теперь у нас вроде домоправительницы... Да, так вот кричит она что-то несусветное, вроде проклинает кого-то. Тут уж не стерпел и, как был в ночной рубашке, выбежал во двор. Что же вижу? В луже варенья сидит Тонька...

– Кто такая Тонька?

– Наша кухарка! Так вот, сидит она в свежем крыжовенном, воет, а над ней ярится Аглая. Подхожу, выясняю, из-за чего сыр-бор. Няня показывает на тазик с малиной. Я-то сначала не разглядел, а как понял, в чем дело, аж дурно стало. Нет, ну подумайте, среди бела дня в своем варенье найти чей-то глаз!

– Моя тетя как-то раз купила на Апраксином рынке банку клубничного, – доверительно сообщил Ванзаров. – Открыла, а там таракан засахаренный. Безобразие, конечно. Но полицию не вызывала.

Мудрое замечание заставило Бородина опять усомниться в правильной рекомендации полковника Вендорфа. Уже не так дружелюбно он спросил:

– По-вашему, ничего странного – найти на заднем дворе часть человеческого тела?

– Я бы так не сказал, – уточнил Родион. – Но и принимать близко к сердцу не стал бы.

– Почему же?

– Скорее всего, это чья-то глупая шутка. Быть может, местные хулиганы решили попугать. Сидели в кустах и животы надрывали, когда ваши женщины подняли панику. Все это вполне может разобрать местный пристав. У ваших домашних глаза на месте?.. Ну, вот видите. Думаю, и дела-то никакого нет.

– А я так не думаю, – упрямо сказал Бородин. – Потому и обложил глаз льдом, чтобы настоящий полицейский специалист выяснил, в чем дело. Но, кажется, ошибся.

Вызов, брошенный недогнувшей рукой бильярдиста, был поднят чиновником полиции, тщательно осмотрен, взвешен с точки зрения выбора между ним и бабушкиным вареньем и, наконец, принят.

– В таком случае прошу изложить настоящие причины вашего беспокойства. Потому что этого... – Ванзаров кивнул на тазик с малиной, – ...явно недостаточно для серьезного расследования.

Поеживаясь под вездливым буравящим взглядом, который, казалось, так и копается во всех внутренностях, Бородин подумал, что юнец не так уж и прост, как кажется, а может, и вовсе придуривается – сам же аккуратно проверяет да прощупывает. С ним надо играть штосом: честно и в лоб.

– Нянька кричала о каком-то роковом проклятье, которое висит над нашей семьей и всех погубит.

– Вы когда-нибудь слышали о нем? – спросил Ванзаров без тени иронии.

– В том-то и дело, что нет. Наша семья – тихий, мирный и очень дружный кружок, в котором никогда ничего трагического, а уж тем более рокового не случилось. Мы самые мирные обыватели, если хотите.

– Ваша няня упоминала еще и рок?

– Насколько понял... А еще, – Бородин замялся и наконец решился, – глупо признаваться, но я действительно испугался. Какое-то чувство подсказывает, что все это неспроста, за всем этим что-то есть, какая-то недобрая тайна, которая угрожает и мне, и моим близким. Ну разве можно с этими домыслами пойти к приставу?

Вот это Родион очень хорошо понимал. Местный хранитель порядка в лучшем случае выслушал бы, а потом повертел пальцем у виска. И делать ничего не стал бы. Не так усердна полиция, как ее представляют. Но Ванзаров отнесся по-другому.

Придя в сыскную полицию, юноша искренне верил, что станет бороться с выдающимися преступниками, разоблачать захватывающие тайны и разгадывать запутанные происшествия. Романтический туман быстро рассеял ветер грубой реальности, но щемящее чувство неудовлетворенности и, если хотите, вера в чудо остались. Родиону так хотелось быть великим... ну, что поделать, придется сказать это запретное слово: «сыщиком». И уж если к слову «сыщик» он приобрел стойкое отвращение, то стать великим чиновником сыскной полиции не отказался бы. И сейчас, когда Бородин признался, ощутил, вернее, услышал в глубинах органа интуиции тихий звоночек, который тренькнул: «Берись, Родион, тебя ждет удивительное дело, останешься доволен». А уж своей интуиции Ванзаров верил, как Лебедеву.

– У вас водка есть?

В растерянности Бородин даже нос почесал:

– Пять сортов. Какую предпочитаете? С закуской или так, на занюх?

Что тут поделать! Сплетни о жутком пьянстве в полиции не то чтобы не имели под собой основания, но уж к коллежскому секретарю Ванзарову отношения не имели.

– На службе – никакую, – ответил он. – А еще позвольте баночку, чтобы сохранить улику.

Без Лебедева это было все, на что он способен.

Прикасаться к глазу Нил Нилыч вежливо, но твердо отказался. Задержав дыхание, Родион большим и указательным пальцами придавил комочек. На ощупь оказался слизковат и похож на гнилую сливу, которая готова лопнуть от нажима. Нырнув в водку шаловливой рыбкой, шарик кувыркнулся и устоялся голубым зрачком на чиновника полиции.

Улика накрылась медным тазом. Чтобы мухи не садились или женщины, случайно увидев, не упали в обморок. Тщательно оттерев пальцы, с которых, все казалось, не сходит волглая слизь, Ванзаров сказал:

– Поброжу в округе, может, что-нибудь обнаружится.

Бородин изъявил горячее желание следовать за сыскной полицией, куда бы ни закинула судьба.

6

Кого заносило в прерии, тот знает, как подкрадывается к жертве леопард. Пригнувшись к саванне так, что и спины не видно, бесшумной тенью скользит в траве. Ни один стебелек не дрогнет, никакая веточка не хрустнет. Коварно и осторожно подкрадывается пятнистая кошка к своей добыче, прикрываясь до последнего травой, и лишь в решительный миг вырывается броском. Наш местный леопард возвышался над зеленой травушкой приличным кулем, никуда не прятался, хотя двигался бережно и неторопливо.

Изображать из себя следопыта прерий Родиона заставила логика. Никто более на это не был способен. Логика была неумолима: раз глаз оказался в варенье, то все остальное, в чем он помещался, должно быть неподалеку. Ах да, тут надо сделать важное отступление.

Еще увидев шарик цвета слоновой кости, Ванзаров сразу подумал об убийстве. Трудно представить, чтобы из живого изъяли глаз и он дальше принялся разгуливать по Невскому проспекту как ни в чем не бывало. Скорее всего, был выбран некто, кто был умерщвлен, после чего у него одолжили смотрящую часть тела. Зачем? С этим вопросом предстояло серьезно разобраться. Но если найти того, кто лишился своего ока, будет проще протянуть цепочку. Быть может, это кто-то, близкий к Бородину.

Судя по полицейской практике, убийца, совершив расчленение, оставляет отрезанные части недалеко от самого тела. Родион покопался в кратком архиве памяти и смог обнаружить всего два случая, да и то отдаленно похожих. Так, в 1892 году в съестной лавке было найдено тело с отрезанной головой. Следствие выяснило, что убитый – фейерверкер¹ Голубев, содержатель постоянного двора. Убийцей оказался его друг и собутыльник Иванченков, с которым они пьянствовали два дня и допились до того, что затеяли драку. Попавший под руку кухонный нож сделал свое дело. При первом же допросе Иванченков во всем сознался.

Второй случай был в 1893-м и до омерзения походил на первый. На станции Плюса Варшавской железной дороги был обнаружен труп неизвестного с отделенной и изуродованной головой. Энергичный розыск открыл, что убит гимназист Мякотин, который ехал со своими старшими приятелями. Они и позарились на его деньги. Предъявленные неопровержимые улики и само тело вынудили бывших гимназистов признаться в жестоком убийстве по причине длительного пьянства. И это все. Никогда еще сыскная полиция не сталкивалась с отдельно лежащим глазом в сахаре и малине.

Трава в этом году задалась сочная и густая. Разглядеть в ней что-то оказалось затруднительным. Ванзаров принялся за розыск по строго научной системе. Сначала обошел дом со стороны деревянных построек в поисках помятой растительности, как это бывает, когда волокут мертвое тело. Но кругом трава росла прямо. Только вблизи эркера виднелась свежая тропинка. Смяла ее преступная нога или невинная – зелень не докладывала. Ясно одно: человек шел сам и тяжести за собой не волок. В других местах и того не было, как будто около особняка никто не ходил недели две, а то и больше. Пришлось, к сожалению, признать: вблизи тело не обнаружить.

Быть может, скрывалось оно где-то за дальними деревьями? Но и здесь ждала неудача. Ничего похожего на след от тела или его само раздобыть не удалось. Как ни печально, но и пятен крови не было. Залезать в небольшой пруд и шарить по дну коллежский секретарь считал недостойным себя. Оставалась надежда, что преступник проявил чудеса осторожности и шагал так, чтобы не смять травы. Но, быть может, обронил или бросил еще какой-нибудь орган? Сгодились бы любая мелочь: хоть нос, хоть ухо.

Уже не зная, что ищет, Родион медленным леопардом рассекал траву, отодвигая кустистые поросли носком ботинка. Кроме камней да гнилых листьев на земляном пологе, не

¹ Мастер фейерверков.

попадалось ничего мертвого.

– Ох ма! – вдруг вскрикнул чиновник полиции.

– Что?! Что там?! – эхом взвизгнул испуганный Бородин, который все это время следовал тенью леопарда, не отставая и не открывая рта.

– Белый гриб огромного размера.

– Фу ты... Разве можно так пугать, Родион Георгиевич! Я уж подумал, что... У нас их тут много бывает в урожайный год. И в лес ездить не надо.

– Что же подумали?

– Не знаю, может, руку или голову нашли...

От такой находки Ванзаров бы не отказался. Но убийца не захотел облегчить розыску дело. Следовало признать: удаление глаза произошло в неизвестном месте, находящемся от особняка на неизвестном расстоянии, и при этом нахождение самого тела также печально неизвестно. Судя по всему, преступник не крался к дому по зарослям, чтобы коварно подбросить глаз в варенье, а преспокойно подъехал или подошел по дорожке, заглянул во двор и испортил кухарке готовку. Было в этом что-то омерзительно простое и примитивное.

И все же поход в траву дал неожиданный результат. Решительным шагом, при котором уже надо придерживать пашку, приблизился местный городской Лялин и строгим тоном потребовал отчет: по какому делу двое господ приличного вида, даже не пьяные, шляются вот уже с полчаса по окрестным кустам, словно потеряли что-то. А может, замышляют противозаконное.

Ответа Лялин не дождался, а самому отвечать пришлось и даже вытянуться смирно, когда узнал, какого господина посмел беспокоить. Похвалив за бдительность, Ванзаров расспросил о перемещениях в округе неопознанных или подозрительных лиц сегодня утром. Городовой доложил, что находился на посту, как и полагается, с седьмого часа, за всем, конечно, не уследишь, участок большой, но, по его наблюдению, никого подозрительного не было. Потому как народу-то почти и не было. А кто проходил – так все свои, местные. Родиона подмывало вытащить глаз, но, пожалев нервы Лялина, отпустил постового с миром.

На заднем дворе было по-прежнему: медный таз прикрывал улику, ни одного домашнего не объявилось.

– Испугались, приходят в себя, отсиживают по комнатам, – пояснил Бородин.

– Сколько держите прислуги?

– Сейчас только кухарка Тонька и лакей Орест. Скоро вернутся конюх Митька, дворовый работник Никодим, он же истопник и плотник, и еще горничная Дарья. Мы их на лето к родне в деревню отпускаем. Аглае приходится за троих управляться.

Вынув пока единственную находку, Ванзаров предался созерцанию. В водке глаз чувствовал себя превосходно, смотрел на чиновника полиции, широко раскрыв... вот ведь проблема: что бы глазу широко раскрыть? Ну да ладно...

Как опытный экспериментатор, Родион взболтал содержимое. Глаз послушно запрыгал шаловливым мячиком. От такого исключительного зрелища Бородина охватило чувство омерзения. Он предательски булькнул.

– Экий вы нежный, – задумчиво проговорил Ванзаров, хоть и его слегка подташнивало. – Пора взяться за свидетелей.

– За кого? – спросил Нил Нилыч, глубоко и медленно выдохнув.

– За ваших домочадцев попрятавшихся. Надеюсь, позволите?

– Конечно... Раз надо... Только умоляю: спрячьте куда-нибудь эту гадость. Не пугайте маменьку и Аглашу.

Ванзаров пообещал, но тут же выставил банку вперед:

– И все-таки: вам никого не напоминает? Может, вспомните?

Нил Нилыч охнул и стремительно удалился в дом.

Прибытие поезда братьев Люмьер открыло эру кинематографа один раз и надолго. А вот прибытие паровоза из Первопрестольной в Имперскую открывает сезон охоты каждый день. Безжалостные хищники слетаются стаей, ждут в нетерпении и, стоит появиться несчастным жертвам, набрасываются гуртом, вырывая сочные куски. Каждый извозчик знает: ловить приехавших прямо с поезда – дело выгодное. Попад в большой город, пассажир подобен слепому котенку. Вот тут-то его и надо брать тепленьким. А потому в назначенный час у площади Николаевского вокзала собирается целый эскадрон пролеток, сами извозчики дежурят у выхода. И на перроне за руку хватали бы, жаль, не пускает полиция. Но этого места бывает достаточно. Жертва сама идет в пасть.

Ступеньки вагона третьего класса кое-как одолел господин домашнего склада в помятом костюме. Одним добродушным, если не сказать простецким видом он возбуждал жажду наживы. Багажа с ним было немного, а сказать честно, почти никакого: потертый портфель да куль, замотанный в платок и самые простецкие веревки. Внутри мерно позвякивали банки, как видно, варенья. Господин только шагнул от вагона, как на него налетела какая-то фигура, а тут еще мальчишка в ногах запутался. Незнакомец отшатнулся и, сняв шляпу, искренне извинился, что причинил неудобство, после чего стремительно растаял в толпе. Пожилой господин даже не успел поклониться в ответ. Ему стало стыдно, что, оказавшись в столице, первым делом проявил неуклюжесть.

Вежливость петербургских жителей не знала границ. Упитанный извозчик обрадовался незнакомому приезжему, как родному, и так уж мило уговаривал взять его, дескать, провезет недорого и с ветерком. Хоть в планах господина числилась скромная конка, но дружелюбный напор сломил экономность.

Извозчик ехал не спеша. Чего господин не замечал, наслаждаясь видом витрин, модно одетой публики и вообще оглушенный столичным духом. Пролетка остановилась у здания Министерства иностранных дел на Дворцовой площади. Повернувшись с облучка, извозчик попросил недорого, три рубля. То есть в шесть раз больше, чем того стоило. Господин испугался, но делать нечего: столичные цены, столичная дороговизна. И полез за кошельком. Во внутреннем кармане его не оказалось. И в наружных тоже. Как, впрочем, и часов. Господин признался, что кошелек потерял, и спросил извозчика, где его найти, чтобы вернуть долг завтра. Но ванька принимать на веру не стал, а схватил портфель и баул, после чего выкинул пассажира, назвав обидным словом, хлестнул лошаденку и был таков.

Господин остался на главной площади империи без копейки денег и вещей.

8

Говорят, характер семьи отражает дом. Или народная мудрость оплошала, или характер этой семьи был загадочен. В обширном помещении, кроме известного бильярдного стола, нашли приют всевозможные вещицы. Имелись китайские разнообразные вазы, там и сям располагались бронзовые безделушки и фигурки каглинского литья, по стенам вольной россыпью гнездились картины вперемежку с офортами и фотографиями каких-то бородатых предков, по полу катились волны разношерстных ковров, а с потолка свешивалась люстра, бережно укутанная чехлом, в прорехах которого виднелись хрустальные сосульки. В большую гостиную, как для себя назвал это помещение Родион, выходило целых пять дверей, через проход, украшенный драпри, виднелась гостиная поменьше, а еще отрастал короткий коридорчик несуразного вида. Но самое поразительное располагалось в дальнем углу: пол с потолком соединяла спиральная лестница из кованого металла, перила которой завершались мощной львиной лапой. Для чего понадобилось это сооружение, ведущее в никуда, догадаться было не по силам даже сыскной полиции. Быть может, все тот же архитектор замахнулся на второй этаж, а потом бросил и от лени накрыл чердаком.

Где-то в отдалении тикали часы. Всхлипы утихли. Бородин гостеприимно выжидал, пока Ванзаров осмотрится и приняхается, лишь любопытствовал: угодно ли собрать всех в одном месте? Родиону было угодно как раз обратное. Он просил отвести его в комнату

кухарки. Но Нил Нилыч, смутившись, предложил начать с маменьки: неудобно не представить хозяйке дома гостя, хоть и приятного во всех отношениях, но все-таки. И не дожидаясь согласия, нырнул в ближайшую дверь, из которой почти сразу выплыло передвижное сооружение на скрипящих колесиках.

Родион торопливо поклонился. А когда выпрямился, был сражен открывшимся зрелищем. На величественную спинку старинного резного дуба, увенчанную двумя сферами с символами Зодиака, опиралась дама удивительной красоты. С такого лица плакаты бы писать – истинное воплощение родины-матери вообще и материнства в частности. Дама была в годах, но сколько этих лет ею прожито, казалось совершенно не важным. Удивительным образом она сохранила обаяние молодости, чистоту кожи, ясность взгляда и спокойную мудрость женщины, пожившей и знающей в этой жизни немало. Назвать ее пожилой, а уж тем более старухой язык бы не повернулся: прямая спина и золотистый отлив аккуратной прически без единой искорки седины.

Ванзаров оказался не в состоянии составить мгновенный портрет, потому что и так было очевидно: госпожа Бородина исключительная женщина. Нестерпимо захотелось сложить голову ей на колени, чтобы погладила и похвалила Родиошу «хорошим мальчиком». Да и сам матерый бильярдист будто уменьшился ростом, став маленьким, послушным мальчиком, и вовсе растворился. Хотя ничего такого не происходило: Нил всего лишь покорно ждал за спинкой стула-коляски. Сооружение тоже нерядовое: вместо привычного инвалидного кресла к старинному стулу приделали четыре колеса-валика и площадку для ног, в результате чего мебель отдаленно смахивала на детскую игрушку – конь на колесиках.

Отогнав сопливое наваждение, чиновник полиции выслушал, как его представил Бородин, и еще раз поклонился. Дама ответила такой теплой и нечеловечески доброй

улыбкой, что Родиону потребовалась вся сила воли, чтобы не растечься сиропом.

– Очень приятно, Филомена Платоновна, – сказала она голосом, пропитанным материнским теплом, как губка мылом. Редко, когда имя¹ настолько точно отражало внешний образ персоны. За сладостным туманом нельзя было не заметить ее глаза цвета морской волны.

– Кажется, Родиону Георгиевичу хочется узнать, сколько мне лет.

Чиновник полиции стал отнекиваться, но его просили не церемониться.

– Не больше пятидесяти... – выдал он.

Его наградили самой материнской из всех улыбок этого мира:

– Как нехорошо обманывать... Но все равно спасибо за комплимент: мне шестьдесят три, молодой человек.

И ему протянули руку для поцелуя!

Касаясь губами тонкой, почти девичьей кожи, Ванзаров ощутил волнующий аромат духов, какие женщина использует для соблазнения и охмурения. Мысли, шально залетевшие ему в голову, мы оставим в тенечке извилин. Нечего им тут делать, мало ли что порою выскакивает из грязных подвалов души.

Вполне овладев собой, Ванзаров сумел вернуться к делу.

– Я вряд ли могу быть полезна, – печально сообщила Филомена Платоновна.

– Маменька не может передвигаться без посторонней помощи, – вставил Бородин.

– Нилушка, зачем эти подробности... Он славный мальчик, не правда ли? Я воспитала его добрым, чутким, отзывчивым. Его любят и ценят в обществе. И сам он всегда готов помочь любому. Недаром кормила его грудью до пяти лет...

– Маменька!

Взрослый мужчина зардел шаловливым мальчуганом. Родион хорошо понял состояние мужчины в два раза старше его: и с ним проделывали подобный фокус родительской любви и нежности, от которой хотелось провалиться или повеситься тут же при гостях.

– В этом нет ничего постыдного. Ребенок, выросший на материнском молоке, здоровее и добрее прочих. Он так долго не мог оторваться от моей груди.

– Ну маменька!!!

– Так, что происходило нынче утром? – Чиновник полиции принялся спасать остатки мужского достоинства билльярдиста.

– Эту ночь, как и все прочие, я спала плохо, почти совсем не сомкнула глаз. От духоты не спасали и открытые окна. Забылась тяжелым, мучительным сном только под утро. Внезапно меня разбудил чей-то пронзительный крик. Я позвала, но ко мне никто не явился. Крики продолжались, слышался голос Аглаи и рыдания Антонины, но я не знала, что случилось, и самые черные мысли уже овладели мной. Я вся извелась, пока не появился Нилушка и не объяснил происшествие.

Ванзарову показалось, что ему зачитали вслух какой-то сентиментальный роман. Или так бывает со старыми людьми?

– Насколько понимаю, окна вашей спальни выходят на правую сторону дома, где эркер, – спросил он. – Кто-нибудь проходил утром?

– Ах, нет. Я никого не замечала.

– Что может означать появление у вас на заднем дворе гл... – Родион осекся под страшным взглядом заботливого сына, – все это происшествие?

– Ума не приложу, – неожиданно резко сказала госпожа Бородина. – Думаю, чья-то очень жестокая и глупая шутка.

– И все же предложили обратиться в полицию...

– Нет, Нилушка настоял. Я отговаривала, но мой мальчик не послушался.

– Прошу прощения, Филомена Платоновна, что вынужден спросить, но это мой долг. У вашей семьи есть в прошлом некие тайны, о которых кто-то захотел напомнить подобным образом?

¹ Полная любви (греч.) .

– Нет. Никаких тайн нет и быть не может, – ответила дама строго. – Мы простая и открытая семья. Помогаем, чем можем, бедным и не задираем нос. В нас нет дворянской спеси. Деньги моего мужа не сделали нас хуже или злее. Надеюсь, господин сыщик, вы мне верите?

– Я чиновник полиции, мадам.

– Тем лучше. Желаю вам скорее разыскать шутника и примерно наказать его... Нил, отвези меня.

Деревянное сооружение удалилось под благородный скрип. Вернувшись из спальни, Бородин тяжело вздохнул, словно делился с таким же любимым сыном одним им понятной бедой.

– У маменьки отказали ноги, – оправдываясь, сказал он. – Что только не делали: и докторам показывали, и на воды в Будапешт возили – ничего не помогает.

– Давно это случилось?

– Уже года три... Желаете допросить Тоньку?

– Я бы зашел к Аглае.

Бородин послушно направился к двери, соседней с материнской спальней, вежливо стукнул и крикнул в створку:

– Нянюшка, к тебе можно?

Ему никто не ответил.

– Тут полицейский чиновник, господин Ванзаров, хочет кое о чем расспросить. Впусти нас...

В двери расплзлась узкая щелка, из которой стремительно выскочило нечто в черном и тут же захлопнуло за собой вход.

– Нечего там делать, – сказал хриплый старческий голос.

Нил Нилыч отошел в сторону. На Ванзарова уставились слезящиеся черные зрачки, как будто выпиравшие из корявого личика, перепаханного морщинами. Клочки седых патл выбивались из-под косынки, повязанной в спешке. Старушка, а вернее сказать бабка, если пожалеть слов «баба-яга» или «ведьма», казалась озлобленным хорьком, у которого от бессильной ярости шерсть встала дыбом. Хотя шерсти на сторбленном загривке, конечно, не просматривалось. Мерзкое создание, на вид – глубоко за семьдесят, выглядело полным сил. Или, во всяком случае, способным вцепиться длинными когтями, то есть, конечно, ногтями, в лицо гостя. Такой нянькой в страшной сказке пугать. Между тем Нил посматривал на нее с тихим обожанием. Да, ко всему привыкнуть можно...

– Так и будем в смотрелки играть? – прорычала Аглаюшка. – Что вам угодно? Зачем пришли?

Изобразив строгое достоинство, которому и дела нет до вздорных старушек, чиновник полиции официально спросил:

– Что можете сообщить об утреннем происшествии?

– Нечего сообщать.

– Но ведь вы...

– Тонька, дура, крик подняла, всех разбудила, а то бы... – Что бы случилось при другом развитии событий, Аглая не раскрыла. Зато строго и въедливо уставилась на Бородина.

Нил Нилыч как-то сразу заторопился, вспомнил, что Буцефал под солнцем жарится, надо отвести под навес, указал, где комната кухарки, и героически смылся.

Ванзаров уже собрался продолжить приятную беседу, как вдруг старушка резво подскочила и шипяще процедила:

– Убирайтесь-ка отсюда, господин хороший. Нечего тут делать. Сами разберемся. И нос совать нечего. Тут дела семейные.

– Неужели?

– И шутить со мной не вздумай! Ишь гусь выискался!

С вредной птицей Родиона сравнивали в первый раз, все больше с мишкой или с бычком. От досады за поправное достоинство не сдержался.

– Извольте взять должную манеру! – гаркнул он. – Я вам не мальчик, а чиновник полиции для особых поручений. Не какой-нибудь там сыщик, а лицо официальное. И требую отвечать, когда спрашиваю. А то быстро продолжим в участке.

Вся эта мальчишеская тирада не произвела на Аглаю ровного никакого впечатления. И морщинка не дрогнула, буравила водянистыми зенками непрошеного субъекта. Только ответила почти ласково:

– Миленкий, пугать меня не надо, я уже ничего не боюсь. Подобрю тебе советую, не суйся, ничего, кроме грязи, тут нет, уж поверь мне. Сами разберемся.

– О каком семейном проклятии упоминали? – упрямо спросил Родион.

– Послушался бы меня Нилушка, не поскакал в полицию, так и затихло бы все. Само собою бы разошлось, как волны в пруду... Показалось ему, что-то болтала с испуга, даже сама не помню.

– Про какой рок вам известно?

– Не буди ты лиха, мил-человек... Нечего тут делать посторонним. Что можешь знать о жизни, мальчик, усы-то велики, да только на них молоко еще не обсохло. Куда суешься, птенчик, сначала хоть женского тела познай... Эх ты, герой... Того гляди накличешь беду, поверь моему слову, и уж тогда поздно будет. – И, оборвав разговор, Аглая скрылась под сухой хлопок двери.

А вот сыскная полиция, утершись, что называется, и подобрав осколки профессиональной гордости, а вместе с ней и мужской, направилась в другую сторону – в вытекавший из большой гостиной узкий коридорчик. Там обнаружилась еще пара дверей. Из одной отчетливо тянуло дымом дешевых папирос. Около другой обозначилась лужа крыжовенного варенья. Стараясь не влипнуть, Ванзаров издал церемонный стук и сразу распахнул створку.

На узкой кровати, застланной цветастым одеялом, сидела барышня не старше тридцати, бесцельно уставившись в неведомую точку на стене. На гостя и бровью не повела. Родион решил было, что ошибся и попал в комнату горничной, но фартук, разукрашенный вареньем, и проем, в котором виднелась кухня, подсказали.

Кухарка в этом доме, прямо сказать, была странной. Обычная столичная повариха – дородная баба из ближайших губерний, простая, розовощекая, с грубыми красными пальцами, с двумя, а то и тремя подбородками. Тонька же выглядела барышней из бедной, но приличной семьи, с правильными чертами лица, худыми пальцами и вполне стройной талией. Мгновенный портрет говорил, что девушка может быть образованной, умной, хотя и немного замкнутой. К образу прислуги прямое отношение имел только платок, стягивающий щеку, слегка припухшую.

– Зуб болит? – участливо спросил Ванзаров.

– Болит, – равнодушно ответила Тонька, не одарив взглядом. На этом общение закончилось. Сколько ни пытался Родион разговорить, как ни подъезжал с разных сторон, как ни подлизывался и ни пробовал слегка угрожать, девушка отвечала упорным молчанием. С наименьшим успехом можно было общаться с тазиком или банкой. Потеряв терпение, чиновник полиции оставил и это поле боя, с досады чуть не угодив в лужу варенья.

В соседней комнате ждало очередное открытие. Сложив ботинки на хлипкий столик, а сам привольно развалившись в плетеном кресле, пускал дым в потолок, за неимением окон, молодой человек щуплого телосложения, растрепанного вида и худощаво-романтической внешности. Угадать в нем лакея могла только буйная фантазия.

Вошедшего чиновника полиции окинули равнодушным, если не сказать брезгливым взглядом, зад от сиденья не оторвали, а каблуков не сняли со столика. Кажется, гость изнеженное существо не беспокоил. И даже узнав, что перед ним чиновник полиции, Орест Иванович, именно так звали прислугу, переложил папироску в левый уголок губ. И только.

Подавив желание взять за шиворот и встряхнуть наглеца так, чтоб подавился папироской, Родион вежливо спросил, что может сообщить о происшествии. Оказалось, юноша был разбужен криками. Когда изволил выйти во двор, там уже находились Тонька,

Аглая и Нил Нилыч. Так что для следствия совершенно бесполезен. Единственный обитатель дома, на которого явление глаза не произвело никакого впечатления. Одно из двух: или туповат до неприличия, или цинично равнодушен. Что, в общем, одно и то же.

– Почему в доме так грязно и не метено? Пыль кругом, крошки на полу в гостиной? – строго спросил Ванзаров.

На него уставились удивленные светло-карие глаза:

– Я что, горничная, что ли, за всеми убирать?

И гордый лакей выпустил облако дыма.

Вдохнув напоследок аромат дешевых папиросок, Родион вернулся в большую гостиную. Там уже поджидал Бородин. Судя по невинно-неприступному виду, дело с конем закончилось вполне успешно. Настолько, что фиакр виднелся на прежнем месте. Нил Нилыч блестяще улыбнулся:

– Ну как, уже нашли разгадку?

– Мне посоветовали не вмешиваться в ваши семейные дела.

– Ай, ну, конечно, няня! – Нил отмахнулся, словно от осы. – Вечно в каких-то страхах и сомнениях пребывает. Не слушайте ее. Я здесь хозяин.

Не рискнув сомневаться в этом вслух, Ванзаров сказал:

– Надо допросить еще одного свидетеля.

– Это кого же? – удивился Бородин. – В доме больше никого нет.

9

Чиновники полиции, имеющие счастье служить в 4-м участке Казанской части, были завалены делами сверх всякой меры. Так были заняты, что и в рот кусок не лез. Конечно, куда там лезть после трех чайников чая, выпитых с утра. А еще рты коллежского регистратора Матько и губернского секретаря Редера были заняты наиважнейшей проблемой, а именно – обсуждались домашние способы заготовления варенья. Матько, господин с большой плешью и маленькой мордочкой, настаивал, что сахара полагается сыпать одну часть к двум частям ягод. Его же сухощавый коллега бился до последнего за самый правильный рецепт: часть на часть.

Борцы за сладкое счастье так и провели бы присутственное время в приятном поединке, если бы колокольчик не звякнул и перед загородкой из дубовых перил, защищавшей посетителей от полиции, не возникла высокая тощая фигура в тирольской шляпке и добротном костюме в шотландскую клетку. Вид посетительницы внушал желание схватить ружье и отстреливаться до последнего или на худой конец, заявив, что приемный день окончен, сбежать подальше. Назвать барышню страшной язык бы не повернулся. Она была восхитительно страшна. Особенно редкая деталь на лице. Но об этом после.

Не высказав и доли почтительности, потребовала пристава, отчетливо коверкая слова акцентом. Матько и Редер были так поражены зрелищем чужестранки, что не нашли сил помучить посетительницу вопросами из разряда «по какому делу», а сразу дали знать подполковнику.

Желудь принял гостью, уже зная, что его ожидает. Но как только дама представилась официально, не поверил в такое несчастье. Оказалось, дама вовсе не частное лицо, а очень даже официальное. Направлена в Петербург по столь важному поручению, что имеет ходатайство из высших сфер. Желудь немедленно потребовал бумагу. Прочитав гербовое послание, Савелий Игнатьевич понял: доброжелательные коллеги опять состряпали гадость.

А дело было вот в чем. Как известно, министерства разных стран обожают дружить. Для чего направляют лучших специалистов для обмена опытом. Что и случилось. Получив шар из канцелярии Министерства внутренних дел, чиновники Врачебно-санитарного комитета ударили им в Департамент полиции. Департамент полиции загнал шар в городскую управу, городская управа дала штос одному из полицеймейстеров, а тот метким ударом отправил шар в 4-й участок Казанской части. Приставу деваться было некуда, свободных

лунок не осталось. Но оставалась последняя надежда.

– Официальное прошение имеется? – вежливо спросил он.

Барышня выложила бумагу.

– Позвольте ходатайство Министерства иностранных дел...

И это ему предоставили.

– Мне, право, неловко, но нельзя без ходатайства Министерства внутренних дел...

И оно, к несчастью, имелось.

– Хотелось бы взглянуть на рекомендательное письмо от вашего начальства...

Что за напасть! И это имелось. Сразу видно: мерзавка уже походила по кругам российского бюрократического ада.

– Великолепно... – совсем пал духом Желудь. – А паспорт с отметкой о пересечении границы и регистрации в паспортном столе Петербурга?

Из сумочки явился последний убийственный аргумент. Пристав сдался. Развернув гостеприимство по полной, сообщил, что сердечно рад такому визиту и всей душой хотел бы помочь, да вот беда: чиновников совсем нет, столько дел, столько дел. Впрочем...

Тут Желудю пришла светлая мысль, что следовало отметить в календаре как редкий праздник. А ведь имеется в его команде некий чиновник, как раз удобнее не придумаешь. И дерзок, и своенравен, и прыток, и выскочка, и правил неписанных не признает, и что хуже всего – умен, собака, и везуч: умеет ловить настоящих убийц. Того глядишь, обскачет самого. Вот кому можно доставить удовольствие.

Савелий Игнатьевич приободрился и метким ударом от двух бортов загнал шар в последнюю лузу.

10

Нил Нилыч терпеливо выжидал. Но чиновник полиции обладал прямо-таки железным терпением. А еще взгляд этаким многозначительный.

– Уж не меня ли имеете в виду?

Родион благодарно хмыкнул.

– Ну, знаете!.. Позвольте, может быть, еще и подозреваете?

– Для этого нет веских причин, ни одного факта или мотива. Но логика такого не исключает.

– Ну, спасибо... – красавец-бильярдист надул губки. – Вот, значит, как...

– Не обижайтесь, Нил Нилыч, – сказал Ванзаров, присаживаясь на уголок бильярдного стола и тут же подскакивая, осознав, какое святотатство совершил. – Я же не сказал, что глаз вырвали вы и себе же подбросили.

– Спасибо и на том.

– Давайте зададим простые вопросы и найдем простые ответы.

Бородин был не против, наконец сообразив, что невежливо держать гостя на ногах.

– Начнем с того, что допустим: появление глаза не шутка, не случайность и не розыгрыш, – сказал Родион, утопая внутри мягкого кресла.

– Допустим это, – согласился утонувший напротив Нил.

– Тогда надо признать: это знак, вернее, предупреждение. Возражения?

– Их нет. Срезали как надо.

– Тогда неизбежный вопрос: от чего предостерегают?

– Верите: понятия не имею.

– Верить не буду. Попробуем найти аналогию. Например, в тюрьмах оторванный глаз собаки или кошки коллеги присылают болтливым арестантам, как бы предупреждая: мы все знаем, тебя ждет месть. В тюрьмах бывали?

– Бог миловал, – нервно усмехнулся Бородин.

– Ну, не зарекайтесь... Если у вас нет знакомств или дел с уголовным миром, остается ваша обыденная жизнь. И тут мне в голову приходит одна цитата...

– Я сам об этом подумал, – опередил Нил: – «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его...»¹ В лузе?

– Кроме бильярда, какие соблазны или грехи можете предложить? Быть откровенным – в ваших же интересах. Иначе вряд ли смогу вам помочь. Так что не стесняйтесь. Как на исповеди или врачебном приеме.

Невзначай глянув на двери, которые Родиону были недоступны, Нил Нилыч переместил тело в положение более приемлемое для интимного разговора:

– Только между нами...

– Можете не сомневаться.

– Женский пол...

– Что-что?

– Пожалуйста, потише... Характер у меня – не знаю в кого пошел. Папенька, между прочим, был самых строгих на это дело взглядов. А я просто не могу ничего с собой поделаться. Все время тянет. Вот уже скоро полвека, а сил столько, что остановиться не могу. Надеюсь, вы человек широких взглядов на отношения полов?

– Конечно, широких, с косую сажень, не меньше, – спокойно ответил Родион. На самом деле было в этих взглядах не так уж и широко, прямо скажем – узковато, но признаваться в такой момент ни к чему.

– Тогда меня понимаете... Больше грехов нет.

– Остается вспомнить, кого из почтенных мужей осчастливили рогами.

Нил Нилыч совсем смутился, покряхтел и перешел на шепот:

– Вспоминать нечего... Предпочитаю только женщин, как бы сказать...

– Проституток? – подсказал Ванзаров.

– Вот именно. С ними честно и просто. Плачу и получаю что надо. И потом, не надо расплачиваться нервами. Дешевле выходит, чем с порядочными барышнями, поверьте мне. Да и пошалить всегда можно, заняться разными забавами. И бояться не надо чего-нибудь сболтнуть сгоряча. А то ведь некоторые тонкие натуры от слова «член» в обморок падают.

– Потому и не женились?

– Ну что вы! Одно к другому не имеет решительно никакого отношения... Желания мои были искренни, и матушке избранницы нравились, но в последний момент что-то такое происходило, что и объяснить нельзя... Прямо недуг Подколесина. Не могу, и все! Да и как подумаю, что надо оставить эту милую и славную жизнь с матушкой и нянечкой, что появится здесь еще женщина, да как они поладят, да как я привыкну... В общем, давал деру в кусты. Формального предложения не делал. Чистый туш.

– Сделали очередную попытку?

– В этот раз все будет по-другому, – убежденно сказал Нил. – Тут у меня чувства сильные, такие, что готов все свои страстишки урезонить. Так-то вот.

Предположить, что оскорбленные невесты или их родители дошли до того, что прислали страшное предупреждение? Всего романтизма чиновника полиции на это не хватило. Здравый смысл резко возразил. Не в горах же Кавказских или на дикой Сицилии живем, европейские люди почти... Пришлось повиноваться здравому смыслу:

– Забытые обиды? Неотданные долги? Черная зависть?

Бородин только фыркнул.

– Что думаете насчет семейного проклятия или рока? – спросил Родион.

– И думать нечего. Аглая и не такое в сердцах может сболтнуть. Ни в какой рок мы не верим. У нас в семье вообще к верованиям равнодушны, можно сказать, крепкие атеисты. Верить в ветхие средневековые глупости? Нет уж, рационалистический ум это отвергает. Свобода воли ради свободы удовольствия. Живи в свое удовольствие, давая жить другим, – вот мой принцип. Року тут места нет.

– Кстати, об Аглае. Характер у нее не сахар. Натерпелись в детстве?

– Под присягой скажу: добрее и сердечнее человека, чем моя Аглаюшка, просто нет, –

¹ Евангелие от Марка 9:47.

как нарочно повысив голос, заявил Нил Нилыч. – С маменькой они с незапамятных времен вместе, ровесницы, меня вырастила, от своего женского счастья отказалась. Да за нас в огонь и в воду, жизнь отдаст не раздумывая. Это она такая строгая потому, что напугалась. А так – сама доброта. Нищим помогает, вот Марфушу приютила...

– Какую Марфушу? – Ванзаров сделал стойку.

– Нищенка убогая. Несколько лет назад Аглая привела ее в дом, накормила, вот и прижилась.

– А говорили, что никого в доме больше нет. Где она?

Бородин изобразил кислую мину:

– Оставьте несчастную в покое, уж она-то ничем не поможет. Марфуша – блаженная, давно умом тронулась, бормочет себе под нос, живет в своем мире, божий одуванчик.

Справившись с креслом, Родион решительно восстал:

– Она сейчас в доме?

– Если на кухне нет, значит, в бане. У нее там летний уголок, – не скрывал раздражения Нил. – Будьте милосердны к убогой.

Такие тонкие душевные мелочи, конечно, не стали препятствием чиновнику полиции со стальным сердцем.

11

Над полем павшего варенья кружился рой мародеров. Из черного облака, жужжавшего и трещающего крыльями, пикировали хищные создания, чтобы урвать дармовой сладости. Многие из них, пав жертвой жадности, глубоко увязли лапками в застывающем сиропе и теперь ждали последнего часа, когда их настигнет сладкая смерть. На место павших прибывали все новые и новые захватчики, привлеченные упоительным запахом. Тазики с ягодой, пересыпанной сахаром, походили на города, отданные на разграбление мародерам.

Такая чудовищная картина могла родиться только в сознании отчаянного сладкоежки и любителя варенья. Кто другой сказал бы просто: «Муха села на варенье – вот и все стихотворенье». Но Родиону заботы сыска не помешали искренне сокрушаться над сценой величественной гибели зимних запасов.

Между тем Бородин оттолкнул деревянную створку и, согнувшись перед низким косяком, нырнул в глубины баньки. Откуда вышел задом, ведя под руки сгорбленное, будто сложенное пополам человеческое существо. Переведя нищенку через порог, Нил Нилыч бросил вызывающий взгляд, в котором так и сквозило: «Мучайте несчастную, если вам так угодно, не сходя с этого места».

Платишко, явно с хозяйского плеча, сидело на Марфуше мешком, голову покрывал широкий платок черного ситца, какие бабы надевают в траур или на базар. Чтобы разглядеть ее, Ванзарову пришлось опуститься на корточки. Будто скомканное морщинами личико сотрясала мелкая дрожь, глаза прикрывали густые складки кожи, шевелившиеся от нервного тика. Нищенка казалась такой дряхлой, что могла рассыпаться прахом, как древняя мумия.

– Матушка... – тихо позвал Родион.

Складки зашевелились, и сквозь щелку уставился зрачок, затуманенный безумием, но удивительно ясного зеленого цвета. словно последнее, что осталось в ней человеческого, осколок былой красоты и молодости.

– Матушка, кого видели чужого?

Там, где должен быть рот, прорезалась черная трещинка, и тихий, но совсем не старческий голос сказал:

– Марфуша по лесу гуляла, Марфуша ягодки собирала, ветер подул – ягодки рассыпал, Марфуша их собрала и в дом принесла, кушайте, детки, сладенькое.

Стиснув зубы и приказав нервам держаться в стальном кулаке, Родион разборчиво спросил:

– Кого Марфуша утром видела?

– Марфушенька по лесу гуляла...

– Бесполезно, другого не дожидетесь, – сказал Бородин и ласково, как с ребенком, предложил Марфуше воротиться домой. Старушка покорно следовала за его руками, бубня присказку про ягодки.

Возвратился Нил Нилыч откровенно раздраженным и, не церемонясь, бросил:

– Довольны, господин полицейский? Обязательно надо было мучить несчастную?

– Делаю свою работу, как должен, – сквозь зубы ответил Ванзаров.

Нам-то, конечно, запросто заглянуть в душу героя, не то что бильярдисту. Если бы Нил мог, то увидел бы, что бессердечный юноша чуть не разрыдался от нахлынувшей жалости: так внезапно похожей на его милую и родную матушку показалась старушка. Надо знать, что Родион научился сносить вид трупов, но ударить ему под дых человеческим горем, какому не в силах ни помочь, ни отвести, было проще простого. Такая вот ржавчинка слабости – сострадать обездоленному и слабому – нашлась в стальном сердце полицейского чиновника.

Мужчины выпускали пар, принципиально отвернувшись. Наконец, отогнав совершенно обнаглевшую муху, Ванзаров обратился к спине Бородина:

– А теперь, когда нас никто не может подслушать, расскажите, что так тщательно пытались не проболтать.

Нил Нилыч изволил обернуться, все еще хмурясь, но сам уверился, что друг-полковник подсунул дельного, хоть и юного, ищейку.

– Как догадались?

– Не догадался. Только логика. Если такой прагматик и невинный во всех смыслах человек, не верящий в семейное проклятие и рок, бежит в полицию, завидев безобидный глаз, значит, было что-то еще.

Запираться дальше не имело смысла. Оказывается, уже два раза Бородин получал странные послания. Письма находил на подоконнике – их кто-то подбрасывал. На конверте не было надписи. Внутри обнаруживался обычный листок писчей бумаги. Вместо рукописного текста – слова из газет. Вырезанные и наклеенные. Подробно воспроизвести текст не мог, но смысл сводился к тому, что следует открыть глаза и прозреть, иначе древний рок настигнет и покарает. Посчитав все это глупостью или шуткой, сжег. Но, увидев сегодня глаз, сначала задумался, а потом испугался.

– Когда пришло последнее? – уточнил Родион.

– Нашел вчера утром.

– А первое?

– Позавчера.

– Кто в доме читает газеты?

– Никто. Маменька их терпеть не может. Как, впрочем, и Аглая.

– Позвольте уточнить: угрожали именно древним роком или все-таки указывали на какие-то тайны вашей семьи?

– Древним, – совершенно признался Нил. – Но что хотите делайте, а понять не могу, какое имею к этому отношение. Безумие какое-то. Бред. Кошмар.

– И тем не менее есть кто-то, кто думает иначе.

– Блестящая догадка. Может, укажете на этого шутника?

– Теперь, Нил Нилыч, хорошенько подумайте и скажите: что случилось с вами перед тем, как стали появляться письма? Сгодится любая мелочь.

Заниматься такой глупостью, как копошиться в памяти, Бородин не собирался, ответил сразу:

– Ничего, – затем хмыкнул и добавил: – Ну, привел в дом Липу... Показал маменьке, они мило поболтали и остались довольны друг другом.

– То есть устроили что-то вроде смотрин невесты?

– Конечно, надо же было показать обеих...

По тому, что было написано на лице Ванзарова, по удивленно взлетевшим крыльям усов его Бородин смекнул, что выболтал нечто важное, если не преступное, и с жаром

принялся оправдываться:

– Ну поймите же, в этот раз я твердо намерен жениться. Чтобы уж наверняка – завязался с двумя барышнями сразу... Дуплетом, так сказать. Нет, тут все честно: обе нравятся мне безумно, прямо влюблен до глубины души, но выбрать одну – не могу. Вот поэтому сначала показал маменьке Варвару, а уж потом Липу.

– Что сказала Филомена Платоновна?

– Ей обе понравились. Говорит: милые и славные барышни. Обе могут быть хорошими женами. Но выбирать предоставила мне! А как тут выбрать, когда люблю обеих? Такие красавицы, умницы и вообще.... Одна голубоглазая, у другой глазки бирюзовые тоже... Липа только постарше.

– Барышни знают, что участвуют в конкурсе невест?

– Это зачем?.. Ни к чему это... И что тут такого?

Родион резко потерял всякий интерес к особняку и обитателям, попросив, нет, потребовав немедленно отвезти его в участок, а далее находиться в его распоряжении. В стальном сердце чиновника полиции блеснула надежда справиться с делом, а заодно и с древним роком молниеносно. И еще успеть на бабушкино варенье.

12

Если бы великому живописцу, да хоть Рембрандту, залетела в голову шальная мысль написать полотно «Триумф дружбы чиновников», лучшего образца, чем 4-й участок Казанской части, найти было бы невозможно. Трепетно взращенная приставом любовь товарищеская между чиновниками участка была крепка, как серебряный рубль. Как же иначе защищать закон и порядок. Поодиночке это делать решительно невозможно. А поделись с коллегой да не забудь самого Желудя – дружба окрепнет, как клубок змей.

Атмосфера дружбы обдала Ванзарова липкой волной, не успел он освободиться от вязанки книг и дорожного саквояжа, в котором по секрету хранилась глазастая баночка. Чиновник Матько умилительно приподнял брови домиком и радостно крикнул:

– Родион Георгиевич, какая неожиданность! А мы вас ждали!

Чиновник Редер с меньшим чувством добавил:

– Уж из отпуска? Какой молодец. Отдохнули и освежились, прямо не узнать.

– Полны сил и желания трудиться, сразу видно...

– А какой цвет лица на природе нагуляли, прямо сдобный пирожок...

И далее в таком же духе. Не обращая внимания на дружелюбные укусы, коллежский секретарь запихнул поклажу под рабочий стол, случайно зажатый в дальний угол присутственного отделения, за окно, выходившее на вечно пыльный Мучной переулок, и молча направился к расписанию. Пока добирается он до потертой доски, на которой меловые крестики означали дежурства, поясним его холодность к сослуживцам.

Родион всегда был готов распахнуть сердце. Придя в участок, мечтал встретить умных и честных товарищей, которые помогут и подскажут в службе. И встретил. Ему предложили широкие авансы. Только вот цена дружбы оказалась слишком высока. Вернее, грязна. Коллеги, к удивлению, поняли, что юнец не желает брать и делиться, как полагается товарищу-чиновнику, и вычеркнули его из членов. Ванзаров ответил тем же. Окончательная пропасть легла между ними после неожиданных успехов в раскрытии нескольких убийств.

Ну вот, пока выясняли интимные подробности, Родион узнал, что его надежда рухнула. Старший городской Семенов, на которого мог положиться, как на самого себя, находится в отгуле. Городовой Егоров – на дежурстве, а младший городской Бородулин отбыл по поручению. В резерве участка находилось еще десятка два городских, но никого из них Ванзаров не мог просить лично, то есть по-дружески. А требовать у пристава городских непонятно для чего – бесполезно. Можно рассчитывать только на себя. Бородин, дожидавшийся в фиакре, в расчет не попадал.

– Только из отпуска и уже в делах! – сладчайше восхитился Матько.

– Недаром же вас господин пристав так дожидается, – добавил Редер. – Нетерпением исходит.

– Я в отпуске, ничем не занимаюсь, так заглянул, – заявил Ванзаров, двигаясь к двери. Но вырваться не успел. Резво сменив тон с фамильярного на официальный, Редер доложил:

– Вас ожидает подполковник, извольте в его кабинет.

Савелий Игнатьевич подскочил пружинкой, когда в проеме двери обрисовался крупный силуэт мелкого подчиненного.

– Ну вот и наш герой! – закричал он, выскакивая из-за стола. – Он-то во всем и поможет. И не думайте отказываться, Родион Георгиевич, дело международной важности. Как раз вам по плечу! Так что располагайтесь у меня без стеснений и за дело, дорогой мой, за дело! На вас вся надежда...

Продолжая извергать комплименты, пристав стремительно юркнул в проем и захлопнул дверь так шустро, будто опасался, что Ванзаров улизнет. Понять Желудя можно: требовалась титаническая сила духа, чтобы два часа развлекать гостью.

Пойманный что глупый мышонок, Ванзаров растерянно взирал на даму. Была она неопишимо страшна. Вернее, принадлежала к особому типу барышень без уродств и прочих бородавок, но от одной мысли коснуться их, даже не целовать, пробирает озноб, как от мороженой рыбы. С лица, вытянутого сосулькой, взирал глаз без ресниц, неопишимо бесцветный, другой же закрывала перевязь с черной бляхой, отъявленно пиратского вида. Острые скулы словно прорывали кожу, а губы виднелись бледной ниточкой. При этом рост дамы принуждал смотреть снизу вверх, а худощавость до засушенных жил возбуждала желание немедленно вызвать врача.

Родион уже собрался с духом, чтобы исторгнуть вежливое «чем могу...», когда дама резким движением предъявила лист с гербами и печатями.

– Официальны прошени, – сказала она грубоватым, словно мужским, голосом.

– Но, позвольте...

– Ходатайство министер инострани дел... – появился еще один солидный лист.

– Но я не...

– Ходатайство министер внутрени дел...

– Зачем же...

– Рекомендаций берлински полицай управлений...

– Великолепно!

– Мои паспарт...

– Очень рад.

– Есчѐ документен?

– Вполне достаточно... Позвольте представиться...

Жест, совершенно немыслимый для джентльмена, каким Родион пребывал в глубинах души своей, заставил потерять дар речи: одноглазая протянула ладонь по-мужски и сказала:

– Мне объясниль, кто ви... Ирма фон Рейн. Берлински полиция...

Разрываясь между отвращением пожать руку даме или оказаться хамом, Ванзаров выбрал меньшую пытку: коснулся кончиками пальцев холодной кожи, отдернул и быстро поклонился, при этом приветствовал на правильном немецком:

– Добро пожаловать в столичную полицию.

– В командировке практикую русски, – строго заметила дама, возвращаясь на казенный стул. – Пора изложить дело. Прошу садиться.

Родион послушно заскрипел мебелью.

– Наш полиция решил изучить петербургский опыт содержания публични дом.

– А я тут при чем? – искренне не понял чиновник сыска.

– Это согласовано. Прошу проверить мои знания...

И на голову Ванзарова обрушился шквал. Ирма фон Рейн заявила, что публичные дома в столице Российской империи были открыты в 1843 году, для надзирания за оными был создан Врачебно-санитарный комитет. В настоящее время в городе имеется около пятидесяти

домов терпимости, общее число проституток составляет около пяти тысяч, что в два раза больше, чем в Париже, и в пять раз больше, чем в любой европейской столице. Далее она рассказала, что существует три типа проституток. Билетные – которым выдается желтая книжечка Врачебно-санитарного комитета. Эти дамы в основном трудятся в домах терпимости. Затем бланковые – также имеют документ о своих занятиях, но предпочитают самостоятельно работать на улицах, вокзалах и в гостиницах, состоят на учете и проходят врачебный досмотр раз в две недели, как и билетные. Последний тип: кабинетные – не стоят на учете, принимают клиентов на своих квартирах и не афишируют свое занятие. Со всей прямотой берлинской полиции Ирма сообщила, что девочки в Петербурге начинают заниматься проституцией с 14–15 лет, попадая в дома терпимости напрямую из попечительских детских учреждений и приютов. И бывает, что раньше. К 16–17 годам они уже опытные проститутки. Большинство из них занимается промыслом до 25–30 лет. Скопив небольшой капитал, уходят на покой. В проститутки идут чаще всего крестьянки, портнихи, горничные и вообще любые барышни, не любящие труд. А также приезжающие из всех городов на заработки. По национальному составу больше всего русских, затем идут еврейки и польки. Половина проституток, несмотря на все досмотры, больна сифилисом. Зато вторая половина вполне здорова. Также фрейлейн фон Рейн заявила, что является горячей сторонницей теории Ломброзо и профессора Тарновского о врожденной порочности, которая и приводит женщину в проститутки. А также случайной порочности, которая приводит туда же.

Ирма победно следила за российским коллегой единственным глазом, словно ожидая высший балл за экзамен.

Спокойствие Ванзарову далось с трудом. О разврате вообще и проститутках в частности познания его были слишком... древними. Так, например, знал он, что в Греции публичные дома назывались диктериадами, а в Риме – лупанариями, что великий Перикл слушал лекции по риторике гетеры Аспазии, что гетера Никарета отличалась страстью к математике, а ее подруга Филена написала трактат по физике. Знаменитая Фрина готова была отстроить Фивы, разрушенные Александром Великим, за свой счет. У Геродота читал он, что фараон Хеопс оплатил строительство великой пирамиды на деньги, которые заработала его дочь, торгуя своим телом. Но вот петербургские публичные заведения не были коньком чиновника полиции. Что уж тут скрывать...

– Будете мои Вергилий по аду порока и разврата, герр Ванзароф, – скорее приказала фрейлейн Ирма.

Тут бы пригодился совсем другой Вергилий, что сейчас прохладается в отпуске: лучше Лебедева с этим никто не справится.

– Ну почему я? – в отчаянии спросил несчастный герр.

– Господин пристав рекомендовал: лучше никто нет для особи поручени. Помогите, коллега.

Оценив, какую восхитительную гадость подложил Желудь, Родион решил бить тем же оружием.

– Завтра, – сказал он, поспешно вставая. – Чем смогу...

На рыбообразном лице дамы-сыщика появилось что-то вроде мучительной улыбки.

– Начнем с утра...

– Да-да, именно с утра пораньше, – подтвердил Родион, исчезая.

Он коварно надеялся, что завтра в это время будет уже прохладаться под кустом в бабушкином имении. Если сейчас поторопится.

Нил Нилыч всем видом старательно не показывал, как измучен и утомлен затянувшимся ожиданием. Правя мчавшимся фиакром с опасной небрежностью, демонстративно молчал, не одарив и взглядом. Что пассажира исключительно устраивало.

Ванзаров выбирал, кому нанести первый визит. Логика в этом случае отдавала равные шансы, и потому выбран был случай.

Буцефал шумно затормозил у парадных ворот меблированных комнат Макарьева, что на Вознесенском проспекте, – места дорогого и пристойного во всех отношениях. Здесь останавливались солидные купцы, прибывающие в столицу по длительным делам или чтобы провести время вдали от семьи. Любили этот пансион и московские гости, а также офицеры чином не ниже майора.

Бородин уже занес ногу для красивого соскока, как вдруг чиновник полиции, и так много себе позволивший, приказал остаться на месте. И хуже того: подобрав вожжи, отправляться домой, чтобы ждать вестей. Звезда бильярда вскипела и фыркнула так натурально, что Буцефал с любопытством поворотил морду. Бросив в лицо нахалу: «Как вам угодно», Нил Нилыч выдал старт с места в карьер, какому позавидовал бы столичный ипподром.

Отряхнув налетевшее облако пыли и настроив положительно-солидный вид, Ванзаров направился к портю. Без лишних запирательств и предъявления полицейской книжечки стало известно, что дама находится у себя в «нумере», но когда пришла и провела ли сегодняшнюю ночь у себя – сведений нет.

На краткий стук в хорошо отлакированную дверь ответил приятный голос, довольно радостный:

– Да входи же, открыто!

За изгибом бархатного драпри обнаружилась богато обставленная гостиная, посреди которой, взмахнув пышными рукавами в лучах света, словно взбалмошный лебедь, застыла барышня в кружевном халате. Под халатом просвечивал пеньюар. Появление полнового юнца вышло сюрпризом. Радостные объятия, распахнутые желанному гостю, превратились в неуклюжий жест сдачи в плен. Ванзаров не очень обрадовался такой картине. Куда больше ему глянулся бы остывший труп, засунутый в шкаф или под диван, или на худой конец израненная жертва, стонавшая от потери глаза. Дама, однако же, на жертву нимало не походила, имела вполне цветущий вид и смотрела, хоть и испуганно, в оба глаза, натурально голубых.

Поддержим героев в застывшем состоянии, им от этого хуже не будет. Надо сказать, что вид женской красоты еще недавно лишал твердости стальное сердце чиновника полиции. Родион таял, как воск, и поддавался чарам. Излечило печальное происшествие, в котором стальное сердце прошло закалку и обросло двойной броней. Видя теперь какое-нибудь прелестное создание, юный Ванзаров нарочно делался равнодушным. Так что аж мороз по коже пробирал. Но вот сейчас, составляя мгновенный портрет барышни, не мог отделаться от странного чувства, что в совершенно незнакомой даме проглядывают какие-то знакомые черты. И потому стальное сердце предательски дрогнуло. Вот так вот неожиданно... Ну да ладно, всякое бывает.

Отогнав призраков, Родион занялся деталями. Барышня была далеко не барышней, скорее к тридцати годам. Легкомысленна, но хитровата, взбалмошна, даже истерична, способна на необдуманный поступок, при этом несколько простодушна, характер скорее нетвердый, без сильного волевого начала, быть может, образованна, но поверхностно, никогда не знала тяжелой работы, свои женские достоинства воспринимает как должное. Что и говорить: впечатление было совсем не таким, на какое рассчитывал чиновник полиции. Было и еще одно предположение, но с ним Родион не спешил.

Барышня наконец справилась с руками и спросила:

– Вы кто?

Ни тени страха или высокомерия, скорее веселое любопытство.

– Госпожа Незнамова Олимпиада Ивановна? – Ванзаров изобразил почтение.

– Откуда вы меня знаете?.. Как мило!.. Мы разве встречались?.. У вас усы такие милые... Вам идут... Что стоите – садитесь!.. Нынче правда жарко?.. Такие ароматы из окна... Вы любите цветы?.. Я их обожаю... Хотите чаю? Я прикажу половому... Знаете, что такое карамболь?.. Я играю порой... Люблю прогуляться по Невскому... Кто-то стучит, я думала, Нилушка... А вы такой приятный!.. Где служите?.. У вас есть дама сердца?.. Ха-ха...

Болтая без умолку, Липа схватила Родиона за плечо, усадила на стул, тут же подняла, толкнула в кресло, заставила встать рывком, что-то прикинула и вернула на стул, сама же встала напротив, сложив кисти рук по-балетному. И все это не закрывая рта.

– Позвольте, – успел вставить Родион, у которого от трескотни зарябило в глазах. Но ему не позволили.

– Были на моем представлении? – вскрикнула Липа. – Ах, не были!.. Как нехорошо, по глазам вижу... Не любите театр?.. Театр – это все... Я имею громадный успех... «Аквариум» мне рукоплескал... Нельзя хмуриться, надо развлекаться!.. Играете на бильярде?.. У меня хороший удар... Хотите, покажу свой номер?.. Только, чур, бурные аплодисменты... Ха-ха!.. У меня ангажемент до конца октября... И потом хотят продлить, прямо в ногах валяются... Не знаю, что и делать... Что скажете?.. Смотрите, как умею...

Замахав рукавами-крыльями, Липа метнулась к шкафу, вынула тонкий дамский кий, запрокинула голову так, что рот открылся, как кастрюля, и, наставив вертикально полированную палку, медленно проглотила ее чуть не до ручки. Ванзаров боялся шелохнуться. Однако фокус удался. Липа извлекла кий, который должен был тайно выйти со спины, чтобы поместиться в некрупном теле, подняла его победным знаменем и закричала:

– Оп-ля!.. Аплодисменты!.. На сцене глотаю шпагу и пою при этом арию Кармен... Публика в восторге... А вы так сможете?.. Нужна большая тренировка... Что вы такой

бледный, юноша, улыбнитесь!.. Ну где же аплодисменты?..О, благодарю!.. Ах, я такая каботинка...¹ Это так приятно... Просто маленькая репетиция... Представления сегодня нет, но надо держать себя в форме... Еще аплодисменты!

Родион вяло побил в ладоши, но и это привело Липу в восторг. Покорного зрителя слегка мутило. Чтобы на такой кошмар покупать билеты? Нет уж, спасибо. И от бесплатного зрелища чуть не вывернуло, вообще забыл, зачем пришел. Пора заканчивать представление.

– Олимпиада Ивановна, прошу вас, дело слишком серьезное.

Моторчик будто выключили, Липа рухнула на стул и в ужасе схватилась за прическу, растрепанную, надо сказать, в пух и прах:

– Боже мой!.. Я не одета!.. И тут вы... Даже не знаю, как вас зовут... Позор, катастрофа...

– Чиновник сыскной полиции Ванзаров, – чуть не крикнул Родион. И это подействовало. Липа затихла. Только в голубых глазках мелькнул страх. Ну или как там пробиваются неконтролируемые эмоции у женщин.

– Дело касается вашего... знакомого господина Бородина...

– Что с Нилом?!! Его убили... О, какое горе!!!

– Да успокойтесь наконец! – опять повысил голос Ванзаров, иначе не помогало. – Нил Нилыч жив и здоров, сам привез меня к вам. Но...

Липа упала перед ним на колени и бросилась целовать ему руки.

– О, спасибо!.. Спаситель!.. Благодарю вас!.. Благородный рыцарь...

Не так шкодливый кот прыгает на шкаф, как сиганул чиновник полиции прочь. Он-то думал, что нет на свете вещей, которые смогут его шокировать. Ну-ну... Самонадеянность была наказана. Нервно отирая пальцы от слюней, Родион побагровел и рявкнул во всю глотку:

– Прекратить немедленно!

Липа как ни в чем не бывало села на место, сложив ручки покорной ученицей. Приближаться Родин не стал на всякий случай.

– Прошу отвечать на вопросы кратко и по существу.

Барышня кивнула молча, что было уже чудом.

– Почему решили, что Бородина убили?

– Зачем же еще полиция?.. Я так за него волнуюсь...

– Что вы делали прошлым вечером и всю ночь?

– Что делала?.. Ах, не помню...Ну, конечно, у меня было выступление. Нил отвез нас поужинать. Потом сюда. Не остался, хоть я умоляла. Легла спать. Только встала, а тут вы...

– Бородин рассказывал о проклятье или роке, что якобы преследует его семью?

– О, это ужасно!.. Какое горе!.. Бедный, славный Нилушка...

– Отвечайте же!

– Нет, никогда... А что за проклятье? – с чисто женским любопытством спросила Липа, мигом забыв страхи.

Родион медленно выдохнул и продолжил:

– Нил Нилыч представил вас своей матушке?

– О, это было чудесно! Очаровательная, восхитительная, фантастическая женщина! Мы так поняли друг друга. Она умеет по достоинству оценить редкие дарования, как мое. Я ей, очевидно, приглянулась...

– Вам сделано официальное предложение?

– Фу, какой бестактный вопрос. Разве можно даму об этом спрашивать? Я так этого жду... Кажется, Нил уже совсем готов. Он намекал мне... И колючко присмотрел. Мечтаю стать его женой! Я стану для него всем. Мы созданы друг для друга!

– Значит, нет, – подытожил бестактный мужчина. – Знаете, что у него есть запасная невеста?

– О, эта дрянь! – кулачки Липы тут же сжались. – Ненавижу мерзавку! Подлая змея!

¹ Дама, стремящаяся к артистической славе.

Втерлась и мутит воду. Ну ничего! Я с ней разделаюсь! Вот этими руками! Она свое получит! Прибью гадину! Если бы знать, кто она!

Быть может, Нил Нилыч знал особое хитрое средство, как примирить двух соперниц и выбрать себе супругу без женской драки. Пока же торжествовала совершенно примитивная ревность. Способна такая вырвать сопернице глаз и разыграть весь этот балаган? Логика помалкивала.

– Как ваши родители отнесутся к браку с мужчиной значительно старше вас?

Послышался печальный вздох:

– Я сирота... У меня никого нет. Только тетушка. Она милая, но живет далеко, в Пскове. Приезжает раз в полгода. Я предоставлена сама себе. Это так тяжело. Только бильярд меня утешает. Сегодня играю важный матч. Приходите в «Отель де Франс».

Силы чиновника полиции таяли на глазах.

– Олимпиада Ивановна, могу просить об одолжении? – устало сказал Родион.

– Сколько угодно! Располагайте мной! Что угодно! Все отдам...

– Если узнаете что-то, что может казаться опасным для господина Бородина, или заметите какую-нибудь странность, дайте мне знать в участок.

Глотательница шпак с жаром обещала. Или, вернее, поклялась всем святым, что есть у нее в душе, и так далее...

– Где одеваетесь? У вас модный туалет, – спросил Родион, чтобы скрасить финал вопроса.

Липа расцвела:

– Благодарю вас! Мило, не правда ли? Несколько интимно, но... В салоне мадам Живанши... Где еще одеваться в Петербурге?!

– Живанши? Что-то не припомню...

– «Смерть мужьям», слышали?... Самое модное ателье столицы...

– Понятия не имею, – с непроницаемым лицом ответил коварный юноша.

Уже зайдя под покров драпри, он обернулся и спросил:

– Нил Нилыч дорожит мнением не только своей матушки, но и Аглаи. Вам не показалось?

– Аглаи? – удивленно переспросила Липа. – Что ж, быть может...

Покидая гостеприимный дом, Ванзаров размышлял про парочку обстоятельств одновременно. Во-первых, как это взбалмошное, неуравновешенное существо могло понравиться степенной Филомене Платоновне? Наверное, госпожа Бородина необыкновенная мать, ценящая сына выше своих принципов. Нет, за день с таким делом не справиться. А варенье-то ждать не будет...

14

Хватило полсотни шагов, чтобы попасть в другой мир. Меблированные комнаты Худякова располагались хоть и по соседству, на Вознесенском проспекте, но чрезвычайно далеко от размеренной и чистой жизни апартаментов госпожи Незнамовой. Ступив в подъезд трехэтажного дома с облезлой штукатуркой, Родион выдержал первую волну вон, в которой сгнившие щиплетались с промокшими портянками. Заведение предназначалось для публики, требующей не более чем крыши над головой да кипятка в номер. Прочие удобства, такие, как плесень, тараканы и дырявое белье, предоставлялись бесплатно.

Конторка портье, украшенная чернильными кляксами и объедком пирога, торчала в сиротливом одиночестве, зевающий половой махнул грязным рукавом, указывая, куда следовать. На последний этаж вела дырявая лестница, державшаяся на одной только совести. Жильцов хватало: в темный коридор выходило шесть дверей, из-за которых слышались мелодии семейного скандала и брэнчание расстроенной гитары.

Безо всякой вежливости кулак полиции загрохотал в драную филенку. Ничто не выдавало признаков жизни. Ванзаров прислушался и повторил. И этот сигнал остался без последствий.

Ощутив радостный азарт, обещавший жертву, Родион саданул так, что гитара затихла. Но как только собрался за городовым и плотником, слышались шаги, и сонный голос раздраженно крикнул:

- Не принимаю. Уходите.
- Сыскная полиция, откройте.

Редкий замок не послушается такого обращения. И этот неуверенно крякнул, открывая невысокую даму в сером изящном платье без украшений. Нет, не даму – барышню. Молоденькую и свежую, как... Ну, честное слово, зачем сравнивать симпатичное личико с чем-то еще. Молоденькое, и этим все сказано. А дальше как хотите.

Стальное сердце Ванзарова снесло удар красоты достойно, но разум не мог не отметить: Нил Нилыч обладает отменным чутьем. Как нарочно подобрал в качестве запасной невесты существо, очаровательно и неуловимо схожее с шпагоглотательницей. Но внешними чертами и бирюзовостью глаз сходство заканчивалось. Даже цвет волос разный. Одного взгляда хватило, чтоб оценить все достоинства.

– Вам-то зачем? Осмотры не требуются, я уж... – сказала и осеклась. Но этого было достаточно. Барышня поспешно решила, что чиновник полиции желает проверить ее желтый бланк, который позволяет заниматься поиском клиентов на улицах. Но ведь сыскная полиция – не Врачебно-санитарный комитет, проститутки не их профиль. Без сомнения, юное существо – бланкетка. Хоть и завязавшая.

- У меня дело касаеться господина Бородина, – понизив голос, сказал Ванзаров.
- Что с ним? – с немальшим страхом, чем соперница, вскрикнула Варвара.
- В дверях неудобно...

Родиона немедленно впустили. Гостиная отличалась примерно так, как и оба гостевых дома. Особенно запахом. В жилище госпожи Нечаевой царил невероятный аромат, не хуже парфюмерной лавки. Словно ведрами духов тщательно вымыли жилище. И было чем. Флакончики всех форм, сортов и стекол замерли почетными шеренгами. Среди привычных пузырьков Брокера виднелись нескромные формы «Violettes de Parme» и «Lilas Blanc» от Boujouis, которые могла себе позволить далеко не каждая барышня столицы. В таком удушье и запах гниющей плоти не различить.

– Что с Нилом?

– Жив и здоров. Во всяком случае, пока... Варвара Ивановна, позвольте осмотреть ваше жилище?

Презрительный жест, дескать, делайте, что хотите, предоставил полную свободу. Скорее для очистки совести, а уж совсем честно – чтобы присмотреться к барышне не торопясь, Ванзаров прошелся по комнатке, заглянул в шкаф под занавески, наведалься в крохотную спальню и не поленился нагнуться под кровать. Весь незаконный обыск Варвара вытерпела не шелохнувшись.

– Теперь развеете таинственность?

Кое-как найдя упор в острие стола, Родион поинтересовался, на какие средства барышня существует.

– Пишу криминальные романы с продолжением для ежедневных газет.

– Да что вы?! Газеты проглядываю. Конечно, романчики не читаю, но что-то вашей фамилии не припомню.

– Пишу под псевдонимом, издатель категорически запрещает его разглашать.

– Позвольте, случайно не Розовое Домино? Угадал?! Вот славно... Ваш «Макарка-душегуб» делает тираж «Петербургскому листку». Матушка моя до слез обожает эту ахи... то есть этот романчик... Что живете так скромно?

– Издатель жадничает, платит копейки, – печально призналась барышня. – Хлеб литератора криминальных романов горек. Далеко нам до гонораров графа Толстого. Говорят, низкая литература, недостойное чтение. Зато народ любит нас. И этого достаточно... Это не лучший мой роман. Скоро выйдет история из жизни парижского света. У меня много фантазий...

– Раз у вас так развито воображение, быть может, поясните, что за рок навис над семьей Бородина?

Варвара заморгала хорошенькими глазками:

– Впервые слышу... Нил весел, полон жизни. Ни о каких подобных заботах не говорил. По-моему, это какая-то ошибка.

– А его матушка?

– Ну что вы! Филомена Платоновна – изумительная женщина. Мы поняли друг друга с полуслова. У нас так много общего, она тонкий ценитель изящных мелочей женского бытия. И самое главное – беззаветная любовь к Нилу. Простите, что говорю такие искренние вещи постороннему человеку.

– Как видно, делите эту любовь на троих...

Барышня-литератор сжала губки и решительно сказала:

– Нил достаточно честен со мной, он не скрывал, что есть еще одна... Я не желаю ей зла, но Нила не отдам. Ради его счастья пойду на все. Он может быть счастлив только со мной.

– Сколько между вами разница? Не меньше тридцати лет, кажется...

– Это пустяки. Как женщина, я значительно старше и, уж простите, мудрее его. Ему нужны моя забота, моя сила и моя молодость.

– У вас есть приданое? – спросил Родион.

Варвара только улыбнулась:

– Нила это не смущает.

– И родители ваши согласны на такой неравный брак?

– У меня никого нет, кроме дальней родственницы. Сама распоряжаюсь своей судьбой. Не верю ни в рок, ни в прочие глупые страхи. Могу знать, что угрожает моему жениху?

Чиновник полиции соорудил кристально честную историю о том, как через агентов дошли слухи, что известному бильярдисту угрожают какие-то темные личности, и потому следует провести дознание, пока гром не грянул. Кажется, барышня не поверила, но виду не подала.

– Кстати, чему посвятили вчерашний вечер? – спросил фантазер.

– Работала над рукописью.

– Никуда не выходили?

– Зачем? Нил был занят, а без него мне теперь скучно...

– Это его подарки? – Родион указал на парфюмерное богатство.

– Ароматы для меня – все. Женщина, не умеющая пользоваться духами, не имеет будущего.

– И не одевающаяся у мадам Живанши?

– Где еще бедная девушка может найти приличное платье?

– Понимаю: одеваться не в «Смерти мужьям» – смерти подобно.

– О вкусах не спорят. Как сказал Сенека, принимая яд из рук Нерона. – И она впервые улыбнулась. Мило и чувственно. Прямо мороз по коже.

А ведь надо признать: барышня не только в фантазиях разбирается, знает, чего хочет от жизни. И, кажется, может взять свое. Если случай подвернется.

Опять попросив связаться, если что вдруг будет замечено необычного и подозрительного, Ванзаров спросил:

– С госпожой Бородиной поладили, а как вас приняла Аглая? Она ведь большое влияние на Нил Нилыча имеет. Не правда ли?

– Возможно, – сдержанно ответила Варвара.

Покинув жилище красавицы, Родион поймал извозчика до участка. И пока колеса стучали по мостовой, в голове чиновника полиции бились вопросы: как же Филомена Платоновна любит сына, если рада таким разнообразным дамам? Может, правда о внуках мечтает? И почему это в квартире литераторши не нашлось ни следа чернил, перьевых ручек или хоть исписанной бумаги?

15

Вязанка книг упрямо разваливалась в руках. Плутарх сыпался на Апулея, а на них наседали Петроний. Не иначе, любопытные коллеги постарались. Повоевав с бечевкой, Родион кое-как скрепил непослушные тома и уже подхватил саквояж, чтобы вернуться из отпуска домой, как перед столом выросла физиономия коллежского секретаря Матько. Оказалось, господина Ванзарова спрашивает какой-то господин.

Готовый к подвоху или дружеской шутке, что одно и то же, Родион Георгиевич вышел в приемную и обнаружил невысокого мужчину, как видно, приезжего. Вид его внушал смешанные чувства. С одной стороны, было жаль чудака, заявившегося в столицу, судя по всему, из глухой провинции. Но с другой – так и хотелось брякнуть: «Куда ж ты сунулся, одуванчик?» Бедных или безумных родственников у Ванзаровых в провинции не имелось, и вообще незнакомец был искренне незнаком.

Господин лет пятидесяти застенчиво улыбнулся, снял комком кое-где светлую шляпу и представился Москвиным, доктором внутренних болезней из Москвы. И тут же протянул бумажку, сложенную пополам, оказавшуюся рекомендательным письмом. На бланке Министерства иностранных дел горячо любимый Борис Георгиевич изволил сообщить:

«Дорогой братец! Ты знаешь, что я частенько относился с юмором к твоим играм в полицию...»

В этом месте Родион взял паузу, чтобы скрипнуть зубами, и продолжил чтение:

«...но сложились обстоятельства, которые требуют твоей помощи. Ты не согласишься, но

именно так, и это прошу я – твой обожаемый брат...»

Тут Родион Георгиевич позволил себе саркастическую ухмылку, впрочем, незаметную.

«...Если ты поможешь милейшему Игнату Семеновичу, моему московскому приятелю и совершенно волшебному доктору, торжественно обещаю: никогда больше не говорить вслух, что думаю о сыскной полиции, и более того, оказывать тебе, братец, помощь без всяких нравоучений. А помощь моя непременно тебе понадобится, уж поверь. К тому же Москвин – один из самых славных чудаков, каких я видел, кристальная душа и полный растяпа. Очень прошу за него. Кстати, твои дружки-жулики обчистили его до копейки, не успел он сойти с поезда. Некрасиво, честное слово. И куда смотрит полиция? Еще, чего доброго, приклеится ярлык криминальной столицы Европы. Нежно тебя жму. Твой любящий брат Б.Г.В.»

Отплевавшись в душе от братских объятий, Родион вымучил улыбку и пригласил гостя, как оказалось – из Первопрестольной, к себе в закуток. Какое дело старшему брату, что младший в отпуске? Подумаешь, проблема.

Игнат Семенович устроился на краешке стула и похлопал ресницами, как застенчивая девица. Раздражение как рукой смахнуло. Ванзаров невольно улыбнулся, предложил чаю и сам принес. Приняв горячий подстаканник, доктор стал глотать кипяток с жадностью давно не евшего человека. Но тут же спохватился и вспомнил о своей беде. Оказывается, его обожаемая дочь приехала в Петербург два месяца назад, чтобы пожить столичной жизнью. Письма посылала регулярно, сообщая, что все чудесно. Но вот уже три недели от нее ни слуху ни духу. Отец места себе не находит, все-таки ребенок один в большом городе, даже родственников нет.

Родион попросил письма, но оказалось, Москвин благополучно их забыл. Хотел положить – и забыл. Где остановилась дочь, тоже не знал, вернее, знал, она что-то писала, но начисто вылетело из головы. И только фото было при нем. Со снимка глянула натуральная

кукла: круглое личико, вздернутый носик, локоны и пухлые губки с пышными щечками. Конфетка, одним словом. И как у папаши ума хватило такое дитя отпустить? Видно, крутит отцом как хочет.

– Какого цвета у нее глаза? – вдруг спросил Ванзаров.

– Волшебные, как цвет огня, из которого родилась богиня Афина. – Доктор расплылся в сладких грезах. – Мы и назвали ее в честь глаз Афиной...

Что-то много голубоглазых красоток стало попадаться чиновнику полиции. Явно не к добру. А тут еще дух любопытства, надо сказать, жуткий нахал, начал теревить и требовать показать отцу баночку. Он же доктор, должен выдержать. Но Ванзаров приструнил разгулявшегося духа.

– Не волнуйтесь, никуда она не денется, все будет хорошо, найдем, – отчаянно соврал Родион. Не мог же сказать правду, что бывает с одинокими красивыми девушками в столице.

– Благодарю вас от всей души. – Допив чай до капельки, доктор встал. – Когда позволите заглянуть?

– А вы куда собрались? – строго спросил Ванзаров. – Вас же обокрали...

– Ничего, как-нибудь. Вот Афиночку увижу – и домой.

Проклятье стального сердца чиновника полиции – эта ржавчина жалости. Родион подхватил Москвина и отвел в ближайший трактир Жукова, где запихнул в голодного солидный обед. Там же за столом набросал краткое, но строгое письмо маменьке, усадил осоловевшего страдальца на извозчика, заплатив вперед, и отправил в отчий дом, где его примут как родного. И варенья, наверное, к чаю дадут.

Как иначе мог поступить Ванзаров? Он ведь чиновник полиции – кому же, как не ему, помогать и защищать. Помогать бескорыстно – это ведь естественное свойство человека, разве нет? Помогать бедным и защищать слабых без раздумий и выгоды – не эта ли простая способность делает нас людьми, а вовсе не дура-эволюция, состряпанная полоумным Дарвином? Так ведь?

Родион не чувствовал, что совершил нечто важное или хорошее. Он поступил естественно. Нет, все-таки одно чувство испытывал: ужасную тяжесть в желудке от переедания. Доктор отказывался брать ложку без Ванзарова, пришлось налегать.

Тяжко дыша и с трудом направляясь к участку, он не сразу заметил фиакр. А заметил, когда чуть не налетел на Бородину.

Нил Нилыч сменил костюм и, как видно, настроение. Вид имел напуганный и растерянный. Сытая леность растаяла, как и не было. Сразу ясно: что-то случилось. Даже спрашивать не пришлось. Бородин протянул почтовый конверт.

Внутри оказался листок, на который приклеили типографские слова:

– Что это? – чуть не жалобно спросил Нил.

– Опять на подоконнике? И никто не видел? Появилось неизвестно как и когда?

Догадка попала в цель. Бородин поежился:

– Вернулся, захожу в спальню. Окно распахнуто, а на нем это... Надо было не трогать, уж извините, растерялся. А как прочитал... Сразу к вам. Выручайте, Родион Георгиевич. Что мне теперь делать? У меня свадьбы... То есть женитьба на носу. Как же быть?

Этот вопрос требовал не ответа, а серьезного расследования. Без приглашения запрыгнув в фиакр, Родион приказал:

– Поехали, на месте разберемся. Все-таки грозят вам боги бедствиями? А говорили, рока над семейством нет. Может, вспомните?

Бородин хлестнул невинного коня.

Буцефал понесся галопом.

Долгий день варенья месяца Вареня клонился к закату. Белый домик среди зеленой гущи казался нарисованным из свежей пенки. Тишина и безветрие царили кругом. Мир, покой да благодать. Только в рамку повесить и любоваться долгими морозными вечерами. Но элегический настрой, видимо, не проник под толстую шкуру чиновника полиции. Когда фиакр подкатил к заборчику, Ванзаров строго потребовал, чтобы Бородин оставался на месте. Именно так: не сходя с места. Удрученный бильярдист был согласен на все.

Не так красиво, как возникший, Родион спрыгнул с подножки. Вокруг особняка – пустота с тишиной. Двери в большую гостиную распахнуты свежему воздуху, окна тоже. Прислуги не видно. Еще раз припугнув хозяина, чтобы не думал покидать фиакр, Ванзаров направился на задний двор.

Из кухонного окна долетали неторопливые стуки и позвякивание посуды. Тонька словно во сне передвигалась от плиты к столу, чем-то шуршала, перетащила на огонь кастрюлю, вернулась за крышкой, накрыла пар, постояла, сняла крышку и отнесла обратно. Впав в оцепенение, замерла с кухонным ножом над зеленью, очнулась и принялась еле-еле крошить. От этого зрелища невольно хотелось зевнуть и продрать глаза. То ли кухарка не оправилась от шока, то ли пребывает в девичьих грезах.

Насытившись кулинарным зрелищем, Родион двинулся в глубину двора. Его ожидала новая идиллия. Расположившись в тенике на старом плетеном кресле, беззаботно дремал Орест. Лакей так расслабился, что недокуренная сигаретка выпала из храпящего рта, дымясь на штанине. Не разбудив труженика, Ванзаров прокрался к задней стороне дома мимо конюшни и углового выступа с единственной наглухо задраенной рамой. Бесчувственными к такой духоте могли быть только книги. И правда – внутри темнели библиотечные шкафы.

Окно в спальню Нила Нилыча закрыть никто не удосужился. Только занавески защищали комнату от залетающих мух, комаров и пары капустниц. На белой поверхности подоконника, давно не убираемой, виднелся отчетливый след. Слово пыль смахнули широким мазком. Видимо, Нил трусливо потянул письмо на себя.

Чтобы оставить конверт на окне, «почтальону», не умеющему летать, пришлось бы пройти сквозь клумбу, поросшую цветочками, в которых Родион не разбирался. Должен остаться хоть какой-то смятый след. Но его не было. Тщательный осмотр земли и растительности вынудил признать: или злоумышленник обладал рукой невероятной длины, или использовал что-то вроде лопаты, или метко бросал издали конверт, как кольца в игре серсо. Быть может, гениальный Лебедев и разыскал бы какой-нибудь след, но возможности чиновника полиции были исчерпаны.

Вернувшись к парадному подъезду, Родион встретил одинокого коня с приделанным фиакром. Желая высказать все, что думает о строптивом подопечном, Ванзаров шагнул на ступеньки, ведущие в распахнутый проем гостиной. Но не успел и шагу ступить, как навстречу медленно выплыл Нил Нилыч. Это был он и не совсем он. На обворожительного мужчину нашел частичный столбняк, не иначе. Живыми оставались только ноги. Прочие члены раскорячились, словно Бородин ловил мяч, а лицо застыло в удивлении, нет, не то, застыло оно в глубочайшем ужасе, какой доводит до седины в висках. К счастью, цвет волос бильярдиста не пострадал, чего нельзя было сказать уверенно о его рассудке. Нил хватал воздух губами, пучился, но так и не смог выдавить из себя звук.

– Где? – крикнул Ванзаров.

Статуя, поворота торс, указала в глубь комнат.

Тяжелый обед противился быстрому подъему. Но слушать жалобы тела было некогда. Одолев лестницу в два прыжка, Родион влетел в большую гостиную и обнаружил... полное ничего. В полутьме и прохладе не нашлось даже тени пугающего. Оставался плохой, но логический вывод. Тем более дверь в спальню Филомены Платоновны была настежь.

Рванувшись в комнату дамы, Ванзаров затормозил на носках не хуже рыска. Госпожа

Бородин сидела на своем величественном стуле-каталке и, прикрыв лицо платком, тихо вздрагивала от рыданий. Ничего более ужасного поблизости не нашлось. Родион уже решил, что стал жертвой сыновней любви, мало ли как любящий мальчик может реагировать на материнские слезы, но тут Филомена Платоновна подняла заплаканные глаза и, не удивившись внезапному гостю, тихо сказала:

– Как это ужасно...

За спиной послышались робкие шаги крупного человека. На всякий случай Родион быстро обернулся. Нил, кое-как овладев собой, держался за лоб и только пробормотал:

– Да что же это...

Не желая пребывать в потемках, чиновник полиции потребовал объяснить, отчего все эти страдания.

– Под лестницей... – выдавил Бородин.

Приглушенный свет раннего вечера схитрил. Скрыл, что рядом с витым сооружением, упиравшимся в потолок, что-то лежит. Осторожно приблизившись и опустившись на корточки, Родион осмотрел съехавший платок, открывший снежно-седые волосы. Тельце, согнутое личинкой, притулилось к ступеньке бочком, лежало тихо и как-то уютно. Только под головой бурая лужица из подсохшего ручейка, что бежал от разбитого виска. Пульса на шее не было. Судя по коже, еще теплой, несчастная погибла самое большее час назад. Ах, как сейчас нужен Лебедев со своим походным чемоданчиком! Но все пришлось делать самому.

Осмотр пальцев, ковра и кованых ступенек ничего не подсказал. Но на нижнем изгибе перил в виде львиной лапы отчетливо виднелось бурое пятно, с которого накапало на пол. Что же получается? Жертва ни с того ни с сего пыталась забраться на лестницу, поскользнулась, ударилась виском об архитектурное украшение, упала и тихо испустила дух. И на помощь позвать не успела. Хотя это было бесполезно: рана слишком серьезна.

Мобилизовав все криминалистические познания, Родион встал на колени и внимательно осмотрел ушиб. Потом так же тщательно – кованую лапу. Затем обошел гостиную, заглядывая под диван, кресла и куда мог достать, не ленись вставать на карачки. Кроме пыли, мусора и неметеных объедков, примечательного не нашлось.

– Захожу, а она лежит, – послышался жалобный всхлип.

Чиновник полиции потряхнул колени.

– Вот так сразу заметили? Кажется, просил оставаться на месте, – напомнил он строго.

– Я бы ни за что... Матушка услышала, что подъехали, стала звать. – Нил потупился, как нашкодивший мальчишка перед розгами. – Зовет и зовет, утерпеть не мог. Думаю, сбегая быстро и вернусь, вы ничего не заметите... Заглядываю к ней в комнату, а она говорит: «Что-то упало тяжелое в гостиную, Тоньку и Ореста дозваться не могу, Аглая в лавку ушла, посмотри, что там». Ну, думаю, этажерка от старости рухнула, выхожу и вижу... Ее... Бедная Марфушенька...

– Зачем полезла на лестницу?

– Да кто же знает, блаженная, что тут выяснять. Ходила по всему дому, найдет где-нибудь уголок – и сидит мышкой. Один раз об нее даже спотыкнулся. Ругали ее, да разве поймет – ума меньше новорожденного... Платье откуда-то новое взяла, и вот пожалуйста... Такая нелепая смерть.

– Какая? – упрямо спросил Родион.

Нил поморщился:

– Сами не видите? Шатнуло, упала – дух вон. Много ли старушке надо?

– Семейный рок начал действовать?

– Как вы можете... Какой тут рок – несчастный случай. Марфуша, конечно, жила с нами. Но разве собачку безмозглую можно считать членом семьи?

– Почему же испугались?

– Это вы с трупами дружите, а у нас такого не было. Сначала глаз, потом убогая.

– Ничего, привыкнете, – обрадовал чиновник со стальным сердцем.

Нил Нилыч по-девичьи затрепетал ресницами и спросил оторопело:

– О чем это вы?

– Обычно рок требует новых и новых жертв. Письмо об этом однозначно предупреждает. Только в обморок не падайте, пожалуйста... С вами сыскная полиция, значит, року здесь делать нечего. Лучше вспомните: когда из дома выехали?

– Около часа тому, – неуверенно ответил Бородин. – До Мучного доехал быстро, минут за пятнадцать, а потом ждал не меньше полчаса, вот и получается... А зачем вам?

Пропустив вопрос мимо ушей, Родион попросил собрать всех, кто есть в доме.

Сбежав за кухаркой и лакеем, любящий сын наконец выкатил матушку. Приближаться к телу никто не спешил. Тонька жалась к коридорчику, зажав рот передником, Нил занял привычное место за спинкой стула, Филомена Платоновна упорно смотрела в подол, и лишь Орест, легкомысленно присвистнув, играл папироской в пальцах. Важно заметить: кто как вошел, как посмотрел, как испугался. Сами по себе живые эмоции еще ни о чем не говорили, но вместе рисовали смутную картину.

– Кто видел Марфушу последней? – строго спросил Ванзаров.

Ответом было дружное молчание.

– Ну, не знаю, может, и я, – капризно заявил Орест. – Гуляла по двору, но я же не буду за каждым следить.

– Когда это было?

– Может, час, может, два назад, что вы хотите, у меня много других дел. – И трудолюбивый лакей затянулся дымком. – Однако забавное приключение...

– Пошел вон, негодяй! – внезапно рявкнул Бородин.

Изобразив оскорбление, Орест удалился с гордо поднятым подбородком.

– Спасибо, Нил Нилыч, – искренне сказал Ванзаров. Если бы не этот всплеск ярости, чиновнику полиции ох как трудно было бы держать себя в руках. – Что скажете, Антонина?

Утерев нос, кухарка пробормотала:

– Заходила ко мне. Хлеба ей дала с сыром... Некогда, ужин еще не готов... Аглая ругалась, сама в лавку побежала... Недавно, кажется... Маятник в гостинной...

– Когда слышали удар? – резко повернувшись, спросил Родион.

Филомена Платоновна уже вполне овладела собой:

– У меня в спальне нет часов. В моем возрасте они только расстраивают, напоминают о том, как мало осталось... Довольно долго звала... Колокольчик у нас сломан, никто не отозвался. Пока не услышала, как подъехал Нилушка... Позвольте сыну отвезти меня. Больно смотреть на несчастную...

Чиновник полиции не возражал. И даже отпустил кухарку.

Все получилось как нельзя лучше. Аглая как раз появилась в проеме двери с корзинами, доверху набитыми провизией. Пожилой женщине хватало сил тащить на себе чуть ли не пуд. И даже не запыхалась. Но, заметив крепко сбитый силуэт, отпрянула:

– Опять вы? Нечего тут делать. Зачем приперся?

– Разве не знаете? – Родион одарил улыбкой самого очарования. – Взгляните-ка туда...

Нянька подслеповато прищурилась, пробиваясь сквозь полумрак, но, когда прояснилось, выронила корзины, в которых треснуло стекло, подбежала к телу, упала на колени и заголосила так горько и протяжно, как умеют деревенские плакальщицы. Было в этом все столько искреннего надрыва и печали, столько отчаяния и тоски, что и стальное сердце Родиона поежилось. Аглая не причитала – надрывала душу междометиями, какие не выдумать нарочно, когда для горя и слов не найти. Так убиваться над чужим человеком – не всякому дано. Стон оборвался вдруг, как и не было, нянька метнулась фурией и, шипя, накинута на Ванзарова:

– Что, доволен? Говорила ведь, нечего совать нос. Накликал беду. Погубил, ирод! На тебе вина, на тебе эта душа невинная. На тебе пятно несмываемое. Ух, змей подкольный! Да чтоб тебя.

Он был не согласен. Категорически не был согласен. Что это еще за обвинения? То гусем величали, теперь змеем, как это стерпеть? Кто вообще тут чиновник полиции? Но

ответить как следует не случилось. Засушенный палец с обкусанным ногтем уперся мстительным жезлом:

– Весь в крови невинной... – Добавив проклятий, нянька скрылась за дверью и с грохотом заперлась на ключ. И уже в одиночестве предалась рыданиям.

Всю эту сцену Нил наблюдал из безопасного укрытия материнской спальни. Когда гроза миновала, участливо потрепал по плечу юношу, кипевшего от возмущения:

– Не принимайте близко к сердцу. У няньки язык так подвешен. Мелет не думая. Очень привязалась к Марфуше. Своих детей не было, вот и поделила любовь между мной и полоумной... Что поделаться, такая судьба.

– Да-да, судьба, – повторил Ванзаров, обретая душевное равновесие, и вдруг спросил: – Почему матушка не использует инвалидное кресло? В нем удобно передвигаться самой, быть независимой.

– Потому что не желает чувствовать себя инвалидом, – не скрывая раздражения, ответил Нил. – Женщине нелегко сносить увечье. Что ж тут непонятного?

У сыскай полиции на этот счет было другое мнение: есть такие матери, не все, конечно, что пойдут на любую глупость, лишь бы покрепче привязать к себе сына. А что прочнее пут, чем забота о беспомощной матушке? Вот именно...

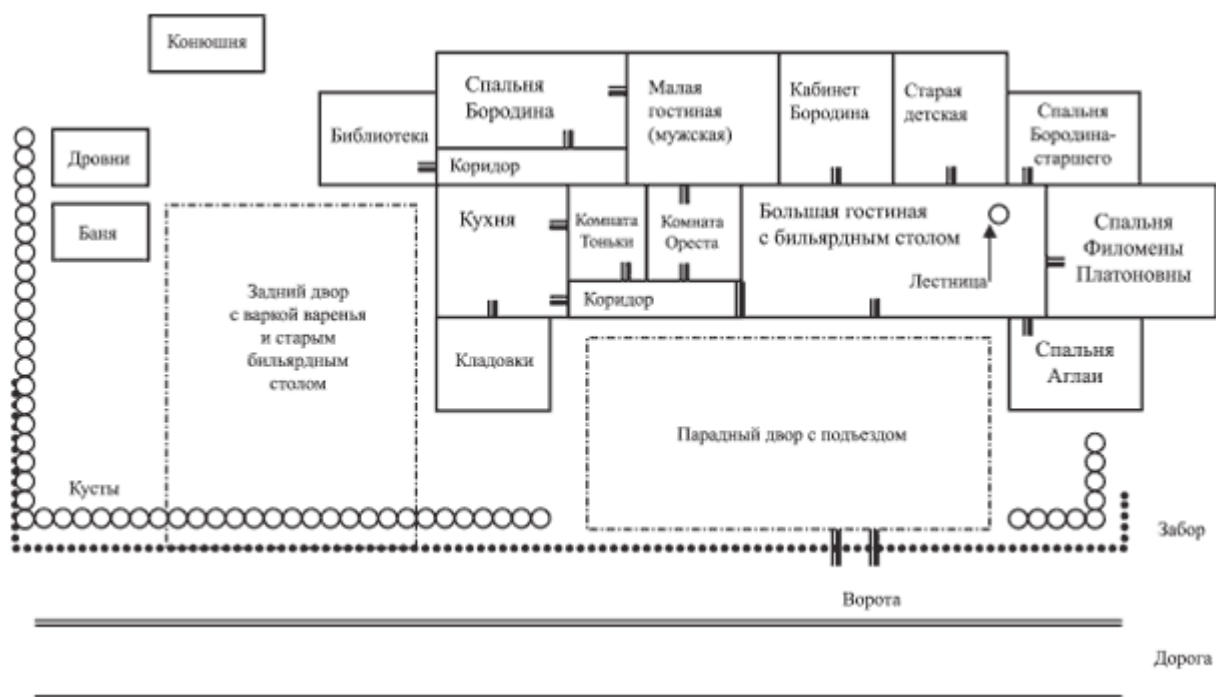
Отправив за санитарной каретой Ореста, Родион Георгиевич вежливо, но строго попросил разрешения обойти дом, чтобы составить его план, после чего прогулялся вокруг особняка и даже повторил знакомый маршрут в траве.

Вернувшись ни с чем, отметил, что к Марфуше больше никто не прикасался. Даже простыню не накинули. Скукоженное тельце валялось старой куклой – поиграли и выбросили. Ладно, Тонька боится, но неужели Аглая так предалась горю, что забыла о приличии?

Не читая лишних нотаций, Родион потребовал у Нила не покидать дом ни под каким видом. На ночь запереть окна и внимательно слушать, что происходит. Если есть оружие – держать поблизости. Только убедившись, что Бородин достаточно напуган, так что охота самовольничать отбита напрочь, Ванзаров покинул особняк. Разбираться с семейным проклятием пора основательно.

Тут уж не до варенья бабушкиного.

ПЛАН ДОМА БОРОДИНЫХ

К вечеру запахи ослабли. Сумрак и прохлада намекали, что пора бросить кабинет до завтра и окунуться в легкие развлечения, каких солидному господину вовсе не пристало чураться. Мучимый потаенным желанием скорее оказаться за столиком ресторана, где ужин и оркестр, Оскар Игнатьевич слушал тем не менее так внимательно, что проникал в смысл. Чем дольше докладывал перспективный чиновник, которого сам же рекомендовал, тем больше портилось настроение.

Надо же попасть в такую переделку: утром рассчитывал, что блестящий юноша проведет стремительное следствие, выяснит, что все это чепуха, шутки домашних или влюбленных женщин, они посмеются с Бородиным, и наконец откроется секрет мастерского удара. Но игра затягивалась. Оказывается, дурацкие письма, о которых поминал Нил Нилыч, имеют под собой какое-то основание, вовсе не шуточное. Да и глаз тоже. А гибель нищенки – и того хуже. Каша заваривалась густая и мутная – это Оскар Игнатьевич чуял полицейским нюхом.

– По-вашему, появление глаза и трех писем не случайны и связаны между собой? – спросил он особым начальственным тоном, в котором мудрость в равных долях смешана с добротным идиотизмом.

Юный чиновник ответил утвердительно.

Не сомневается ведь, подлец, даже виду не делает...

– А что с этой бездомной? – продолжил полковник.

– Безумной, – вежливо поправило дарование.

– Вот именно, бесноватой. Уверены, что не несчастный случай?

– Абсолютно.

«И откуда такие нахалы берутся? – подумал Вендорф с тоской. И еще подумал: – Что за напасть: если дурак, то исполнительный, в худшем случае наломает дров. А как умный – так дело сделает, но уж всем достанется. Нет чтоб гармония была в чиновнике – всего понемножку, и начальствовать приятно». А вслух переспросил:

– Так какие, говорите, факты?

– Ранение виска, – Ванзаров необдуманно показал на себе. – Если бы Марфуша падала с лестницы, форма раны была бы другой. Кованая львиная лапа дала бы узкий глубокий след, похожий на удар молотком или ломом.

– А на самом деле?

– Скорее всего, какой-то широкий тупой предмет. Я проверил, но похожего на оружие убийства поблизости не нашлось. Ни в гостиной, ни в округе.

– Куда же оно делось?

– Убийца мог забрать с собой. Следы крови, вероятно, сможет определить только экспертиза. Если оружие не было вымыто.

– Этого маловато для таких серьезных выводов.

– Рана нанесена в правый висок.

– И что из того?

– Если предположить, что Марфуша на самом деле падала с лестницы, непременно ударилась бы левым. В противном случае она должна была подниматься спиной вперед. Но болезнь согнула ее позвоночник пополам, выше одной ступеньки не осилила бы. А с такой высоты невозможно получить смертельную рану.

«Вот умник, прижал так, что и не вздохнуть», – в печали подумал полковник... Нет, все-таки здорово, что мы можем вот так заглянуть ему в черепушку. Ох бы пригодилось Родиону. Ну ладно, не будем фантазировать. Криминальный роман – дело не шуточное. А вы как думали?

– Что же получается: смерть подстроена? – спросил Вендорф.

– Логичный вывод. Убийца настиг Марфушу в гостиной, нанес удар в висок. Она упала.

Осталось только намазать кровью завитушку лестницы.

– На кого думаете?

– Логично предположить, что убийца владеет сильным и метким ударом. Крепкая, я бы сказал, тренированная рука.

– Неудачное покушение на господина Бородина?

– Исключено. Их не перепутает и слепой.

– Но зачем убивать бесноватую, которая и двух слов связать не может?

– На этот счет четких предположений у меня нет, – признался Родион.

«Ну слава богу! Обделался, логик!» – с некоторым облегчением подумал Оскар Игнатьевич. Сам же сказал:

– Уже составили круг подозреваемых?

– За исключением домашних еще пара персон. Быть может, кого-то пока не знаю.

– Бедный Нил Нилыч, в какой переплет попал...

– Он тоже в списке подозреваемых.

– Что за выдумки? – Голос полицеймейстера стал неприступен и строг.

Ванзаров не дрогнул:

– Только факты. По времени он успевал убить Марфушу и приехать за мной. К тому же лучшего алиби трудно придумать. Письма с угрозами легче всего положить не в окно, а со стороны его кабинета. Меткость руки бильярдиста известна всему городу.

– Смеете заявить, что господин Бородин устроил этот цирк с письмами и глазом да еще прихлопнул блаженную старушку? Может, ваша хваленая логика ответит: зачем все это уважаемому члену общества, который не имеет денежных и прочих проблем, а, напротив, решил жениться?

Пора было выжать хоть каплю чиновничьего послушания.

– Обвинить господина Бородина намерения не имею, – смиренно ответил Родион. – Я лишь заметил, что его нельзя сразу исключать из подозреваемых. На всякий случай.

– Вот что, друг мой, – полковник резво сменил гнев на милость. – Вы умный и толковый чиновник, мне лестно, что служите под моим началом. Надеюсь, ваша карьера не заставит себя ждать. Не стоит портить ее горячечными поступками. Это пристало юношам, но не нам с вами. Вы меня понимаете?

Что уж тут, проще простого: начальство строго намекало, что виноватым может оказаться кто угодно, только не Нил Нилыч. Ванзаров обещал учесть при расследовании, но, как ушлый торговец урывает себе выгоду при сделке, взмолил о помощи.

– Все, что в моих силах! – широким жестом предложил полковник.

– Нужны особые полномочия, чтобы пристав не задавал вопросов, а чиновники участка выполняли мои требования...

– Считайте, 4-й Казанский с завтрашнего дня в вашем распоряжении...

– Еще необходимо филерское наблюдение. Пять человек, не меньше.

Такой беспримерной наглости полковник отдал должное: пусти слабину – юнец всю руку откусит. Вот ведь прыткий.

– Пять не могу, одного, зато самого лучшего, – берите.

На это торгаш Ванзаров и рассчитывал.

– Держите меня в курсе расследования, – приказал Оскар Игнатьевич. – Сами ничего не предпринимайте. Доложите – тогда и подумаем, что делать... Ну а теперь, Родион Георгиевич, пора отдохнуть. Денек был долгим...

Чиновник полиции поклонился и стремительно вышел.

Не до отдыха ему сейчас.

Громада «Hotel de France» заняла набережную речки Мойки между императорским дворцом и знаменитыми ресторанами. Положение рядом с властью и развлечениями

обязывало: отель балансировал между наглой роскошью и доступными утехами. Ресторан прославился дорогой, но изысканной кухней, а для развлечений отводился большой зал, в котором поместилось пять столов русского бильярда и еще уголок остался для парочки французского карамболя – узких и без луз.

Проигнорировав надменный взгляд швейцара, юный господин полноватой наружности в помятой тройке, в какой на дачу ездить, а не в приличный отель соваться, спросил, где тут играют. Заявиться сюда запросто, без чистого костюма, было не принято. Указав бильярдную, швейцар хотел не пустить. Нагловатый субъект слушать не стал, а поперся напрямик, будто имел право.

Атмосфера зала была наэлектризована ожиданием. За столами не играли. Зеленое сукно пустовало. Только на одном возлежала пирамида из пятнадцати шаров слоновой кости. Красный биток жался к борту в коле. Маркер ожидал поблизости. Спокойная поза его говорила о сдержанном равнодушии, но в глазах металась огоньки страстного интереса. Публика тихо жужжала. Господа говорили в треть голос, словно боясь нарушить величие ожидаемого события.

Явившегося господина, неприлично опоздавшего, окатили презрительными взглядами. Мало что чужой, так еще одет вызывающе. Затеряться среди смокингов летнему костюмчику не удалось. В тесноте образовалась пустота, отторгнувшая неприличного посетителя. Подавив смущение, чиновник полиции пробился к стеночке и направил силы души на иное.

Духота воцарилась в почтенном собрании. Нетерпение нарастало. И вот началось – в зал быстро вошла дама в простом удобном платье. Появление ее встретили одобрительным гулом. Ни на кого не глядя, будто сосредоточив волю на внутренней цели, взяла кий, резкими толчками протерла, мелом покрыла ударный конец и, опершись, как воин о копье, замерла в свободной позе. Кто бы узнал в изготовившемся бойце взбалмошную Липу! Преображение было фантастическим. Казалось, лицо ее обрело другие черты. О волосах, затянутых узлом, и говорить нечего.

Противник не заставил себя ждать. Опережая взволнованный шепот, дама в сером стремительно прошла зал. Выбрав тяжелый кий, очистила от случайной пылинки. Наклейку энергично натерла мелом.

Соперницы обменялись взглядами. Тишина стала полной. Никто не смел вздохнуть. О жаре будто забыли.

Маркер предложил жребий. Разобрали монетку. Полтинник подскочил кубарем и упал в ладонь. Разбивать выпало Липе. Соперница отступила на шаг. Лицо ее не выражало чувств, словно холодная решимость затмила все человеческое. Маркер объявил куш в сто рублей. Господа стали торопливо примазываться и отвечать.

Ванзаров поддался общему настроению, азарт битвы, как видно давно созревавшей, захватил и его. Но чиновник полиции не имеет права терять голову окончательно. Родион и не терял, а пытался найти ответ: что значит этот поединок? Пришел выяснить характер Липы – в бильярдной игре человек раскрывается до дна. А обнаружил сюрприз. Нелогичный, но

крайне любопытный.

Сыграли две партии. Счет был равный. Приступили к третьей.

Приняв идеальную стойку, Липа примерилась. Хлесткий шток разбил пирамиду. Шары разошлись широко, на игре ничего не осталось. Будто не думая, но зная заранее, Варвара назначила шар и положила крученым такой дуплет, что публика выдохнула восхищенно. Чужой успех Липа приняла равнодушно. Маркер вынул шар из сетки и назвал счет.

Лег бриколь от борта. Уйдя на дальний край, Варвара опустила к сукну и без прицела положила свояка. За ним подряд три других. Треск боков и глухие хлопки о лузу опережал отчаянный крик на выдохе, каким женщина награждает пик страсти.

Маркер объявил счет. Липа отвернулась в пол.

Варвара назначила билию. Удар вышел резкой оттяжкой. Шар попал в губу и замер над кромкой. Шквал досадных возгласов накрыл публику.

– Ах ты, казенный поставила, – прошептал кто-то рядом с Родионом.

– Да уж, мертвый шар, тронь – упадет, – согласился другой голос.

– Так и партию со стола взять...

Будто ничего не случилось, Варвара отошла в тень. Почти не целясь, Липа забрала очки. И пошла на серию. Подряд уложила таких красавцев, что в публике заплодировали. Маркер потребовал тишины. Варвара, скрестив руки за кием, следила с напряженным спокойствием.

Счет сравнялся. Партия близилась к развязке.

Выцелив играть шаром, Липа дала накатом. Биток ударил как нужно, но ушел в боковую лузу – получилось на себя. Маркер начислил штрафные, передав ход.

Обойдя стол, Варвара нашла интерес. Назначила срезать в угловую лузу. Удар сложнее, а с дальнего расстояния – фантастический. Играть такого, когда судьба на волоске, – огромный риск. Легче отыграться да поставить маску: пусть соперник мучается. Но барышня заняла стойку и взяла битку.

Ждали чуда. Атмосфера накалялась. Даже Липа невольно подалась ближе к столу. Ванзаров чуть приподнялся на носках.

Кий мерным ритмом выцеливал точку. И вдруг вонзился в стол. Биток прыгнул перескоком, взмыл от сукна, тенью пронесся мимо соперницы и разнес призовую вазу у дальней стены. Посыпались осколки. Кий хрустнул. Никто не шевельнулся. Даже на маркера напал столбняк.

Напряжение прорвалось криками. Придя в себя, публика переживала трагический момент. Варвара сохраняла спокойствие. Как ни в чем не бывало принесла извинения за кикс, смахнула обломки и спросила новый кий.

Зачистив ладонью в перчатке крошки, маркер вернул шар, урезонил публику и назначил штрафные. Удар перешел к Липе. Выпал шанс выиграть партию. Неуверенно приладив кий, она назначила простой шар. Биток ударился в борт, отскочил, не задев ничего: дала промах. Словно без сил, Липа оставила стол.

Варвара ответила прямым шаром, а за ним двумя другими. Маркер огласил счет и победителя. Кии легли к бортам.

Партия кончилась.

Господа бильярдисты, возбужденные исходом партии, принялись вопить, топтать ногами, аплодировать и выражать кто восторг, а кто отчаяние со всем жаром настоящих фанатиков. Только Родион не участвовал в празднике жизни. В гуще спин и рук, получавших и отдававших мазы, он пытался разглядеть быстро удалявшийся смокинг, странно напоминающий Бородину. Достать нарушителя домашнего ареста не было никакой возможности. Впрочем, как и победительницу. Ее окружили, поздравляя и требуя непременно составить партию.

Варвара сдержанно улыбалась, принимая комплименты как должное. На долю проигравшей досталось забвение. Липа незаметно исчезла.

– О, Ванзаров, и вы тут?

Ему улыбался моложавый субъект в криво висящем смокинге, в котором наш герой узнал репортера ежедневной газеты Кормильцева – господина навязчивого, но веселого. Обменявшись со щелкопером мнениями о матче, Родион заметил:

– Сколько у госпожи Нечаевой талантов...
– Да, в пирамиду отлично играет, – согласился Кормильцев.
– Еще криминальные романы с продолжением публикует. Кажется, в «Петербургском листке»?

– Кто публикует? – искренне не понял репортер.
– Варвара Нечаева. Пишет под псевдонимом Розовое Домино.
Плохо сидящий смокинг затрясся от бурного смеха:
– Эх, господин Ванзаров, сразу видно: не любите криминальные романчики. А зря. Тренирует мозг. Так вот знайте: Розовое Домино – не только не женщина, а всеми любимый и почитаемый Николай Животов. Известнейший автор. Взять хотя бы его «Макарку-душегуба». Захватывающая вещьца...

– Какая досада. Думал, она с газетами сотрудничает...
– Верно, сотрудничает. Составляет бильярдные задачки. Трудные, надо сказать.
– И давно?
– Месяца два публикуется, не меньше.

Отказавшись отметить победу, Родион отделался от навязчивого писаки. Непременно требовалось самому выразить восторг победительнице. Но Варвары и след простыл. Ее поглотила толпа болельщиков.

19

Близкая осень подбиралась ночной прохладцей. Окна закрылись, сберегая дневное тепло. Доходный дом на Садовой погрузился в мирную дремоту. Свет не горел. Только домовладелец Крюкин, экономивший на ночном стороже, дремал за воротами на каменной тумбе.

Родион вежливо погромел закрытой калиткой. Спросонья не разобрав, что творится, Крюкин подскочил, но, узрев знакомый силуэт, кинулся отпирать. Господин Ванзаров хоть и снимал маленькую квартирку, платил исправно и никогда не спорил с повышением квартплаты. Чем домохозяин бессовестно пользовался. Заперев за поздним постояльцем калитку, пожелал доброй ночи. Однако про себя подивился: это как же надо кутить, чтобы за день отпуска спустить весь багаж с саквояжем да явиться домой пешком, как видно, без копейки. Видать, юноша – тайный игрок, раз пришел на своих двоих и без хмеля. Надо будет с него аванс за сентябрь потребовать, а то мало ли что: спустит костюм – и за квартиру платить нечем.

Между тем Ванзаров пробирался по темной лестнице, на освещении которой сэкономились свечи и керосин. Вот и пещера лестничной площадки. Ключ механически ткнулся в скважину замка, оборот-другой. На коврик скользнуло что-то прямоугольно-белесое, прижатое дверью. Жилец поднял заклеенный конверт без надписи.

Неторопливо скинув пиджак и испив из крана воды с гниловатым душком, Родион зажег на рабочем столике керосиновую лампу под зеленым абажуром и старательно обнюхал послание. Нечему удивляться, у каждого своя манера. К запахам Ванзаров относился с большим почтением, если не сказать с любовью. Бывало, в детстве старший братец завяжет ему глаза, подсунет разнообразную гадость и потребует угадать. Ладно, не будем ворошить темное прошлое, и так время позднее.

Ну так вот. Конверт пах чем-то странно знакомым, только не канцелярским клеем. Запах чуть резковат, но приятен: была в нем сладкая нотка и что-то от химической эссенции. Но разве мог даже чуткий нос, даже состоящий в сыскной полиции, сравниться с лабораторией Лебедева? Конечно, нет. Ах, Аполлон Григорьевич, где же ты!

Из аккуратно срезанного бока вывалился листок, сложенный пополам. Развернув его,

Родион обнаружил послание.

Несмотря на некоторое косноязычие, смысл выпирал предельно ясно. Вместо того чтобы испугаться или заставить двери шкафом, юный чиновник опять принялся. Ну прямо как хорошая легавая, пардон, конечно... Пахло все тем же. Конверт и слова держал один клей. И довольно прочно. Вырезанные лепестки ни за что не хотели отрываться.

Письмо Бородина легло рядышком. Хотя без великого криминалиста выводы хромали на обе ноги, но кое-куда привели. В свежем послании края обреза – рваные и кривые. Забавно, что все слова начинаются со строчных букв. И еще мелочь: после слова «берегись» ножницы пощадили странный значок из двоеточия и скобки: «:»»). Брак наборщика, зато какой полезный. С такой отметиной издание опознать легче.

Буквы, хоть напечатаны типографски, наверняка не из газет. Скорее всего, какая-то дешевая брошюра из тех, что продают на лотках по пять копеек. Может быть, переводной романчик. Интересно, что в одной брошюре нашлись такие разные высказывания, как «расследовать это дело» и «приказано богом». И автору удалось найти даже такое полезное выражение, как «в бедствиях, ниспосылаемых богами». Что так сильно и напугало Бородина.

Только в этих громогласных угрозах не было смысла ни на грош.

Во-первых, великого бильярдиста и чиновника особых поручений пугали похожими словами, но по разным причинам. Нил явно совершил промашку, искренне не подозревая об этом. Дело, скорее всего, в женитьбах. Но господин Ванзаров тут ни при чем. Если бы сыскной гений на самом деле разнюхал что-то важное, если бы его орлиный взор (о как!) залез в потроха чьей-то тайны – пора пугать. Только штука как раз в том, что он не знал ничего. Предполагал – не более того. Хитрый преступник обязан это понимать. Невозможно поверить, что Родион держит в руках важнейшие улики, но об этом не догадывается. Их всего-то наперечет.

Глаз? Лежал себе в варенье, напугал женщин до смерти, заставил Нила побежать в полицию. Но никакого отношения лично к Родиону. Трудно предположить, что вырезальщик слов так глуп, что надеется одной бумажкой отпугнуть лучшего сыщ... тьфу ты, дельного чиновника полиции. Глаз отпадает.

Несчастье с Марфушей? Да, смерть шита белыми нитками, грубо и неумело. Но письмо, наоборот, кричит: смотрите, какую фальшивку соорудили. Разве так отваживают сыскную полицию? Так только разжигают ее любопытство.

Но самое забавное – стремительность угрозы. Еще утром Родион счастливо не догадывался о семействе Бородиных, как и они о нем. Значит, адресат познакомился с ним сегодня и каким-то образом узнал, где проживает коллежский секретарь. Круг таких персон опасно узок. Не спрятаться в тени.

Что же остается? Остается логика. Одно из двух: или автор так испугался, что совершил преступную ошибку, то есть поторопился. Или... Другой вывод казался таким простым, что согласиться с ним было трудно. Вернее, невозможно.

Романтическая чушь была изучена еще раз. Ну и какая в наше просвещенное время может быть «ужаснейшая язва» хуже чиновников?

Быть может, правда над семьей тяготеет рок? Этого неприятного субъекта Родион представлял отлично. В древнегреческих трагедиях он распоряжался судьбами людей как вздумается. Не только герои, сами олимпийские боги боялись его. Древний рок был слеп, беспощаден, но по-своему справедлив. Гадости делал только тем, кто этого заслуживал с точки зрения высшей справедливости. На него обижались, но терпели, считая неотъемлемой частью древнегреческой жизни, как вино и однополую любовь. Но что року делать в

современной семье? Откуда ему взяться на столичных проспектах? Тут и своей нечисти хватает.

Нет, не верил чиновник полиции в рок, как бы ни старались убедить его. А верил в то, что за его маской кроются жизненные интересы. Чем страшнее малюют рок, чем больше тумана напускают, тем проще и гаже интересики.

Опять пронесся бильярдный шар, пущенный недрогнувшим кием Варвары. Обе барышни уверяли, что не знают своих соперниц. Но в удивительной партии, которая наверняка войдет в историю бильярда, уж поверьте, сквозило иное соперничество, не только спортивное. Что-то вроде танца на ножах горячих испанских дам, когда выясняют, кому достанется красавчик Педро. Неужели слепая ревность – и ничего больше? Для рока и меньшего достаточно.

Блестящая задумка – убрать соперницу публично. Сотня человек подтвердит, что имел место фатальный случай: дама, разгоряченная поединком, рвалась к победе, вложила всю силу в удар, к несчастью, случился кикс, шар угодил куда не следует. Преступного умысла нет. Дело и до суда не дошло бы. Липа, конечно, могла остаться жива, но попадание в глаз или в висок снаряда слоновой кости товарные качества невесты значительно бы испортило. Кого бы тогда выбрал Бородин?

И вот какой вопросец подмигивает: куда делось оружие убийства Марфуши? Как ни странно, ответ мог быть в письме с обрезками. И тогда оно аккуратно ложилось в логическую цепочку.

Полагалось проработать и другие версии. Но усталость одолела чиновника полиции со стальным сердцем. Поклевывая носом и встряхивая засыпающей головой, Родион добрался до подушки и забылся сном.

Штос

На билиарде, например, невозможны ни «передержки», ни «подтасовки», ни «крапление», ни многие другие приемы, практикуемые в карточных играх. Биллиард, как и играющий на нем, весь открыт, и ничего тайного на нем для играющего партнера не остается.

Там же

1

Еще не рассвело, еще темень и мгла, а трудолюбивые обыватели раскрывают ставни, хозяйки бегут за провизией, рынок бурлит и торгуется. Где? Да в каждом городе Европы. Только одна столица не похожа на другие.

Выскакивает иностранец из петербургского отеля эдак часов в семь и чуть не падает в обморок. Кругом пустынные улицы да закрытые лавки. Сонные дворники подпирают ворота, заспанные городовые зевают во все пасти, а если и мелькнет фигура, то самого непотребного вида. Гость с перепугу проверяет часы – тикают. Быть может, не проснулся и это снится? Щиплет нос – явь. Неужто население сразила хворь? Все проще: Петербург дрыхнет и лениво ворочается с боку на бок. Даже жулики с грабителями изволят отдыхать. В этот счастливый миг чужеземцу открывается вся глубина отечественной лени. И гость возвращается досыпать.

Хотя этим утром не все столичные жители предавались любимому делу. Было таких героев немного, но один точно нашелся. Проснулся он часов в шесть, если не в пять, и больше не сомкнул глаз. Все пытался вспомнить, что же приснилось. Было во сне нечто важное, что не зацепить ни мыслью, ни словами, а только ощутить мучительной занозой в душе. Родион старался подобраться к желанной цели, но все было напрасно. Всплывали какие-то персоны, уродливые и трагические, носились смутные виденья, но главное не

давалось. А ведь казалось простым и ясным.

Жертвой бдений стало настроение. Юный чиновник полиции встал в скверном расположении духа. Крепко приложив невинный стул, ругаясь и уже прихрамывая, заковылял в душевую, то есть к большому тазу на кухне. Три ведра ледяной воды прибавили сил. Фыркая, что бодрый конь, Родион зашлепал к шкафу. И обнаружил катастрофу: чистых сорочек больше нет. Вернее, есть – у прачки. Или в саквояже, что остался в участке.

Нас уличат, что для чиновника полиции со стальным сердцем такая слабость неуместна. Подумаешь, несвежая рубашка, когда преступление не раскрыто. Нет, господа, не «подумаешь»! Чистота мысли требовала чистоты костюма. Иначе мнительный Родион никак не мог. Все ему казалось, что... Ну, не будем бесцеремонно совать нос в слабости героев. Они тоже люди.

Облачившись в помятое белье, выуженное из корзины, Ванзаров брезгливо разгладил грудку, торчавшую над жилетом, и натянул пиджак. Делать в этот час было решительно нечего. Мозги отказывались заниматься логической гимнастикой, а тело настоятельно требовало подкрепиться. Но трактир, где привык завтракать, еще не открылся. А в доме шаром покати, даже чаю не напиться. Всегдашнее спасение – заявиться к матушке – теперь недоступно. Лучше голодная смерть, чем женитьба.

Спустившись во двор, Родион испортил утренний сон невинным людям. Дворник, продирая глаза, никак не мог понять, чего от него хотят и о каком письме допрашивают. А домовладелец, разбуженный громким разговором, только печально тарасился. Ничего удивительного: дом доходный, то есть почти проходной двор. Кто принес дурацкое послание – выяснить не удалось.

Побродив по сонным окрестностям голодным волком, Ванзаров дождался девяти и отправился в участок. Как по волшебству, створка двери распахнулась сама, обнаружив коллежского регистратора Матько, словно игравшего в швейцара. Накипевшее уже готово было обрушиться на лысоватую голову, но чиновник источал медовую покорность без подвоха: поклонившись чуть не в пояс, пожелал доброго дня, проведал о самочувствии и доложил, что Родиона Георгиевича ожидают с нетерпением.

В приемной случилось страшное: наличный состав чиновников в количестве двух человек выстроился в шеренгу. Рвение было столь велико, что казалось, прикажи молодцам прыгнуть в огонь или прорубь – сиганут не задумываясь. Те же личности, что за спиной обзывали Ванзарова чужаком и выскочкой, устраивали мелкие пакости и совали шпильки, преобразились совершенно. Господа Редер и Кручинский чуть не хором доложили, что ждут приказаний, только свистни. Да что они – сам пристав в нетерпении сучит ножкой. Родиона непременно просили явиться наверх, то есть на второй этаж.

Не успел юный чиновник шаг ступить, к нему бросился сам подполковник, распахнув объятья. Желудь светился таким обожанием, от которого делалось кисло. Усадив дорогого гостя, пристав высказался в том смысле, что всегда считал Ванзарова личностью исторического масштаба и теперь рад доказать это любыми средствами, чего бы это ни стоило. В таком духе Савелий Игнатьевич рассыпался без устали.

Тайна этого чуда не тайна вовсе. Конечно же, полицеймейстер Вендорф любого волшебника переколдует на вверенной ему территории. Как же иначе...

Истошив запасы лести, пристав понизил тон и, дружелюбно подмигнув, поинтересовался, нельзя ли узнать хоть краешек того дела, что поручено Родиону Георгиевичу. Не ради любопытства, а чтобы быть полезным...

Стальное сердце очень даже пригодилось. Скроив непроницаемую мину, Родион задумчиво сообщил, что произносить даже запятую нельзя, поручение важнейшее, секретное и деликатное. Желудь глубоко проникся важностью момента, хотя в душе рвал поганого мальчишку на кровавые куски за то, что обскакал и выехал на его горбу.

Позабыв про саквояж чистых сорочек, Родион испил божественный яд власти. Мир преобразился. Даже его стол передвинулся так, чтобы свет из окна выгодно падал на бумаги. Чиновники замерли в ожидании указаний.

Юная звезда сыскной полиции развалился в кресле и принялся отдавать команды. Матько было поручено собрать сведения по полицейским участкам и больницам: не доставлялся ли труп с вырванным глазом. Коллежскому секретарю Кручинскому досталось землю рыть, но выяснить все о барышнях Варваре Нечаевой и Олимпиаде Незнамовой. А вот губернскому секретарю Редеру поручалось найти живой или мертвой, лучше живой, пропавшую барышню Москвину, начав с моргов и больниц. Чиновники бросились исполнять с охотой и удовольствием.

— И позвать ко мне городского Семенова! — крикнул вдогонку важный господин.

Приказ подхватили на лету как должное.

Однако как сладостно быть начальником, даже голод забылся. Но вдруг Родион ощутил, что вершина власти, на которую уселся, больно впилась в задницу. Уж извините. Увидел он себя со стороны: обнаглевший юнец, потерявший человеческое обличье только потому, что дали право командовать. Как же мог так стремительно измараться? Разве для этого шел в полицию? Разве хотел стать маленьким ханом?

Стало мерзко, как в тот раз, когда братец подложил в суп лягушку. Железное сердце раскалилось от стыда. Захотелось вымыть руки. Родион невольно вытер их о штанину и подумал: какое счастье, что этого не видел Лебедев. И тут же исцелился... А то что бы с ним делать? Разве угрожать к середине книги, подлецов и так кругом хватает.

Напротив стола сама собой, как-то незаметно нарисовалась долговязая фигура, смутно растекавшаяся. Родион подскочил и горячо поприветствовал долгожданного филера. Несмотря на молодость, Афанасий Курочкин славился на всю столичную полицию и жандармский корпус умением быть... невидимым. Никак не меньше. При выдающемся росте и тщедушной комплекции это казалось невозможным: фонарный столб или шлагбаум менее заметны. Но молодец умудрялся буквально пропадать с глаз. За что был негласно коронован великим Евстратием Медниковым в лучшие ученики и наследники филерской науки. Вендорф прислал действительно лучшего.

Кратко введя в курс дела, Родион попросил сразу отправиться на Крестовский остров и не выпускать из виду особняк. Брать на карандаш — кто и когда. Если кто-то надумает выехать — оставить в покое. Важнее наблюдать за тем, что делается в доме. Любого гостя запоминать наизусть. Постараться не обнаружить себя.

На это Афанасий только хмыкнул, почиркал в филерском блокноте и, не простившись, растворился. Показалось, что тело растаяло в воздухе. Нет, конечно, показалось. Но все-таки... Талант филера приводил в некоторый трепет.

А вот явление старшего городского Семенова сопровождал грохот каблуков под цоканье полицейской шашки. В этом теле никакой загадки не скрывалось. Напротив — все на виду. Богатырский детина, на спор державший на прямых руках бочку с цементом, служил в полиции не от больших талантов, а потому что больше нигде. Куда деть недюжую силушку при заурядных способностях? В цирковые борцы не брали, оставалось охранять порядок. Семенов был самым обычным полицейским, то есть исполнял что полагалось или меньше, брал по чину, когда случалось, и мечтал скинуть ярмо службы, поднакопив денег. Но к юнцу, о котором в участке отзывались с презрением, относился с искренним уважением. Хотя бы потому, что только Родион обращался к городскому на «вы».

— Михаил Самсоныч, могу рассчитывать на вашу помощь? — спросил Ванзаров, заставив сесть рядом. — Дело несложное, но мне не справиться.

Не раздумывая, Семенов пообещал свернуть любого в бараний рог.

— Уличное общество знакомо?

— Вот как эти пять пальцев, — ладонь городского сложила в кулак удивительной авторитетности. Так и виделось, как жулики в нем пикнуть не смеют.

— Необходимо собрать сведения об одной нищенке.

— Как звать?

— Марфуша... Блаженная старушка лет семидесяти.

Сквозь мощный лоб городского упорно пробивалась мысль.

– У нас на участке ее не было, – сказал он, все еще пытаясь думать. – Но имя знакомое... А, конечно! Года два назад ходила по Садовой, тихая, не попрошайничала. Потом пропала.

– Так сможете?

– Выясним. Найдутся знатоки. Сегодня же достанем...

Грохот каблуков под цокот ножен поглотила улица.

Позволим не думать, как именно друг-городовой добудет информацию. В конце концов, тут вам полиция, а не шелковые перчатки. Другие дела не ждут. Следовало хорошенько поработать головой. А без чашечки кофе она шевелиться не будет.

– Не опоздала?

Голос с арийским металлом развеял мираж завтрака, уж сладко поманивший. Строгая коллега из берлинской полиции торчала колом.

– У вас поздно встают. Возмутительно. Я вся натерпелась, – отчитала Ирма фон Рейн наименее виновного в столичной лени. – Пора торопиться. График не ждать. Ви обещал.

– Йя, – выдавил Родион немецко-русское междометие.

Что за напасть! Начисто забыть о данном слове. В другой день железное сердце взяло бы совесть в тиски, чтоб не трепыхалась. Но сегодня было иначе. Отыскав в усах радушную улыбку, Ванзаров покорился судьбе в черной повязке. Как-никак дама, хоть и одноглазая. Приступ доброты самого Желудя пришелся как нельзя кстати – для путешествия по значным местам гостье с коллежским советником была предоставлена полицейская пролетка.

И такое порою бывает.

2

Воображение невольно рисует, как полицейские дрожки вихрем неслись по улицам и проспектам, распугивая все живое на своем пути, а другие народы и государства, косясь, постораниваются и дают им дорогу. Ох уж эти книжные фантазии. Честное слово, нет от них никакой пользы. Начитаются всякой белиберды и воротят нос от правды жизни. Она, как обычно, скучнее и примитивней.

Возничий, он же младший городовой Синицын, вовсе не нахлестывал, а позволял потасканной лошаденке плестись, как велели лень и побитые копыта. Сам же извернул шею до возможного предела, чтобы не упустить ни единого словечка. Потому что был падок на сплетни и интрижки, как и любой мужчина на государственной службе. А повод для разговоров в караулке был отменный. Мало того что барышню украшала пиратская повязка, так еще и спор шел о том, в какой дом терпимости поехать. Синицына распирало от любопытства: для чего это господину Ванзарову потребовалось отправляться в такое славное местечко с дамой. В Тулу, как известно, со своим самоваром не ездят. Уж не скрывает ли особые страстишки? Подслушиванием младший городовой наслаждался с искренним простодушием.

– Извозчик рискует вывихнуть шею, – не скрывая раздражения, сказал Родион по-немецки. – Давайте выберем что совету, прошу вас.

Исполнение долга давалось слишком мучительно. А все потому, что коллеги из Врачебно-санитарного комитета встретили германскую гостью исключительно гостеприимно: из пятидесяти четырех публичных домов, надзираемых комитетом, пятьдесят один внезапно закрылся на летний ремонт, как уверяли. Так что для экскурсии было предложено на выбор три. Естественно, образцовых и самых публичных, так сказать. Но в одном из них, что на Лиговке, Родион не хотел появляться снова. Была с ним связана недавняя печальная история. Другой же находился в опасной близости от дома самого Ванзарова. Не хватало, чтобы кто-то увидел, как приличный юноша входит в развратное заведение, да еще с дамой. Никто ведь не поверит, что выполнял служебные обязанности. Оставался единственный адрес.

– Это типични заведений? – строго спросила Ирма.

Крупный знаток публичных домов столицы уверил, что типичнее не бывает.

– Согласен. Идем, – смиростивилась гостя.

Ванзаров назвал адрес в Песках, районе столицы, известном веселыми заведениями. Синицын ответил: «Слушаюсь, ваше благородие», взмахнул кнутом, но у полицейской лошадки были свои представления о скорости.

Берлинская коллега достала из сумочки походный блокнотик и приготовила карандаш:

– Что есть о нем знать?

– Вам нет нужды коверкать язык, госпожа фон Рейн, – с некоторой досадой ответил Родион. Резковато, прямо скажем, но уж как вышло.

Единственный глаз дамы жалил строго, как прокурор:

– Как есть понять?

– Могу поспорить: по-русски вы говорите чисто...

– О нет!

– Именно так. Я прекрасно понимаю, для чего вам этот маскарад. Немецкий полицейский, изъясняющийся без акцента, вызвал бы у нашего начальства лишние вопросы. Вы их попытались избежать. У вас получилось. Но со мной можете чувствовать себя свободно.

– Как догадались, Родион Георгиевич? – скорее с профессиональным любопытством спросила Ирма, вмиг обретя русский в певучем совершенстве. – Где допустила ошибку?

Чтобы не обидеть даму, Родион объяснил, что слова ломались слишком старательно для иностранца. Не мог же признаться, что нутром чувствовал свояка. Ведь у юного чиновника имелись немецкие корни. От прадедушки.

– Как хорошо, что меня раскусили, – и она улыбнулась. Сбросив напряжение, Ирма стала мила, по-своему, конечно, и даже призналась, что ее матушка, увезенная в Германию, разговаривала с ней все детство только по-русски, заставляла читать русскую классику, так что немецкий дался ей с некоторым усилием, а Гоголя с Загоскиным ненавидит искренне – за испорченное чтением детство.

Как ни странно, но Родион ощутил нечто вроде облегчения.

– Будете очень толковым полицейским. Над чем сейчас работаете?

Ванзарову ужасно хотелось расспросить фрейлейн фон Рейн о подвигах, но долг вежливости вынуждал отвечать:

– Довольно примитивное дело. Богатый неженатый господин возраста последнего цветения по глупости хочет жениться, но не может выбрать на ком. То есть у него сразу две невесты. Очевидно, зная о сопернице, одна из барышень устроила нечто вроде охоты. Покушение совершила публично и так, что ее никто бы не заподозрил в случае успеха. Она умна и изворотлива. Что же касается другой, то и та не так проста, как кажется.

– Она убила своего жениха? – не поняла Ирма.

– Жених-то живехонек, только напуган до трясучки...

– Хотите сказать: петербургская полиция дошла до таких высот, что раскрывает еще не совершенное преступление?

– Почти что так, – Родион оценил быстроту мысли дамы. Что встречается нечасто, сами понимаете...

– Что мешает задержать преступницу?

– Детали не желают лезть в логическую цепочку. Например, не могу понять, для чего подбрасывать глаз в варенье. И убивать полоумную нищенку...

Ирма оценивала проблему молча, за что Родион был ей искренне благодарен.

Пролетка между тем встала напротив скромного домика в три этажа. Окна первого, как предписано указом градоначальника, были задраены массивными портьерами, так чтобы и щелочки не осталось. Не полагалось с улицы видеть, что творится внутри. В остальном же дом разврата внешне не отличался от обиталищ так называемых приличных горожан, которые не хотели заниматься со своими женами бесплатно тем, за что платили тут.

На пороге по счастливой случайности встречала хозяйка – мадам Ардашева.

Поддерживал владелицу заведения швейцар в чистой ливрее. Без сомнения, господа из Врачебно-санитарного комитета доходчиво разъяснили, каким должен быть публичный дом столицы империи в глазах международной общественности и что будет, если эта проклятая международная общественность пронюхает о неполадках.

Мадам Ардашева была дамой тех лет, когда любопытно не сколько их прожито, а каким образом удалось сохранить товарные качества так долго. Выглядела, прямо скажем, хрустящим огурцом. Умом же и волей обладала нерядовыми. Оно и понятно: надо иметь особый характер, чтобы держать в порядке и послушании сами знаете кого. Девицы, они ведь такие: им только дай волю, так устроят из приличного дома терпимости настоящий вертеп.

Полине Павловне хватило одного взгляда, чтобы распотрошить гостей. Одноглазое чудище вызвало некоторые опасения, уж больно резка и пронырлива. А про юнца поняла все и сразу. И впрямь, Родиона мучила неловкость. Найдя в душе строгость, официально представил гостью из Берлина. Мадам Ардашева поклонилась, за ней и моложавый швейцар, приглашая гостей дорогих. Не хватало, чтобы девицы вынесли хлеб-соль.

Холл заведения воплощал гриппозный бред о земном рае. Римские колонны в обрамлении плюшевых занавесок, над которыми громоздились невероятные копии великих полотен, тонувшие в зарослях пальм в кадках. Густой запах парфюма, настоянный на пудре и скисшем шампанском, бил по голове не хуже дубины. Девочки по строгому приказу хоронились в своих комнатах. Господ посетителей благоразумно спровадили подальше.

Картина образцово-показательного разврата не произвела на фон Рейн впечатления, единственная бровь не дрогнула. Усевшись на канapé, опять извлекла блокнотик и принялась задавать вопросы. Мадам Ардашева отвечала скромно, но честно. Да, у нее трудятся только билетные, то есть у каждой девочки вместо паспорта имеется особая книжечка Врачебно-санитарного комитета – желтый билет, в котором подробно прописано ее ремесло. Да, девочки раз в две недели проходят врачебный осмотр, так что сифилиса и прочих радостей не бывает... почти. Клиенты платят от трех до пяти рублей, из чего заведение забирает половину. За день разрешается обслужить не больше четырех клиентов, но обычно – один-два, никого не принуждают. Стараются, чтобы клиенты остались довольны и возвращались, это же бизнес, ничего личного. Девочки трудятся лет до двадцати пяти, редко – тридцати, потом уходят. Да, живут мирно, но если скандал и случается, то только по глупости, а чтобы за деньги или за клиента – никогда.

Научному любопытству не было предела. Не насытившись интервью, Ирма попросила разрешения пообщаться с барышнями. Мадам Ардашева не возражала. Наверняка каждая весталка хорошенько обучена и предупреждена. Швейцар взялся проводить гостью во внутренние покои.

Родион терпеливо мучился в сторонке. Пожалев смущенного юношу, сразу видно, девственника, Полина Павловна предложила чаю или более приятного. Он отказался, но спросил:

– В каком возрасте к вам попадают девочки?

Мадам Ардашева сделала удивленное лицо:

– Да разве не знаете, господин...

– ...Ванзаров. Чиновник особых поручений от сыскной полиции.

– Ах вот как, – мадам допустила ошибку: думала, новичка прислали из Врачебно-санитарного, а тут – сыск, совсем иной оборот. – За что нам такая честь?

– Сопровождаю гостью из берлинской криминальной полиции... Мой вопрос к ней не относится. Так что представление окончено, можно опустить занавес.

Мнение о юном простачке и недотепе мадам Ардашевой пришлось сменить, чему она вовсе не обрадовалась. Мужчин привыкла считать куклами желаний. Дергай за ниточку – и он твой. Этот был какой-то неухватистый, будто выскальзывал из цепких ноготков.

– Вам-то для чего?

– Служебная надобность по одному расследованию. Разговор исключительно частный, без всяких последствий. Но если желаете, могу вызвать в участок. Официальный допрос под

протокол и так далее.

– Что вы, в самом деле – такой милый, а строгий. Нельзя же...

– Да, я знаю: вы дама нежная, к грубости не привыкшая. Так что же?

Поправив новенькую шаль, чтобы собраться с духом, мадам Ардашева нехотя призналась: девочек к ней приводят лет в двенадцать-тринадцать. Живут на правах прислуги, смотрят, потихоньку обучаются будущей профессии. Но раньше восемнадцати не позволяет их трогать. Хотя есть клиенты, готовые платить любые деньги за свежесть юности. Только за этим следит строго. Совесть у нее есть.

Полина Павловна обволакивала искренностью. Но чем больше старалась, тем вернее просвечивало в ней иное, как дырка в старом зеркале.

– А ваша... – Родион подыскивал слово, которое позорно пряталось, и наконец взял первое, что попало, – сотрудница может уйти?

– Никого не удерживаем. Когда захочет, двери всегда открыты. Собрала вещички, и поминай как звали.

– Часто уходят?

– Да зачем же? – Ардашева удивилась вполне искренне. – Тут у них и работа, и забота, и дом. Не бьют, не насильничают, все по доброй воле. Деньги в сохранности. А на улице что делать? Того гляди убьют или обкрадут. Кому они там нужны? Здесь я для них защита и закон.

– Всех воспитанниц помните?

– Как родных.

– Некая Варвара Ивановна Нечаева случайно не ваша?

Попытка была отчаянной и честно говоря – вслепую. Как говорится, раз пришел, отчего не попробовать. Но случилось неожиданное: Ардашева изменилась в лице. Умильно-конфетное выражение сгинуло, бандерша напряглась, оцетинилась, будто задела уязвимое место, и спросила настороженно:

– Откуда ее знаете?

– Проходит по делу. Она сирота, как говорит, приходится проверять.

– Арестована?

– Пока нет. Но можете в этом подсобить, если захотите. Или чего-то боитесь?

– Вот еще! – Ардашева хоть и фыркнула зло, но, кажется, не так смело, как полагалось. – Мне бояться эту дрянь? Да никогда...

– Я очень рассчитываю на вашу помощь. – Проникновенный тон кого хочешь пронял бы, но Родион еще и поддал жару: – От этого, быть может, зависит жизнь невинного человека...

Признание хлынуло. Варвара действительно сирота, попала в этот дом, когда ей не исполнилось и двух лет, Ардашева воспитывала ее наравне с другими девочками. Но вскоре обнаружила, что характер у ребенка тяжелый. Варвара вечно устраивала мелкие пакости, при этом стараясь свалить вину на других. Могла подsunуть иголку в кусок хлеба или поджечь подол платья. К десяти годам стала настоящим мучением для всего дома. Но при этом жадно стремилась к знаниям, прочитала библиотеку, хранившуюся в чулане, и требовала новых книг. Внезапно, лет в двенадцать, Варвара присмирела, стала мила и заявила, что мечтает стать лучшей куртизанкой борделя. Ардашева не могла нарадоваться на чудо, но приказала не думать о мужчинах еще года четыре, не меньше. Тогда Варвара стала попадаться на глаза посетителям, причем одевалась нарочно так, чтобы у них слюнки текли. Вздорную девчонку пришлось прятать на кухне. И все-таки Ардашева недоглядела. Не без помощи девочек Варвара познала мужчину в пятнадцать лет. Ардашева устроила жуткий скандал. Ей заявили, что теперь она будет работать, как и все, но за молодость тела требует тройной оплаты. Боясь неприятностей, Ардашева приказала ей убираться вон. Варвара немедленно присмирела. Но как только хозяйка ослабила бдительность, прихватила наличные деньги и бежала. Чтобы не поднимать шум, Ардашева смирилась с пропажей и прокляла неблагодарную.

– Кто ее принес? – спросил Родион.

– Была у меня старинная знакомая, милая, добрая женщина. Небогата, но ни в чем не нуждалась, чья-то вдова, кажется. Наверное, пригрела какую-нибудь дурочку, а та принесла в подоле. Воспитывать ребенка не могла, в сиротский дом отдавать жалко, вот и доставила мне.

– Как ее зовут?

– Глафира Панкратовна Кошелева.

– Где живет?

– Ой, даже не знаю. Я ведь никуда не выхожу, хозяйство на минуту оставить нельзя. Она сама Варварку навещала. Уж больше года не видела, может, померла.

Из глубин разврата вернулась Ирма. Судя по вспотевшей физиономии швейцара, допрос проходил с пристрастием. Сделав незаметный знак, дескать, все обошлось, слуга порока удалился, видно, прохладиться.

Мадам Ардашева вошла в роль радушной хозяйки. Предложила отведать что бог послал. Но фрейлейн фон Рейн твердо отказалась. Видимо, есть за счет подобного заведения не входило в кодекс поведения берлинской криминальной полиции. Что в общем вызывает легкое уважение.

Подсадив даму в служебную пролетку, Ванзаров уже собрался влезть следом, как вдруг некое любопытное явление привлекло его внимание. Явление было столь любопытно, что он приказал Синицыну трогать немедленно и уже на ходу крикнул Ирме, что срочное дело требует его всецело.

Дело действительно казалось важным.

3

Когда-то в детстве Родион однажды попался на краже варенья – в погребе родительского дома, конечно. Сдал его родной братец, кто же еще, но речь не об этом. В тот раз, единожды преступив закон, маленький Ванзаров сохранил достоинство по примеру древних греков, застигнутых римлянами врасплох за философскими пирами с разбавленным вином. Он хорошо запомнил ощущение, когда надо бежать, а некуда. И потому с торжествующей улыбкой поджидал жертву. Даже поманил пальчиком. Но крупный мужчина в отличие от ребенка Ванзарова повел себя хуже некуда. Решил изобразить слепоту, натянул вожжи, попробовал свернуть, но улица не позволила. И, только потеряв надежду, подкатил к торжествующему Родиону.

– А, господин Ванзаров! Как я рад вас видеть, – с кислой физиономией поздоровался Бородин.

– Да неужели? А что вы здесь делаете?

– Где? – совсем уже глупо спросил Нил.

– Да вот на этой самой Рождественской улице. Извините, если забыл, не вы ли клялись, что носа не покажете из дома? Не перебивать! Не вы ли обещали защищать с оружием в руках ваших дам? Не вы ли перепугались семейного рока, до которого пока я не добрался? Ах, вы? Так какого же рожна вы здесь оказались?

– Э-ммм...

– Или по заведению мадам Ардашевой соскучились?

– Да что вы, как можно! – возмутился Нил, совсем не умеющий врать.

И все же джентльмен победил труса. Отбросив кнут, Бородин поднял ладони в тонких перчатках:

– Сдаюсь. Ну, виноват. Киксанул. Не утерпел. Захотелось проветриться и не заметил, как заехал в центр города. Это Буцефал виноват: бежит и бежит себе. Вот и не заметил...

Конь поворотил морду, словно хотел узнать, как это у хозяина хватило наглости обвинить бессловесную тварь, но ему показали кулак.

– И что за это с вами делать? – спросил грозный Ванзаров. – Отказаться, что ли, от вашего дела?

– А поехали пообедаем? Приглашаю в «Доминик». И там готов нести любое

наказание...

Подкупить чиновника полиции со стальным сердцем невозможно, в этом не сомневайтесь, но вот с голодным желудком – другое дело. Как-то сразу вспомнился несъеденный завтрак. И утро без чая. И кишки выдали печальную мелодию. И слюна не вовремя набежала. Да и вообще... Короче говоря, Родион опомнился, только когда умял солидную порцию салата с рябчиками, несколько пирожков и тарелку холодной говядины. А что вы хотите: организм молодой, растущий, все время в переживаниях и тревогах, ему силы требуются. Чтобы обжорство чиновника не показалось таким уж неприличным, надо сказать, что и Бородин не отставал. Видно, и ему завтрака не досталось.

Как известно, сытые мужчины совсем не то, что голодные. Практически другие существа. Добрее – наверняка. Отодвинув пустую тарелку и подавив богатырский рык, Родион кое-как выговорил:

– Не думайте, что я... Вот так... Меня так просто... Нет... Уж...

Нил Нилыч тихонько икнул и веско заметил:

– Да что вы... Радн Гергч.... Как мжно... Уф... Так ус...

Дар речи вернул крепкий кофе. Отдышавшись, Родион вспомнил, что он, между прочим, чиновник полиции, а не чревоугодник, потому стал серьезен и прямо-таки суров:

– Будьте любезны отвечать.

– А-ха, – жалобно согласился Нил. Сам же подумал: не человек этот мальчишка, прямо железный какой-то, даже обедом рот не заткнешь.

– Ладно сегодня, но как посмели вчера заявиться в отель?

Взгляд бильярдиста явственно прояснился, словно туман рассеялся.

– Да что вы, ясновидящий, что ли? Я же прятался, даже бороду приклеил. Как же узнали?

– Сыскной полиции известно все, – кое-как ответил Родион, борясь при этом с пирожком, желавшим вернуться обратно. – Захотелось нервы пощекотать на ристалище невест?

– Просто не мог пропустить этот матч.

– Что же в нем особенного?

– Липа – довольно приличный игрок. Уверенный удар, играет словно по учебнику. Многие мужчины не могут с ней справиться. Но Варвара – совсем другое дело. Она бильярдист от бога. Техника – неподражаема. Какое чувство стола! Какое-то звериное чутье шара. Даже я с ней терялся. Такого невозможно достичь тренировками, что бы ни говорили. Она прирожденный победитель. К тому же этот матч был важен для обеих. У нас в столице женский бильярд активно развивается, но многие еще смотрят на него косо. А между тем барышни – серьезные спортсменки. Липа с Варварой встречались уже много раз, заядлые соперницы. Счет их встреч: шесть – один в пользу Варвары. Этот матч должен был решить судьбу их долгого соревнования, играли на все, ва-банк, контровой, так сказать. Интерес в наших кругах был огромен. Разве я мог...

– А где вы познакомились? – невзначай спросил Родион.

– С кем?

– Например, с госпожой Нечаевой.

– На бильярде, конечно.

Как умно. Не надо ходить по улицам в поисках клиента, рискуя попасть под полицейскую облаву, – всего-то купить кий и пойти туда, где много разгоряченных мужчин. Принять вызывающе рельефную позу для удара, а дальше – дело техники.

– Учили ее играть?

– Варвару? – все-таки аккуратно уточнил Нил. – Нет, скорее показал пару ударов.

– Значит, госпожа Незнамова – ваша ученица.

– Можно сказать и так, – тренерской гордости не проскользнуло. – Конечно, у Липы есть талант и желание играть. Но как-то все несерьезно...

– Поясните, слаб я в бильярде.

– Ей больше всего нравились фокусы вроде карамболя. Например, ударить так, чтобы шар перескочил маску и упал в цилиндр за столом.

– Вы обучали Незнамову удару с подскоком?

– Что тут удивительного? Я же сказал: у Липы крепкая рука, сильный штос выходит изумительно. Для фокуса это главное.

От сытой расслабленности не осталось и следа. Родион резко протрезвел. Значит, Липа тоже могла послать убийственный шар, только случай не подвернулся. Или Варвара знала, что шары надо ставить аккуратно, без подставы. Потому и отходила от стола подальше.

– Нил Нилыч, уверены, что ваши невесты не догадываются одна про другую?

Прежде чем издать членораздельный звук, Бородин долго мялся и пыхтел. Наконец спросил:

– Почему вас это интересует?

– Потому что глаз, смерть Марфуши, да и сам рок, быть может, связаны с брачным узлом, который завязали.

– Ошибаетесь, – тихо, но убежденно сказал Нил. – К тому же даю слово: от меня они ничего не узнали. Что я, женщин не знаю, что ли...

– Тогда откуда каждая из них знала, что у нее есть соперница? Как это объяснить?

– Ну, хотите, поклянусь, что от меня и намека не было.

– Сколько времени у вас отношения с Нечаевой?

– С полгода, быть может, месяцев восемь, точно не помню.

– И сразу влюбились?

– Практически без памяти.

– А с Незнамовой?

– Год-полтора. Но какое это имеет...

– Уже решили, кому отдадите свое сердце?

– Нет, наверное. Но этот матч был важен для меня еще и потому...

– Все достается победителю? – угадал Родион.

Нил Нилыч растекся беспомощной улыбкой:

– Это было бы справедливо... Какое счастье, что вы молоды и не знаете мук выбора, вам этого не понять.

Насчет мук Родион мог бы много чего порассказать, только это навсегда останется скрыто за коваными створками железного сердца, так и знайте.

– Вечер закончили под брызги шампанского?

– А вот и мазанули! – радостно вскрикнул Нил. – У Варвары и без меня поздравителей хватало. Подобрал Липу и поехал утешать к «Палкину». Она была в ужасном состоянии. Поражение действовало на нее угнетающе. Заявила, что никогда больше не подойдет к столу. Пытался ее утешить, но все было напрасно. Вы не знаете, что такое упрямство женщины.

Эту гнусную ложь Родион пропустил мимо ушей, зато уточнил:

– Олимпиада Ивановна испугалась, что ее хотели убить?

– С чего вы это взяли? – насторожился Бородин.

– Разве шар не прошел буквально на волосок от ее виска?

– Ах, это... Да таких киксов сколько угодно. Не о чем и говорить. Все эти крики от волнения зрителей. Ставки большие сделали.

– А вы?

– Что?

– На кого замазались?

– Нет, я не ставлю. Принципиально. Для меня бильярд – высокое искусство. А деньги всего лишь придают игре нужную остроту. Да и как выбрать между Липой и Варварой...

– Что у нее за характер?

– Экий вы. Все время дуплет режете. А по виду и не скажешь... Молодец. Но если интересует Варвара Ивановна, то я не смогу быть объективным.

– Ничего, стерплю.

– Взгляд любящего человека видит только лучшее, – скроив мину пошловатого романтика, сообщил Нил. – Многие могли бы сказать, что Варвара резка, даже жестока порою. Но это не от злобы, а от силы характера. Она добрый человек, только природа дала ей слишком много, вот и выплескивается через край. Но зла не способна совершить. Хотя языком режет как бритвой.

– Вас не смущало, что она выросла в публичном доме, мечтала стать великой проституткой и до вашей встречи была бланкеткой?

Бородин выдержал удар с удивительным хладнокровием:

– Я же говорил, что женщины – моя слабость. А женщины – это любовь. Разве могу обвинять за то, что зарабатывала на жизнь, даря любовь.

– И ваша матушка...

– Она приняла бы мой выбор. Прошу вас, хватит об этом.

Как назло, Родиону захотелось покопаться поглубже. Но, не дав себе воли, он спросил:

– Ничего не показалось странным в дамском поединке?

– Опять вы за свое, – Нил явно расслабился. – На вас подействовала атмосфера матча-реванша. С новичками так бывает. Еще раз скажу: нет, нет и нет. Ничего необычного. И пропустить я не мог. Тем более девочки сами завезли приглашения. Так мило с их стороны. У меня не было выбора.

Родион издал урчащий звук, перерастающий в сдержанный вопль: что вы сказали? Бородин невольно отпрянул.

– Незнамова и Нечаева заезжали вчера в особняк? – не справляясь с голосом, почти закричал Ванзаров на весь ресторан.

– А что тут такого? Были, но не застали меня. Я к вам уехал. Матушка вспомнила, как увезли Марфушу, и передала.

– Так что ж вы молчали! – в досаде прорычал юный чиновник. Злился он только на себя. Как мог допустить оплошность и не задать элементарный вопрос: был ли кто в доме из гостей? Круг замкнулся. Все сложилось: барышни наверняка встретились и сразу все поняли. А еще кому-то из них под руку попала несчастная Марфуша... Вот и весь рок.

Вскочив так, что стол едва не опрокинулся, Родион грозно указал на часы:

– Чтоб через двадцать минут были у себя в особняке под домашним арестом. Проверю!

И стремительно выбежал из приветливого «Доминика». В другую сторону проспекта полетел фиакр. Мешкать Бородин не посмел. До самых печенок поверил, что юнец и не на такое способен. И прямо скажем: был недалеко от истины. Или лузы.

4

В меблированных комнатах Худякова царила непринужденная атмосфера. Хозяин и прислуга давно решили: всех денег не заработаешь, жить надо для того, чтобы доставлять себе удовольствие. А всякие неприятные мелочи вроде постояльцев не должны этому мешать. Поэтому на конторке непринужденно возвышалась массивная вазочка, наполненная свежим вареньем. Портье Меркулов да половой Алешка с нежной аккуратностью черпали рубиновую субстанцию, пробовали, причмокивали, издавали утробные звуки, облизывали ложечки и вообще пребывали в полном восторге. Что творилось в окружающем мире, их трогало мало.

Появление полноватого юноши было отмечено краем глаза, и только. Лишь когда он посмел вторгнуться в церемонию дегустации, Меркулов отмахнулся: нет, госпожа Нечаева не выходила, пребывает у себя в номере, хотя кто ее знает, обязан он, что ли, за всеми следить. Неприятный субъект исчез, гурманы предались страсти.

Встречать гостя не спешили. Родион начал с вежливой дробы костяшкой пальца, но вынужден был перейти к внушительному удару кулаком под громогласный зов: «Откройте, полиция!» Несмолкаемый гул в соседних комнатах стих, створки приоткрылись,

любопытствующие соседи показались в коридоре.

Дверь заперта плотно, из-под нее даже свет не пробивается. Вероятно, Варвары нет – что тут странного, уже полдень, барышня отправилась на прогулку. Внимательный портье и слона бы упустил, не то что худенькое создание. Оставалось последнее. Не обращая внимания на зрителей, Ванзаров с медленной солидностью опустил на корточки и приник к замочной скважине. С той стороны что-то темнело. Стоило напрячь зрение, чтобы различить торчащий ключ.

Сладкое счастье портье и полового было разбито наглым образом. Вернулся неприятный юнец, предъявил книжечку чиновника полиции и приказал бежать в участок. И мало того – предоставить дубликат ключей от номера Нечаевой. Не дожидаясь коллег из 4-го Казанского участка, Родион принялся за замок. Но все старания вытолкнуть помеху внутрь не привели ни к чему. Ключ сидел плотно, зацепившись на поворот.

Вскоре в толпе постояльцев объявился и сам господин Худяков, вовсе не желавший лишний раз общаться с полицией. В ответ на жалкие попытки замять скандал было строго сказано, что здесь распоряжается сыск. Обиднее всего, что почтенным, хоть и пьющим домовладельцем помыкал усатый юнец. Осознав, что сопротивление бесполезно, Худяков разрешил ломать дверь. Что и было сделано с большой охотой добровольцами из смежных комнат.

Отогнав зевак, наседавших волной, Родион осторожно приоткрыл дверь.

Шторы задернуты, в гостиной расплывался полумрак. Закрытые ставни сгустили парфюмерный дух до густоты варенья, но явственно ощущались какие-то резковатые, неприятные ноты. На первый взгляд со вчерашнего визита мало что изменилось. Коллекция склянок пребывала на местах, мебель не сдвинута, вещи не разбросаны. Хозяйка мирно возлежала на диванчике. Руки широко раскинуты, словно замерли в полете, волосы в беспорядке, лицо чисто. На нем – маска покоя и радости, глаза цвета небесной лазури смотрят в потолок. Правое плечо съехало к краю, но удержалось на весу. Барышня как будто уснула, да так крепко, что не успела надеть ночную сорочку и осталась совершенно обнажена. Острые грудки замерли мраморными холмиками, ровный живот растекается в округлость бедер. Тело белело особой красотой, холодной и равнодушной, которой уже нет дела до земных мелочей.

В некотором смущении Родион отвел глаза. Железному сердцу было непросто.

В щелку просунулись самые любознательные. И тут же скрылись под грозным взглядом чиновника для особых поручений. Приблизившись к диванчику, Родион коснулся кожи. Нечаева была мертва уже несколько часов. Началось трупное окоченение, это и без Лебедева ясно. К сожалению, единственное, что без него ясно.

Стараясь ничего не задеть, Ванзаров отступил к двери. Он не столько хотел быть вежливым перед коллегами из 4-го участка, сколько пытался унять полный хаос в мыслях.

Того, что произошло, быть не могло. Вот как хотите. Не имело права случиться. Что угодно, только не это. Логика категорически запрещала. Смерть украла главную подозреваемую и разбила вдребезги всю логическую цепочку. Правда, всего одну, зато казавшуюся самой прочной. Варвара не должна была погибнуть. Просто не имела на это права. Совершенно бессовестно так поступать по отношению к чиновнику полиции. Дело-то выходит куда хуже, чем казалось на первый взгляд. Нельзя допускать промашки. Нельзя отмахиваться от мелких деталей. Вот досада, честное слово.

Дверь опять попытались открыть. Резвым толчком Ванзаров вернул створку на место. В коридоре кто-то охнул.

– Откройте, это доктор Телятин, – в голосе слышалась легкая нотка обиды.

Вошел невысокий человек с усталым лицом, с большим саквояжем, старательно вытер вспотевший лоб.

– Экий вы горячий, господин Ванзаров, недаром о вас слава идет, – сказал он. – Что тут за напасть? Обязательно надо было беспокоить...

Рассыпаясь в извинениях за неловкость, про себя Родион отметил усердие коллег из 4-

го участка: даже городского поленились прислать, не то что чиновника полиции, а насчет криминалиста и думать нечего. От варенья, что ли, оторваться не могут? Да и господин Телятин был мало расположен искать истину. Уронив саквояж, участковый доктор, словно пробираясь через кисель, приблизился к телу, пощупал запястье, посмотрел зрачки, шею, проверил кожу на предмет ран, заглянул в приоткрытый рот и повернул к выходу.

– Что скажете, доктор? – с грубой лестью спросил Родион.

– И говорить не о чем, – Телятин подобрал саквояж, в котором что-то подозрительно звякнуло. – Самая обычная смерть.

– Хотите сказать – убийство?

Доктор презрительно хмыкнул.

– Вы бы, молодой человек, меньше фантазировали, а больше читали учебники. Какое убийство? Просто медицинский факт.

– Молодая девушка легла на диван и скончалась без всякой причины?

– Именно так.

– Разве возможно?

– Подобных случаев сколько угодно. Внезапная смерть без видимой причины, так называется. Незнакомы со статистикой медицинского комитета? Вот я и вижу. А лезете в сыщики... Легла спать и не проснулась. Умерла во сне. Медицина тут бессильна, а криминалистике делать нечего.

– Разве не странно, что жертва обнажена, лежит не в постели, а на диване?

– Жарко было, легла проветриться.

– Но окна закрыты...

– Да какая разница!

– Может быть, отравление?

– Нет, не может.

– Почему?

– Что за упрямец! Рвоты нет, значит, обычных ядов не принимала.

– А если вскрытие что-нибудь найдет?

– Хотите – сами вскрывайте. Мне достаточно осмотра. – Телятин направился к двери. – Вызывайте медицинскую карету и идите обедать. Дела нет.

– Позвольте отвезти тело в морг моего участка?

Телятин изобразил на лице: дескать, такого добра не жалко, наслаждайтесь, и преспокойно вышел вон. Что тут поделать? Только запричитать: ах, Лебедев, где же ты. Но юный чиновник не позволил себе подобной слабости. Подперев стулом дверь, упрямо распозавшующая, принялся за дело. То есть расправил усы, потревоженные хлопотами, скрестил руки и отдался логике.

Прежде всего – разобрать, что могло произойти. Начать с того, что сказку о внезапной смерти Варвары надо решительно отвергнуть. Что бы ни говорил Телятин, это должно быть убийство. Обязательно быть. Самоубийство? Только не в эту ночь. После триумфа и почти завоеванного Бородинина девушка и с более мягким характером не наложит на себя рук. Для чего же Варваре? И записки предсмертной нет. Значит, убийство. Но внешних следов нет. Надо признать: преступление обставлено мастерски. Даже вызывает определенное восхищение. Остается понять, как это провернули.

Квартира на третьем этаже, окна на задвижках, дверь заперта на ключ изнутри, черного хода нет. Камина с дымоходом нет, а воздушные каналы, по которым зимой подают нагретый воздух, узкие и наглухо замурованы в стенах. Зайти в квартиру, убить и выйти, закрыв за собой замок с другой стороны, – невозможно. Тем более никаких явных следов внешней силы нет. Варвару не утопили, не задушили и не зарезали. Остается последний разумный вывод: ее отравили. Но как?

В комнате нет ни малейших следов пищи: ни открытых бутылок, ни объедков, буквально соринки не найти. Вчера Варвару чествовали в ресторане. Неужели убийца настолько умен и коварен, что сумел отравить Нечаеву на банкете, причем рассчитал дозу

так, что барышня прожила, сколько нужно, вернулась домой, заперла за собой дверь и только тогда померла? Возможно такое? Во-первых, на торжестве была вся компания из бильярдной, значит, предполагаемый убийца должен быть в ее составе. В таком случае надо предположить, что это некий отвергнутый любовник, отомстивший за измену, или крайне обиженный болельщик. Чушь полная. Варвара была слишком умна, чтобы в канун вероятной свадьбы и обретения нового статуса допустить такую ошибку. А бильярдисты, конечно, азартны, проигрывать не любят, но убивать за победу – пустая фантазия. Главное: не припоминается яд, который бы действовал так изысканно. Если не брать в расчет что-нибудь уникальное или восточное.

Вывод: Варвара приняла смертельную дозу уже в квартире. Причем не догадывалась об этом. Нагота подтверждает: барышня собиралась насладиться чем-то. Только вот чем? Или кем? Еды и напитков нет. Получается замкнутый круг. Разорвать его может тщательный обыск.

Не жалея коленок, Родион принялся рыскать по полу и ковро. Изучив каждую трещинку и ворсинку, нашел только пустой пузырек из-под духов «Ампир», завалившийся под кресло. За ним же интимные предметы дамского туалета вперемежку с костюмом, в котором барышня одержала победу. Улов был, прямо скажем, небогат. И ничем не помог. Как ни печально, факты подтверждали правоту Телятина. Неужели действительно – дикая и нелепая случайность? Почему нельзя ее принять? Потому, что Марфушеньку убили и неловко замаскировали. А теперь – удалось на славу.

Была и еще одна причина, в которой Родион признаться не хотел, но нам-то можно. Не мог он допустить, что такое дело, ради которого пожертвовал бабушкиным вареньем, окончится натуральным пшиком. Вот не мог – и все, как хотите.

Распахнув шторы, он проверил на всякий случай рамы: шпингалеты держали прочно. Никаких сомнений. Затем, идя по верхам мебели, осмотрел каждую безделушку и склянку, принадлежавшую свободной женщине. Все были на положенных местах и не желали признаваться в убийстве. Уже готовый к очередному фиаско, Родион наткнулся на продолговатый ящик лакированного дерева ручной работы. В нем обнаружилось нечто важное. Быть может, слишком важное. Но это не радовало.

Накрыл простыней из спальни тело, протиснулся на площадку, плотно затворив дверь. Публика кипела. Пришлось ее остудить, предложив соседям остаться для допроса. Любителей криминальных историй как ветром сдуло. Лишь отставной майор из правого нумера и парочка молодоженов слева, явно приунывшие, жались к своим дверям. Не ожидая особых откровений, Родион спросил, не было ли вчера чего-нибудь странного. Помявшись, майор сказал:

– Барышня долго смеялись.

Требовались пояснения. Оказалось: из-за стенки доносился залиvistый смех: Варвара веселилась громко и от души, словно ее щекотали или была сильно пьяна. Хохот затих только глубокой ночью. Но других голосов, мужских или еще каких, сосед не слышал. Случилось такое безобразие впервые. Госпожа Нечаева шумом не донимала. Показания вояки слово в слово подтвердила юная пара.

Запратав неудобный факт в глубь извилин, Родион спустился к портю. Любитель варенья смог вспомнить, что госпожа Нечаева заявила около полуночи в сопровождении свиты бильярдистов. Но распрощалась с восторженной толпой у порога. Наверх поднялась одна, в чем Меркулов был уверен, как в самом себе. Оставалось дожидаться санитарной кареты.

Ванзаров спросил стул и пристроился в уголке.

Парадная дверь, облезлая до неприличия, жалобно всхлипнув, приоткрылась.

5

Как хотите, а торговля с театром – одна зараза. Взять, к примеру, Апраксин рынок.

Каждая лавка, держащая здесь торговлишку, из кожи вон лезет, чтобы произвести впечатление. И вывеску распишут, и ставни размалюют, и на витрине такое великолепие соорудят, что не захочешь – остановишься поглазеть. И не заметишь, как очутишься внутри да распрощаешься с копейкой. Зрелища – театр и торговля – для того и созданы, чтобы оболванивать честных граждан. И что обидно: обманывают, а тебе приятно. Но как театр имеет темные закулисы, о которых публике знать не положено, так Апраксин рынок за роскошным занавесом витрин прячет много чего.

Стоит шагнуть в его глубину, как открывается совсем другой мир. Суровые грузчики, грязные работники, склады на пудовых запорах, склады, распахнутые подводам, склады с мешками и бочками, склады с ящиками и коробами. Дальше – поленицы дров и свалки. Еще дальше – покосившиеся домишки да облезлые дворики, среди которых горы ветоши и вонючие костровища. А в самом сердце его, таинственном и недоступном, кончается власть империи и начинаются свои законы, суровые и простые. Соваться сюда постороннему не следует. Впечатлений может хватить на всю жизнь – увы, краткую. Апраксин рынок только снаружи развлекает витринами с гладкими приказчиками. В глубинах царит особый уклад, как в заколдованном лесу.

Даже нынче, когда большая часть населения его предавалась варке варений, чужим здесь не радовались. А потому тетка Параскева вылупилась на одинокую фигуру, шагавшую посреди рынка, с горячим удивлением. Позабыв мешать грязной корягой булькающую бурду, которую вскоре продадут за сортовой конфитюр, проследила, как чужак минул чайные склады, за ними пеньковые и, повернув, углубился в переулок, ведущий в самое нутро.

Смелость пришельца держалась на аргументах, внушающих уважение даже в гиблом месте, а именно шашке кавалерийского образца на одном боку и кобуре с револьвером на другом. Форменная фуражка с околышем городского служила не хуже клубка Ариадны в минойском лабиринте. Так что замызганные обитатели на всякий случай прятались по углам.

Старший городской Семенов дорогу знал наверняка и по сторонам не отвлекался. Равнодушно не заметил, как оборванец пробовал на зуб золотые часы, не менее полтинника, срезанные с купеческого кармана. Пропустил другого умельца, тащившего набитые чемоданы. И даже не обратил внимания на умника, деловито менявшего старинную вазу на трехрублевку. Не до мелочей было.

Отыскав среди битой штукатурки одному ему ведомый знак, ударом сапога открыл дверцу с навесным замком, оказавшимся ловкой маскировкой, прошел сквозь темный чуланчик, пахнувший таким озоном, что лучше не знать, и очутился во внутреннем дворе, захламленном рухлядью. Здесь, не растерявшись, направился к подвальной лесенке, одной из трех, и очутился в подzemелье, в которое свет попадал из слепого арочного оконца. Навстречу ему метнулась тень, прятавшая за спиной коварный ножик. Но городской не шелохнулся, а тихо сказал:

– Мир дому сему.

– Сгинь, Косарь, – так же тихо приказал спокойный голос.

Тень, только что собиравшаяся напасть, услужливо поклонилась, запрятала лезвие в тряпье и выскочила наружу. Сняв фуражку, Семенов приблизился к конторскому столику, который маячил в сумраке. За ним очерчивался господин в неброском пиджачке, лицо скрыто светом, падавшим на затылок. И сам господин был какой-то потертый, неприметный.

– Доброго дня, Семен Пантелеевич, – поздоровался городской, впрочем не подав руки.

– Всегда рады вам, Михаил Самсоныч, – ответил хозяин подвала, не вставая. – Не желаете чаю? У нас свежее варенье...

Городской вежливо отказался и, без приглашения выбрав стул, торчавший кверху лапами на горке ящиков, уселся. Как видно, церемония эта была хорошо знакома обоим. И доставляла нечто вроде приятности.

– Как служба?

– Не жалуюсь, – ответил Семенов, устраивая шашку. – Дело имеется. Натурально, особого свойства.

- Иначе не обрадовали бы своим визитом.
- Не для себя. Хороший человек попросил.
- Для вас никогда отказа не будет...

Обменявшись горстью светских любезностей, Семенов кратко, но точно изложил, зачем пришел. Семен Пантелеевич выслушал, уточнил кое-какие детали и обещал непременно помочь. Раз надо срочно, значит, к вечеру успеется. Обещав прислать весточку, попрощался и даже выразил сожаление, что господина городского ждет служба, а то бы мило провели время. Согнувшись и придерживая фуражку, Семенов выбрался на свет. В подвал тут же юркнул субъект, названный Косарем, выслушал приказания и кинулся исполнять со всех ног.

Кто же этот славный господин, к которому полиция обращается за подмогой? Ладно уж, не будем мучить загадками. В полицейской картотеке значится под именем Сенька Обух, или для краткости просто Обух. Господин почетный и влиятельный. Настолько, что все форточники, марвихеры, клюквенники¹, нищие и прочие господа разбойных профессий, обитающие в Казанской части, признают его вождем. Таких, как господин Обух, в столице имелось ровно двенадцать – для каждой части города. Что удобно: господа полицеймейстеры управляют сверху, а господа старшины воровских артелей – снизу. Живут мирно: одни борются с преступностью, другие ее поддерживают. Иначе – никак. Случись вдруг катастрофа – в один день перестанут красть и грабить, – что тогда делать полиции? Как жить и получать чины? Вот именно. А так господин градоначальник издаст грозное указание о борьбе с преступностью. Господа полицеймейстеры доведут его до приставов. Те – своим подчиненным. И вот отправляются городовые Семеновы на поклон к старшинам и просят попридержать ребятку недельку-другую, пока не утихнет. И о чудо! Преступность стихает. Градоначальник доволен. Порядок наведен. Гармония торжествует. Можно грабить дальше.

Обуху досталась самая ответственная часть столицы: здесь и царский дворец, и посольства, и Министерство внутренних дел. Но воровать кто-то должен и в такой обстановке! Вот Сенька и трудился, не жалея сил. Что же касается его отношений с Семеновым, то в этот скользкий предмет соваться не следует. В самом деле, не главный же герой. Достаточно, что старший городской уважал старшего вора, а тот платил взаимностью. То есть один брал без грабительства, а другой разбойничал по правилам. При таком положении борьба за порядок на улицах продлится вечно, а полковник Вендорф может предаваться бильярдной страсти. Счастье, что Ванзаров об этом пока не догадывался.

Ох, что-то не в ту степь свернули. Предупреждали же: нечего соваться в чрево Апраксина рынка: дурно пахнет и мрачные тайны. Аж жуть.

6

С улицы повеяло свежестью. Свежесть неслась за дамой в скромном, но чистом пальто, широкой черной юбке и шляпке, излишне сдвинутой на лоб. На локотке болталась выдавшая виды сумочка. Кажется, визитерша чего-то опасалась. Спрятавшись за створкой двери, осмотрела улицу, обождала, словно проверяя, нет ли слежки, и, лишь уверившись окончательно, направилась к конторке портье. Но что-то опять ее остановило, словно прикидывала, не повернуть ли обратно. Одолев подъем лестницы, которую назвать парадной можно только из милости, вновь обернулась на дверь, кивнула половому, пробежавшему мимоходом. Какая все-таки нерешительная гостья. Все же не в публичный дом пришла, а в меблированные комнаты, хоть мерзейшие.

Наконец дама совсем успокоилась и даже переложила сумочку в другую руку, как вдруг за спиной кто-то шумно и нагло крикнул. Нервно вздрогнув, она поворотилась и невольно отпрянула, как от заразы.

– Какой приятный сюрприз! – Усы чиновника полиции встали победным торчком. – Не ожидал вас в этот час. Тем сладостнее миг нашей встречи. Вы мне не рады?

Дама совершила очевидную глупость: попыталась бежать, вернее, дернулась всем

¹ Воровские специальности: домовые, уличные карманники, церковные.

телом. Тут же стальным захватом был стиснут ее локоток. Пойманная пташка совсем уж неумно рванула разок-другой, но клещи держали прочно, не убежать. И она сдалась. Мышцы ослабли, тело словно обмякло, но во взгляде просматривалось нечто вроде ненависти. Или что там можно разглядеть при нездоровой фантазии.

Еще недавно пустой коридор вдруг наполнился постояльцами, жадными до зрелищ. Обитатели, сбившись в стаю, немедленно принялись обсуждать и придумывать, кого поймали. Говорили все сразу, никто не слушал. Прямо как мухи на варенье слетелись – жужжат и толкаются.

Не желая выступать перед публикой, Ванзаров спросил у портье комнату без посторонних и легкими толчками проводил даму, все же упиравшуюся, в контору заведения.

Помещение словно нарочно приготовили для допроса: узенькое окошко, не мытое со времен постройки дома, выходило на глухой двор и почти не пропускало света, зато и не выпускало наружу аромат плесени и спиртовых паров. Из мебели имелись стоячая конторка да парочка венских стульев, давно мечтавших о смерти на помойке.

Родион выпустил добычу. Потирая локоть, дама отшатнулась, но в узкой комнатенке деваться было некуда. Предложение сесть ванзаровская жертва гордо проигнорировала, нарочно прислонилась к линиям обоям, словно готовая к расстрелу. Но с этим чиновник полиции не спешил. Первым делом тихонько подкрался к двери и рывком открыл. Половой Алешка шарахнулся в сторону, проверил крепость стенового угла и, потирая разбитый лоб, удалился с глубоко несчастным видом. Больше любопытных не нашлось. На всякий случай Родион подпер спиной дверь, демонстративно сложил руки на груди, вызывающе осмотрел и, как мог хищно, улыбнулся:

– В таком костюме в первую секунду вас не узнал. Как меняет платье! Не говоря о шляпке. Что тут забыли, мадам?

Его наградили фунтом презрения, прямо-таки облили ушатом ненависти:

– Вам-то что за дело...

– Люблю загадки. Потому что умею их отгадывать.

– Ишь, молодчик, за руки хватать... Как закричу, полиция прибежит.

– Зачем же глотку драть! – Родион гостеприимно распахнул объятия. – Полиция уже здесь. К вашим услугам, мадам. Чего изволите?

Дама упрямо промолчала.

– Быть может, объясните, что вам понадобилось в меблированных комнатах? Или кто?

А теперь и вовсе отвернулась к окну, бросила через плечо:

– Спасалась.

– Да что вы? – Родион изобразил наивное удивление. – Что стряслось?

– Мужик какой-то увязался на улице. Шел по пятам. Думаю, от греха подальше пережду. Вот и весь сказ. По какому праву держите?

– Наверняка душегубец. Готов изобразить портрет: росту в три аршина, борода до пупа и за пазухой топор прячет. Так ведь? Полиции он хорошо известен. Имена его тоже знакомы: вранье и записательство.

– Выпустите! – в самом деле закричала дама. – Беззаконие! Произвол!

– Желаете продолжить в участке? – страдая глухотой, спросил Родион.

Осеклась. Чиновника полиции ждала свежая порция злобы:

– Да что же творите? Зачем невинную душу мучаете?

– Могу логически объяснить. Если вопить не будете.

Дама не ответила, что и было сочтено знаком согласия.

– Расскажу вам маленькую историю, госпожа... – Ванзаров натурально запнулся. – Позвольте, как вас по отчеству?

Оказалось, Николаевна.

– Так вот, Аглая Николаевна, история такая. Давным-давно, больше сорока лет назад, некая барышня, назовем ее Аглая, поступила на службу к другой барышне, допустим Филомене, горничной. И так привязалась к ней, что стала незаменимым человеком. Вскоре

барышня Филомена родила сына. Барышня Аглая стала ему нянькой и полюбила всем сердцем. Да так крепко, что посвятила ему всю жизнь без остатка. Мальчик рос, мужал, превратился в мужчину, захотел жениться. Но тут барышня Аглая поняла, что никому не сможет отдать своего любимчика. Так крепка была ее любовь. Пользуясь в доме особым влиянием и умея повернуть на свое, Аглая ловко препятствовала всем попыткам мальчика жениться. Чему он особо не противился. Но как-то раз обнаружил, что года идут, скоро пятьдесят, а семьи нет. И тут мальчик решил жениться любой ценой. Барышня Аглая, уже не барышня давно, попробовала так и эдак и к ужасу обнаружила, что ее любовь, пардон, любимчик и впрямь женится. Не на одной, так на другой. Что оставалось делать? Напугать его до смерти. Тем более что любовь к театральным эффектам – в крови. Переодеваться любите и все такое. И вот мадам Аглая отправляется, ну, скажем, в морг, покупает глаз, подбрасывает его в варенье, а когда несчастная кухарка находит – поднимает крик о семейном проклятии. Расчет на то, что обожаемый Нилушка уже получил парочку страшных писем и наверняка испугается. Но Нил, как назло, бежит в полицию. В доме появляется пронизательный чиновник сыска, который сразу догадывается, в чем дело. Его надо отвадить, то есть напугать доступными средствами. И тогда отправляется письмо с угрозами и прочими проклятиями. Но это чуть позже. А пока хитроумному плану с отсрочкой женитьбы мешает полоумная нищенка. Быть может, видела, как Аглая подбрасывает глаз. Ее надо удалить. Но как? Нельзя же выгнать из дома блаженную, которую сама приютила. Остается только одно... И вот тут, Аглая Николаевна, вы перешли черту, дозволенную даже для самой горячей любви. Вот и весь рок. Ну как, умею загадки отгадывать?

Морщинистая мордочка под кокетливой шляпкой выглядела забавно и неприятно одновременно. Но ни единого признака страха или растерянности не появилось. Или старушка не поняла, или обладает необыкновенной силой воли.

– Глупости придумывать мастер.

– Что же тут глупого или нелогичного? – с интересом спросил Родион. – Разве не вы глаз подкинули?

– Ошалел ты, что ли?

– Разве не вы подбрасывали письма с угрозами Нилу?

– Какие письма? – морщинки собрались пучком. – Да ты бредишь, любезный.

– Разве не вы нищенку убили?

– Я?! Марфушу?! О, дурачок пронизательный! – И старушка засмеялась. Надо сказать, довольно противное зрелище: морщины прыгали червячками. Вдруг успокоилась и сказала: – Ох ты, горе-сыщик... Я – Марфушу! Ох, чудеса...

– Значит, не вы придумали игру с роком и устроили все прочее? Очень хорошо, – Родион принял строго официальный вид. – В таком случае прошу следовать за мной.

– Куда это еще?

– Раз оказались здесь случайно, познакомимся кое с кем. Прошу.

И Ванзаров галантно распахнул дверь, пропуская вперед даму, хоть и вредную.

Этаж коридора счастливо пустовал. Из соседних комнат доносились звуки повседневной жизни со вздохами, ссорами, примирениями, кряхтениями, треском матрасов, звоном посуды и хлопками открываемой форточки, слившиеся в однообразную мелодию. Не спеша и, как нарочно, копаясь в карманах, Родион достал ключ, отпер номер и быстро двинулся вперед.

Отодвинув складку драпри, Аглая вошла следом – не осмотревшись, как обычная женщина в незнакомом помещении, а упрямо разглядывая вход в спальню, словно ожидая оттуда неизбежной беды.

Ванзаров стоял в изголовье диванчика. Взгляд старушки скользил мимо него.

– Аглая Николаевна... – привлек внимание.

Его одарили пустым взглядом.

– Случайно не знакомы?

Простынь сорвал рывком.

В запертом помещении разложение происходит быстрее, кое-где наметились уже серые пятна. Но мраморное тело было все еще прекрасно. Изгибы линий таили опасность даже для стального сердца. Хорошо, что юный чиновник следил за другим. Внимательно и въедливо следил. Только не вышло ничего. Ни одна морщинка не дрогнула. Аглая рассматривала мертвое тело как пустое место. Сама будто перестала дышать. Вдруг шевельнулась не глядя, рухнула в ближнее кресло. Ни слезинки или крика, тупое оцепенение. А ведь как оплакивала Марфушу...

– Вы посмели заявить, что на мне кровь невинной, что это я виновен в смерти Марфуши, что это я накликал несчастье на ваш дом. А кто виновен в этом? Не догадываетесь? Может, пришли проверить, как подействовал яд? Все ли получилось, как задумали?

– Не хочу верить, что такой умный человек, как вы, может говорить подобные глупости искренне.

Родион признал, что несколько удивлен. И куда только делся народный говор. Аглая словно скинула маску, под которой оказался новый персонаж, мало знакомый.

– Тогда помогите мне, Аглая Николаевна. Нет, не мне – Нилу Ниловичу.

– Что я могу? – она подняла глаза, сухие и печальные. – Это выше человеческих сил. Я предупреждала, меня не слушали. Теперь уже ничему не помочь. Вы смеетесь над роком, но поверьте: он сильнее наших желаний и возможностей.

– Мне известен только один рок: человеческая глупость, – упрямо сказал Ванзаров. – С остальным мы как-нибудь справимся.

– Я не убивала Марфушу. Верите?

– Верить – не моя профессия. Вас защищает логика. Пока не найдено иных фактов.

Украдкой глянув на диван, Аглая зажмурилась и попросила:

– Закройте, прошу вас, это мучительно...

Простыня взлетела и пала, под белой тканью обозначились очертания тела.

– Ваш приход сюда – лучшее алиби.

– Вы так думаете?

– Не я – логика, – отступив от диванчика, Родион занял свободное кресло. – Варвара не могла умереть от руки женщины, растившей ее столько лет. А раз так – в смерти Марфуши и появлении глаза нет смысла.

– Откуда вы... – Аглая оборвала себя.

– Повторяю: логика. Варвара говорила, что у нее нет родни, кроме некой пожилой родственницы. Ардашева рассказала, что в публичный дом на воспитание ее принесла добросердечная дама. При этом Варвара не познакомилась с влиятельной няней господина Бородина. Точнее, не знала о ней ничего. Почему? Только потому, что Аглая не могла показаться ей на глаза. Нечаева знала вас как Глафиру Пантелеевну Кошелеву, вышел бы конфуз. Что и подтвердил ваш тайный визит.

– Что же теперь делать?

– Неплохо бы рассказать то, что неизвестно логике.

– Да-да, конечно. – Аглая, видимо, собиралась с силами. – Варвара незаконнорожденная дочь моей двоюродной сестры, моя племянница. Сестру обманул один мерзавец, вступил в связь и бросил. Несчастная Танечка рожала втайне, повитуха попалась неумелая, выжил только ребенок. Взять ее в дом Бородиных я не могла. Но и оставлять в сиротском приюте было невыносимо. Тогда и принесла Варвару к Ардашевой, попросила воспитать. Всегда навещала ее. Варварушка росла добрым и ласковым ребенком, большой умницей, любила читать. Но Ардашева оказалась плохим человеком. Как только девочке исполнилось четырнадцать, она стала подталкивать ее к мужчинам. Варвара сопротивлялась как могла. Но в пятнадцать лет ею овладели. Она все рассказала мне. И тогда я предложила ей уходить. Собрала сколько могла денег на первое время, сняла угол, перевезла. Но девочку из публичного дома не брали нигде на работу, даже в прачки. Варваре пришлось стать бланковой. Она была очень умной. Вот, к примеру, сама пришла в газету и предложила составлять бильярдные задачки.

- Нил Нилыч протекцию организовал?
- Что вы, все сама.
- Хотите сказать, что в газету ее взяли без всяких рекомендаций? Прямо с улицы?
- Варвара сказала, что убедила главного редактора.

Какой аргумент был использован – не хотелось думать. И так все было понятно. Стальное сердце юноши издало жалобный скрип – плач по ветреной женской природе. Но сейчас было важнее другое:

- Где она познакомилась с Бородиным?
- На бильярде. – Аглая тяжело вздохнула, словно несла куль. – После этого как не верить в рок. Варвара с радостью рассказала, какого замечательного мужчину встретила. И, кажется, влюбилась. Пыталась ее отговаривать, но все было напрасно. Наконец Варвара сообщила, что Нил назначил смотрины у матери. Что было делать? Просто ушла из дома.

– А почему не хотели счастья своей воспитаннице? Партия с Бородиным – завидная. Любая барышня кинулась бы не раздумывая.

- Филомена меня бы не простила. После этой свадьбы мне одна дорога – в петлю.
- Нил Нилыч помог с переездом в эти комнаты?
- Кто же еще. У меня таких средств нет.
- Вы говорили Нечаевой о сопернице?
- Нет, зачем мучить ребенка. Как ее убили?

Помедлив, Родион ответил вопросом:

- Почему решили, что ее убили?
- Не во сне же умерла...
- Как ни странно, именно во сне и без мучений. Вердикт участкового врача.

Не надо видеть мысли, это только автору доступно, что Аглая не поверила. Твердо и окончательно не поверила. Она встала:

- Теперь могу быть свободна?

Хотелось спросить еще что-то важное, что вертелось на кончике языка, но так и не свалилось. Родион просил немедленно вернуться в особняк и по возможности не покидать его, пока все не прояснится. Не простившись, Аглая вышла. Словно навсегда отрезала кусок жизни.

Наконец прибыла санитарная карета. Пока тело клали на носилки, пока выносили, по обычаю сворачивая мебель и не пролезая в дверь, Ванзаров осмотрел гостиную и решил прихватить единственный снимок: гордая девушка Варвара на фоне бильярдного стола. А вдобавок пустой флакончик духов, так и лежавший под диваном.

Портье был благодушен, как видно, варенье подействовало. Ему был вручен ключ от номера со строжайшим приказом от сыскайной полиции никого не вселять, не открывать и даже не приближаться до особого распоряжения. Осознав важность момента, Меркулов вдруг замялся, словно хотел на чай. Но оказалось, кое-что вспомнил. Вчера поздно вечером Нечаеву спрашивала какая-то барышня и вроде бы поднималась к ней ненадолго. А может, и нет. Барышня самая обыкновенная, без особых красот и достоинств, росту среднего, одета невзрачно, лет – может, двадцать, а может, и тридцать.

Судя по всему, заботливый портье не обратил на нее внимания. Мало ли кто шляется. Так, промелькнуло что-то перед глазами. Если бы не происшествие – забыл бы начисто. Юный чиновник полиции оперся о конторку, задумался и вдруг, не отблагодарив, кинулся со всех ног. Так что дверь за ним хлопнула с треском.

Меркулов неодобрительно покачал головой, крикнул полового Алешку, меченного шишкой на лбу, и вытащил ополовиненную банку варенья.

Что поделать: у каждого своя забота.

случайную горничную. Даже роскошные усы не могут оправдать такое безобразие. Благообразный портье Вертов, служивший в меблированных комнатах Макарьева третий десяток, неодобрительно взирал на юнца, который чуть не сбил с ног состоятельного гостя. Страдание сыскной полицией на Вертова не действовало. И не таких господ принимали, а уж каких выносили под белы ручки – лучше умолчать.

Как хитрый лис, проиграв дырку в курятник, припадает на брюхо и лезет вьюном, так Родион немедленно сменил тон, заиграл усами и благороднейше поинтересовался: не изволит ли госпожа Незнамова пребывать у себя? Такое обхождение Вертову понравилось. Сменив гнев на милость, благосклонно подтвердил: у себя, еще не выходила.

Даже коридор тут пах особо. Никакого душка плесени и бедности, только степенный достаток, крахмальные гардины и гладко натертые полы. Что же до любопытных, то их можно было не опасаться. Так что ухо чиновника полиции легло к створке самым невоспитанным образом. Родион прислушивался изо всех сил, но изнутри звенела тишина. Охваченный недобрым предчувствием, взялся за ручку и дернул изо всех сил. Дверь подалась безропотно. Стальное сердце взвыло паровозным котлом. Не медля более, Ванзаров заскочил в номер.

Гостиная сияла незадернутыми окнами, отраженными в натертой мебели. Порядок и уют были все те же. Впрочем, как и их хозяйка. Тело Липы полулежало в кресле. А вот душа ее витала в отдаленных областях грез и фантазий. Взгляд, натурально остекленевший, недвижимо уставился куда-то в стену. Родион специально проверил: ничего интересного, кроме оторванного краешка обоев. Страх, только что терзавший Ванзарова, перешел в смущение. Или во что-то вроде. Чиновник полиции испытал прилив стыда оттого, что ворвался к даме медведем. Родион нервно поиграл усами, потом вежливо кашлянул.

Липа повела лениво головкой.

– А, это вы, – сказала без всякого интереса, с некоторой ноткой досады.

Без сомнения, барышня пребывала в апатии. Такое с барышнями случается: расстроится из-за какого-нибудь пустяка, например отмены свадьбы, сиганут в тоску не глядя, а вынырнуть не могут. Так и сидят на дне тоски. Ну что с них взять. Барышни, одним словом. Ну, не о том речь. Печаль Липы, однако, перешла все мыслимые границы: роскошная женщина сидела все в том же платье, в котором играла матч. Просто невысказано! Ужас. Кошунство. И все такое.

– Вы, кажется, не ложились? – светским тоном осведомился Родион, незаметными шажками приближаясь.

– Что? А, да... Не спится мне нынче.

– Макбет не будет спать, Макбет зарезал сон? – опасный вопрос был скрашен очаровательной улыбкой под очаровательными усами. Двойное очарование по одной цене, так сказать.

На хмуром личике мелькнул интерес.

– Эта маленькая ручка все еще пахнет кровью... Всем благоволиям Аравии не отбить этого запаха, – бесцветно выдавила она. – Кажется, так. Уже забыла... Леди Макбет. Моя мечта. Как бы сыграла ее... Восхитительно... Быть может, найду антрепризу... Дам бенефис... Теперь все равно...

– Олимпиада Ивановна, дорогая, зачем так переживать из-за какого-то проигрыша, – коварный Родион занял выгодное место поближе. – Вы играли блистательно, я в восторге, просто удача вчера была не на вашей стороне. Это скоро забудется, еще возьмете реванш.

Бирюзовые глазки блеснули:

– Как мило... Спасибо... У вас чудесные усы, я вам говорила? Вы добрый мальчик, только ничего не понимаете. Это не то...

– Так расскажите, на душе станет легче. Расскажите, что делали вчера вечером. Расскажите подробно. Мне каждая деталь любопытна. Начните с того, как нашли Бородина.

– Ах нет. Не искала. Он сам. Вышла из отеля, не знала, куда идти... Надо было броситься в Мойку... Чтобы прервать мучения... Догнал меня... Кажется, плакала у него на

плече... Он такой большой... Предложил поужинать... Я надеялась, верила, мечтала, что он... Наклеил какую-то дурацкую бороду, усы... Фу, гадость... Оказалось... Он... Он...

– Стал холоден?

– Нил как большой ребенок... Знала, но только теперь поняла, как это трагично... Я для него кукла... Куклу сломали, стало скучно...

– Бородин сказал, что бросает вас ради Нечаевой?

– Нет, он был весел... Пытался шутить... Вливал в меня шампанское ведрами... Но я все видела... Кажется, холодно... Ах, мне ничего не надо... Оставьте... Спасибо, так теплее... Нил добрый, но у него совсем нет воли... Им можно крутить как вздумается... Мое поражение воспринял как свое... И ее победу – как свою... Победителю достается все... Нилушка хотел мне сказать, но не смог... Но я поняла все без слов...

– И решили отомстить?

Горестно, как умеет только женщина, упивающаяся горем, Липа усмехнулась:

– Как я могу ему отомстить... Кто я?... Актриска... Нет, решено... Я прощаю его...

– Неужели вот так, без боя, отдадите жениха?

– И ее прощаю... Пусть будут счастливы... Меня ждет сцена... Аплодисменты заглушат мою боль... Я найду свое счастье и забуду его...

– Нечаева пыталась вас убить.

Липа ожила, высказав явное удивление:

– Что вам об этом известно? У вас есть доказательства?

– Разве пролетевший шар – не лучшее доказательство?

Бильярдистка презрительно фыркнула:

– А вы бы не отказались от такого удара, если б шары легли?

Презрительно отмахнулась ручкой, дескать, не о чем и говорить.

– В котором часу расстались с Бородиным?

– Мне было все равно... Может, в полночь... Или позже... Какая разница...

– Значит, не помните, когда заглянули к Нечаевой объясниться?

Посмотрев на юношу несколько строже, легко спросила:

– С чего взяли, что была у нее?

– Заглянули по соседству, сделали благородный жест – отдали жениха. Вопрос в том, что случилось после.

– Это глупость, Ванзаров.

– Вас запомнил портье.

– Это невозможно! Вы разыгрываете. Не знаю и знать не желаю, где живет эта дрянь. Чтобы я пошла к ней!.. Что за выдумки, молодой человек!

– В таком случае как объясните, что Нечаева сегодня утром найдена мертвой в своей квартире?

Барышня объяснить не смогла.

– Ваше? – Родион вынул пузырек.

Отпрянув, как от змеи, Липа фыркнула:

– Чтоб я такой гадостью... Да вы не разбираетесь в духах вовсе... Я и «Ампир»! Какая глупость!.. Такие только девицы пользуют... Вот ей бы подошло... Гадине... Хотя о мертвых или ничего... Что с ней случилось?

– Ее убили, – просто ответил Ванзаров.

Внезапно до Липы дошло что-то важное. Быть может... Но не будем углубляться в женскую душу, и так уже залезли в нутро Апраксина рынка, а там – чище. Неприлично повеселев, она спросила:

– Вы знаете кто?

– Думаю, знаете вы.

– Но я ничего...

– Или вы убили, или кого-то покрываете.

– Это ваша очередная фантазия?

– Так говорит логика. Вскоре, быть может завтра, произойдет вскрытие тела. Эксперт обязательно найдет яд, которым была отравлена Нечаева. И тогда отвертеться будет невозможно. За такое убийство, даже если адвокат докажет мотив ревности, грозит каторга на пять лет. Сибирские рудники, морозы и отпетые бандиты. Женщины на каторге больше трех лет не выживают.

Липа приснула, но наткнулась на взгляд, неподвижный и суровый. Недаром Родион пыжился, как мог. Строгость выходила отменно, вот только усы симпатичные были совсем не к месту. Ну, не сбривать же их ради такого случая!

Печаль сменилась тревогой. Скинув плед, наброшенный заботливой рукой полиции, Олимпиада села прямо:

– Господин Ванзаров, вы меня пугаете...

– Всего-то предположил, что вы убийца. То есть отравительница. Что тут страшного?

– Ну... Это... Нет, как же... Я... Ах... – Липа окончательно запуталась в междометиях.

– Хотите сказать, что не убивали? – добродушно помог Родион.

– Ну конечно!

– Докажите.

– Но как?

– Для начала расскажите, что делали вчера до партии. Подробно и точно.

– Если так... – Липа переменяла позу. – После вашего ухода я... пообедала... Затем решила съездить к Нилу, передать приглашение...

– В каком часу?

– Кажется, около пяти...

– Что делали в особняке?

– Что я могла делать? Подъехала... Пролетку не отпустила... Вышел лакей, сказал, что Нила Ниловича нет, только что отбыл... Просила представиться Филомене Платоновне... Ее выкатили на порог... Мы мило пообщались... Она обещала передать приглашение Нилу, просила бывать чаще... Вернулась... Стала разминаться...

– В гостиную заходили?

– Нет... На пороге только...

– С Нечаевой встретились?

– Видела ее издалека, в пролетке... Ах, как тяжело...

– Аглая была в особняке?

– Кто-кто?

– Расскажите о себе, где родились и так далее...

Медленно поднялась из кресла, прошла по комнате, остановилась у окна и, глядя на Вознесенский проспект, сказала:

– Моя жизнь похожа на роман...

– Достаточно краткого оглавления.

– Я родилась в Базеле. Помню озеро, чаек... Облака и горы... И я, маленькая девочка...

– Ближе к сути.

– Мои родители умерли, когда мне не было и трех лет. Все состояние досталось умному и пронырливому родственнику. Моему двоюродному дяде. Это был ужасный человек. Он держал меня в страхе. Попрекал каждым съеденным куском. А когда я стала похожа на женщину, он посмел... Но я убежала. Потом долго скиталась по Европе. Зарабатывала эстрадными номерами. Мелькали страны и города. Наконец меня потянуло на родину. Вернулась в Петербург. У меня была уже кое-какая европейская слава, «Аквариум» сдал ангажемент.

– Где научились играть на бильярде?

– Уже не помню. Как-то само собой... Так много пережито...

– Как познакомились с Бородиным?

– После какого-то представления он зашел за кулисы. Помню огромный букет роз... Он тронул своей простотой... Нет, это мучительно... Простите...

И барышня с такой яркой биографией закрыла лицо. Быть может, чтобы оплакать разбитые надежды. Женщин не поймешь. Разобьется мелочь, ерунда – они в слезы.

Чиновник полиции старательно переварил все, что на него вылили, постаравшись не упустить ни единой капли, и, кажется, остался доволен. Хмыкнув, как заправская ищейка, он поднялся:

– Вы действительно хорошая актриса.

– Благодарю, – с тихой гордостью ответила Липа.

– Не стоит, это не комплимент. – Суровый юноша сурово насупил брови (ух как, чтоб уж мало не показалось).

– Значит, так?

– Вам хватит сил и фантазии спланировать любое преступление. Только опыта поднабраться. А то попадаетесь в детские ловушки.

Липа изобразила самую невинность.

– Но это ведь так просто, – подсказал Родион. – Вы не знали соперницу за обладанием Бородиным. Так? Тогда почему стали ругать Нечаеву, которая вам известна только как противник по зеленому сукну? Ругали так, словно она помеха вашему личному счастью. Выдали себя с головой.

– Что теперь скрывать. – Олимпиада Ивановна стала тиха и покорна. – До вчерашнего вечера не знала. Поверьте. Но догадалась. Увидела ее экипаж рядом с особняком Бородина. Она подъезжала. И я все поняла. Неужели хотите меня арестовать?

– Пока не могу.

– Как мило. И за это благодарю. А теперь, господин сыщик...

– Чиновник полиции для особых поручений...

– Тем хуже. Я скажу вам. Пусть узнаете первым. И тогда поймете. Могла я или... Нил ничего не знает. – Она запнулась и вдруг выпалила: – Я беременна!

Новость не ударила молнией. Даже из приличия Ванзаров не показал, что поражен, удивлен, взволнован и так далее. Стальной характер, одним словом. Только уточнил:

– Когда побывали у доктора?

– Зачем мне доктор, будто сама не знаю верных признаков.

– Они появились совсем недавно?

– Да, в последние дни...

– Или часы?

– Молодой человек, какая вам разница?

– Могу просить об одолжении?

– Пока на меня не надели кандалы... Что угодно...

– Подарите свою фотографию...

– Берите любую. – Ручка указала на ряд фотографических рамок.

Родион выбрал снимок на фоне бильярдного зала, странно знакомый. И, не поблагодарив, сказал:

– В ближайшие дни оставайтесь дома.

Липе показалось, что она ослышалась:

– Простите?

– Из квартиры носа не показывать. Запритесь. Никого не принимайте и никуда не ездите. Если назначены представления, скажите, что заболели. Предупредите портье, что вас ни для кого нет. Особенно для невинных девушек или старушек. И я предупрежу основательно. Не покидайте дом, даже если получите приглашение от господина Бородина. Потерпите домашний арест.

– Но ради чего?

– Или не жалеете будущего ребенка, то хоть подумайте, как трудно глотать шпагу мертвой.

Родион изумительно вежливо поклонился, вышел и тщательно закрыл за собой дверь. Пришлось дожидаться, пока в дверном замке нерешительно повернулся ключ.

Утомленному мозгу требовалась чашечка крепкого кофе. Вечно этот орган подводит. То ли дело стальное сердце – всегда на страже, непробиваемо для чувств и эмоций. Если не считать кое-каких женских глазок, которым... Но не будем их поминать.

Противоречия, догадки и странности сплелись клубком. Требовалось разобрать, разложить их отдельно, чтобы аккуратно сплести логические цепочки. Факты требовали себя обдумать и сопоставить. Участок – не лучшее место для логической гимнастики. И Родион решительно повернул на полном ходу. Однако далеко уйти не успел. Чья-то фигура ростом с маленькую гору заслонила проход. Чиновник полиции нахмурился, но тут же признал ошибку.

– Михаил Самсоныч, что с вами? – заботливо спросил он.

Действительно, старший городской маленько переменился. Вернее – переоделся. Вместо суконного кафтана с португеей и свистком громоздилось драповое пальто с пиджаком под ним, а на голове болтался котелок, по виду игрушечный. Редко кому так не шла цивильная одежда. Страдая от собственной несурзности, Семенов то и дело одергивал рукав, ерзал плечами и оправлял край обшлага. Зрелище выходило исключительно забавным. Но Родион не позволил и тени улыбки и даже попытался выдать комплимент:

– Опять не узнал вас без формы. Вам идет, такой вид... внушительный.

«Элегантный» или «модный» было бы явным издевательством. Семенов, страдальчески вздохнув, успев передернуть грудью под пиджаком, грустно доложил:

– В форме нельзя. А так неприметно...

Заявление страдало безнадежным оптимизмом. Ничего более вызывающего, чем Семенов в гражданском, нельзя было придумать. Каждая пуговка и шовчик будто кричали: смотрите, люди добрые, то есть уголовнички, городской переодетый, спасайся, кто может. Ванзаров не стал расстраивать хорошего человека.

– Там разный народ бывает. Не хочу подводить одного господина. Еще подумают, что он стал капорником. Ну, предателем то есть... Пойдемте, Родион Георгиевич, ждать не будут.

Покорно, не спрашивая, куда и зачем, Ванзаров отправился следом за нелепой громадой в пальто. Впрочем, на некотором отдалении.

Семенов шел быстрым шагом, не замечая, как оглядываются прохожие и прыскают барышни. Родиону стало по-настоящему обидно за приятеля: мужчина, можно сказать, долг выполняет, а этим обывателям – веселье. Нет, не понять им подвига полицейского.

Между тем миновали фасад Апраксина рынка и завернули в Чернышев переулок, на котором возлежит его левый бок. Стремительно одолели короткую улочку почти до Ломоносовского садика, так что уже показался величественный угол Министерства внутренних дел, как вдруг Семенов затормозил и свернул в подвальную лесенку. Скользя по каменным ступенькам вслед за городовым, Родион очутился в дешевом трактире, удивительно пустом для такого часа. Даже половые куда-то запропастились.

Густой нагар на стенах и потолке, объедки на полу и аромат сырых сапог вкупе с нестираным бельем надежно отваживали посетителей-чужаков. Спина Семенова возвышалась в дальнем углу помещения. Напротив виднелся субъект в поношенном пиджачке и драной фабричной фуражке. Соседний столик занял господин, углубившийся в газету. Приглашать гостя никто не спешил.

Подойдя к молчаливой парочке, Родион вежливо спросил:

– Здесь не занято? Вы позволите, господа?

Его смерили взглядом, прокисшим от наглости.

– Э, балдох¹, ты кого обначить вздумал? – Субъект, поеденный оспой, метко плюнул около ботинка чиновника полиции. – Зачем кадета малахольного притер? Накрыть, что ли, фраера?

¹ Расшифровку воровской лексики смотрите в словаре.

Перед носом молча вырос кулак городского. Недружелюбный господин немедля нарезал улыбку:

– Шутка, балдох, че ты в пузырек лезешь. Э, боровой, падай сюда. Не слаба, языком будешь...

Взяв ближний стул, Родион уселся во главе, дернул усами и с очаровательной улыбкой сказал:

– Дыхало придержи, желторот. Крестов не нюхал, а понтом берешь.

У Семенова медленно отвалилась челюсть: такого от чистенького юноши городской никак не ожидал. Конопатому же меткое воровское слово проникло глубоко в душу. Растерянно моргнув, он состроил страшную гримасу:

– Ты кого желторотом назвал, кадет вшивый?

– Тебя, шлеппер лодяговый.

Спокойствие господина с роскошными усами, видимо, произвело магическое действие. Помощь Семенова не потребовалась. Пройдоха как-то скис, поник плечами и пробурчал под битый нос:

– Да знаешь, что я Сенька Обух, да я...

– Ты Сенька Обух? – Родион обидно усмехнулся. – Не Обух ты, а насыпуха дешевая. Мазура несчастная.

Субъект окончательно растерялся, открыл рот, но так и не нашелся, чем его занять.

– Косарь, отхливай, – послышался тихий властный голос.

Конопатый пропал, как не было, а на его месте оказался невысокий господин, читавший газетку по соседству. И хоть вид он имел обычный, невыразительный, костюмчик серенький, но сходство с фотографией Департамента полиции узнаваемое. Не зря Родион просиживал в картотеке допоздна. Цепко и въедливо изучив соперника, Сенька сказал:

– Приятно иметь дело с умным человеком, который умеет простачком прикинуться. В нашем деле это важное качество, господин...

– Ванзаров...

– Очень приятно. Наверное, уже поняли, что...

– Я понял, господин Обух, кто вы. Рад знакомству.

– Извините за «кадета». Михаил Самсоныч не предупредил, с кем придется иметь дело...

Кажется, и Семенов этого не знал. Во всяком случае, посматривал на Ванзарова с тихим восторгом, если не безмерным обожанием. Редко кому на памяти старшего городского удавалось вот так с ходу завоевать Сеньку Обуха. Это немало значило.

– Вы сказали, что рады знакомству, – продолжил Обух. – Поверьте, я рад не меньше. Нам с вами наверняка придется иметь, так сказать, общие интересы. Предпочитаю о таких личностях, как вы, узнавать заранее. Мы, умные люди, всегда можем договориться. Тем более трудимся на одном поле.

– Возможно, – уклончиво ответил Родион. К чему относилась эта дипломатия, Семенов не понял. Но просто готов был идти за юношей куда угодно.

– Господин Семенов изложил ваше затруднение. Я готов вам помочь. В качестве небольшого дружеского презента...

Родион лишь обозначил вежливый поклон. Но ничего не сказал.

– Вас интересует Марфуша, – будто уточнил Обух. – Мы узнали все, что могли.

История, изложенная старшиной воров Казанской части, оказалась на удивление краткой. Появилась Марфуша лет тридцать назад, уже взрослой девицей. В отличие от уличных профессионалов была блаженной на самом деле. На все расспросы только улыбалась и, кажется, не понимала, что происходит вокруг. Все время пела странные песенки. Нищие приняли ее хорошо. Убогую никто не обижал, а она ничего не просила. Могла целый день просидеть в уголке. Ела и пила, как птичка, ей хватало куска хлеба и глотка воды. Когда садилась на улице, прохожие подавали столько, что и трем калекам не собрать. Вскоре стали замечать, что Марфуша приносит счастье. Если подержать за руку, а

она при этом песенку споеет – будет удача. Ее стали уважать еще больше. Чтобы ударить или ограбить – не могло быть и речи. Она всем была как родная. Но все же тайна ее появления вызывала интерес. Одни говорили, что бывшая монашка, которую выгнали из монастыря. Другие – внебрачная дочь какого-то князя, который избавился от нежелательного ребенка. Кое-кто, с богатой фантазией, уверял, что Марфуша на самом деле – ангел, заблудившийся в человеческом теле. Но все это байки. В воровском обществе Марфуше жилось спокойно. Однако года три назад она пропала. Куда – никто не знал. Вначале думали, что убили, но потом коллеги из Петербургской части сообщили, что видели ее. Она якобы прижилась при каком-то богатом доме. В воровском мире решили, что если она так захотела, то мешать ей не следует. И Марфушу оставили в покое. Хотя до сих пор поминают добром.

– Думаю, до того как появиться у нас, Марфуша была шкицой, – закончил Обух и добавил: – Или кошкой.

– Почему решили, что она была малолетней проституткой или проституткой, брошенной любовником?

– Был слух...

Вор схитрил. Но юный чиновник полиции не стал давить. Для первого знакомства достаточно. Действительно, еще работать и работать вместе, то есть совместно, ну, на одном поле. На всякий случай заняв руку шляпой и спрятав ее за спину, Ванзаров встал.

– Благодарю, вы очень помогли.

– С Марфушей что-то случилось? – Обух, кажется, насторожился. – Только намекните, так мы сами найдем обидчика. Уж поверьте. Вам и трудиться не придется.

– Нет, все в порядке, просто нужны сведения. Лучше бы нашли других обидчиков. А то уж совсем безобразие...

– В чем дело? – Старшина воров насторожился не хуже полицеймейстера, когда дело касалось порядка на вверенной территории.

– Приехал господин Москвин, чудный доктор, лечит бесплатно и нищих, и рабочих, и воров. Так какой-то ловкий банщик у него канарейку и кожу со всей сарой зажилил. Человеку жить не на что в столице. Совсем яман.

Семенов пребывал в глубочайшем изумлении, открывая в юноше с каждой минутой все новые таланты. Но Обух был серьезен:

– На Царскосельском вокзале?

– Николаевском. Будь вором, раз призвание, но совесть имей. Или хоть милосердие...

– Хоть не наш вокзал, ладно, разберемся. В таком случае позвольте вопрос, господин Ванзаров. Благодарю. Откуда знаете байковый язык?

– В Департаменте полиции специально преподавали. Два семестра, – ответил Родион и покинул тихий подвал, так близко соседствующий с Министерством внутренних дел.

Ну, не мог же будущий великий сыщ... тьфу ты, да что же такое – знаменитый... да нет же, просто толковый чиновник полиции признать, что по совету Лебедева вызубрил пособие с грифом «Для служебного пользования» под кратким, но емким названием – «Воровской язык».

Гадость, портит родную речь, конечно, а как пригodiлось.

9

Зелень Крестовского острова готовилась к осени. Кусты, уставшие от ягод и солнцепека, шелестели, продуваемые ветерком. Было тихо и пусто. Оставив пролетку, Родион с Семеновым дошли до особняка пешком, обогнули дом и теперь оказались на подъездной дороге. Ванзаров оглянулся в поисках Курочкина, но растительность скрывала того надежно. Зато городской возвышался скалой. Сменив ненавистное пальто на родимый форменный кафтан, а гадкий котелок на фуражку с околышем, Семенов возродился к жизни. Словно шашка на перевязи и пуговицы с гербом стали частью его самого, а без них он был неполным. Действительно, грудь старшего городского вздымалась, взгляд обрел должную

отвагу. Не полицейский – орел. Разве не летает.

Орел, однако, испуганно охнул, ухнул, ахнул и с удивлением спросил:

– Афанька, ты откуда взялся?

Курочкин явился ниоткуда, словно вырос из-под земли, и явно наслаждался произведенным впечатлением. Родион, конечно, не испугался, у полицейских со стальным сердцем это не принято, но, поздоровавшись, спросил:

– Как вам это удастся, Афанасий Филимонович?

– Использую методику слепой зоны, – с важным видом ответил Афанасий. – Позволяет подойти к объекту наблюдения на короткое расстояние.

Невольно подумав, что с его габаритами никакое слепое поле не спрячет, Родион спросил отчет. Оказалось, скучнее задания у талантливого филера еще не было. Даже блокнот филерского наблюдения не потребовался. В особняке буквально ничего не происходило. Объект наблюдения под рабочей кличкой Барин уехал около десяти и вернулся как угорелый в половине первого. Объект наблюдения Карга вышла из дому в три, но пока не вернулась. В окна эркера была видна объект наблюдения Барыня. Также по двору проходила объект наблюдения Кухарка. Господин лакей в зону видимости, очевидно, не попал. Судя по всему, Курочкин умаялся больше всего от безделья. А потому отпросился на обед. Ванзаров не только отпустил, но и сказал, что пост переносится на Вознесенский проспект, к меблированным комнатам Макарьева. Повеселевший Курочкин пропал из виду, наверное, шагнул в слепую зону.

Получив инструкции, Семенов занял выжидательную позицию. А Родион зашел в дом через парадные двери.

Впечатление, что особняк тихо погибает, усилилось. Невидимые, но ощутимые признаки нежилого беспорядка, заброшенности и какой-то печальной тоски проявились отчетливей. Конечно, все это не точные факты следствия, одни эмоции. Но ведь умный чиновник полиции на то и умный, что живет не только логикой. Зябко было в семейном гнезде Бородиных, зябко и неприятно, словно на самом деле нависло что-то тревожное и опасное. Ну не рок же, в самом деле.

Незванный гость громко кашлянул и попросил разрешения, хотя и так вошел.

Из малой гостиной появился сам хозяин, насвистывая веселую песенку и завязывая бабочку. Жилетка от смокинга с накрахмаленной рубашкой обтекали тело скульптурной лепки. Хорош был Нил, а вовсе не стар. При этом бодр и нервно-весел, словно собрался жениться.

– Ну, наконец-то! – радостно воскликнул он. – Я уж жду-жду, совсем извелся.

А по виду не скажешь. Родион принципиально нахмурился:

– Вы ожидали именно меня?

– Конечно!

– С какой стати?

– Чтобы снять кандалы домашнего ареста. Вел себя примерно и как хороший мальчик заслуживаю поощрения.

– Куда-то собрались с визитом?

Нил шутливо погрозил пальцем:

– О, хитрец! Наверняка уже обо всем догадались. Признайтесь?

Родион признался: не догадывается.

– Разве не видите? – Нил выставил накрахмаленную грудь. – Решено. Конец холостой жизни.

– Кому же так повезло?

– Ну, уж это обязаны угадать. Кто из нас сыщик?

– Чиновник полиции. Неужели счастье выпало госпоже Нечаевой?

Бильярдист изобразил аплодисмент:

– Проницательный юноша. Да, выбор сделан. Шар в лузе.

– Что на это сказала Филомена Платоновна?

– У меня состоялся сердечный разговор с матушкой. – Нил улыбнулся, как сытый кот. – Она полностью разделяет мой выбор, благословила и ждет Варвару у нас, чтобы и ее благословить. Это было чудесно!

– Как трогательно. Даже слеза наворачивается.

– Какой вы циник. В такие годы... Вот побыли бы до моих лет холостяком, тогда бы не смеялись над старшими.

Подумав, что это вполне возможно, но и не так уж страшно, Родион вежливо спросил:

– Что на это сказала Аглая Николаевна?

Бородин презрительно фыркнул:

– Аглаюшка, конечно, близкий мне человек, но спрашивать ее мнения... С какой стати?

– Значит, она не знает о вашем решении?

– Вечером узнает, когда привезу Варвару. Так не терпится назвать ее своей женой. Госпожа Бородина... Звучит, честное слово! Штос и партия! Ей особенно пойдет. Представьте, как это великолепно: жена-бильярдистка. Можно играть партии, не выходя из дома. Аж дух захватывает... Мы будем счастливы.

Роскошный мужчина прямо-таки светился глупым восторгом. Как порой мало надо для семейного счастья: заколотить женушке пару шаров, ну и в ответ получить рокамболь-другой. Не жизнь – варенье.

– Так я могу быть свободен? – спросил пока еще холостой бильярдист, играя в послушного мальчика.

– Нет, – как отрубил Ванзаров.

– Что, простите?

– Вы опоздали с возвращением на две минуты. За это домашний арест продолжится...

Нил оторопело захлопал ресницами:

– Но позвольте... Откуда вы... Надеюсь, это шутка?

Родион предложил сесть.

– Расскажите подробно, что делали вчера после матча.

Судя по удивленному выражению лица, в такой счастливый момент жизни Бородину меньше всего хотелось вспоминать тот холостой день.

– Это так важно?

– Хочу напомнить: источник рока еще не найден. Но если хотите, чтобы расследование было прекращено... – Родион выразительно начал приподниматься.

– Нет-нет, мне нужна ваша помощь, – торопливо оправдался Нил. – Так что вас интересует?

– Все, что случилось после победы госпожи Нечаевой. Подробно.

Нил Нилыч скроил недовольную гримаску:

– Не хотелось это вспоминать. Ну уж ладно. Я решил отдать долг вежливости Липе, но она повела себя как сумасшедшая. Бросилась на шею, стала целовать, потом запела арию, у нее случился нервный припадок. Вынужден был предложить ей поужинать. Надеялся, что успокоится. Пока ехали к «Палкину», Липа распевала куплеты на весь Невский. Я терпел. Но то, что произошло в ресторане, было за гранью приличий. Она требовала шампанского, глотала бокал за бокалом, разбивая их об пол, затем прыгнула на стол и начала отплясывать. Вынести это было невозможно, буквально скрутил ее, посадил в пролетку, повез на Вознесенский. Она рыдала у меня на груди, говорила, что покончит с собой, и прочие глупости. Уже за полночь проводил ее до комнаты. Липа требовала, чтобы я остался, но мне хватило приключений. Холодно попрощавшись, я уехал.

– Куда? – быстро вставил Родион.

– Что куда? – переспросил Нил.

– От Незнамовой отправились куда?

– Домой, разумеется.

– Насколько мне известно, это не совсем так. Вы заглянули к госпоже Нечаевой.

Блеф, так тонко рассчитанный, не дал ожидаемого эффекта.

– У вас неверные сведения, – твердо ответил Нил. – Да, мелькнула такая мысль, но и только. Время было позднее, да и хотелось разобраться в собственных чувствах. Не поддаваться эмоциям, поступить осмысленно, без горячки, чтоб не киксануть...

– Вас видели около часа ночи в меблированных комнатах Худякова.

– Это ложь.

– Хорошо, – как-то сразу согласился Родион.

– Теперь я могу ехать, господин сыщик? – Нил светски улыбнулся.

– Вы свободный человек. Пока, во всяком случае. Только делать на Вознесенском вам нечего.

– Почему?

– Дело в том, что господина Нечаева находится в морге 4-го участка Казанской части.

– Как? – будто ослышавшись, спросил Нил. Странно, что в такие моменты даже умный человек слегка тупеет – теряет слух или разум. Уж как придется.

– Госпожа Нечаева умерла сегодня ночью.

– Если это шутка, то очень жестокая. Не советую вам, молодой человек...

– Варвара умерла во сне. Ее нашли утром на диванчике совершенно обнаженную. Соседи слышали, как она смеялась до глубокой ночи. Вскрытие состоится в ближайшие дни.

– Боже мой, – выдохнул и закрыл лицо ладонями.

Горе его было вполне искренним. Но чиновника полиции со стальным сердцем оно мало тронуло. Допрос продолжался так, будто ничего не случилось:

– Что об этом думаете?

Бородин тяжело охнул:

– Что можно об этом думать? Как считаете?

– Например, умерла Варвара сама или ее убили.

– Убили? – До Нила вдруг дошла эта мысль. – Вы нашли какие-то следы?

– Прямых улик нет. То, что Нечаеву убили, – очевидно. Вопрос один: каким ядом? Надеюсь, вскрытие ответит. До сих пор верите в рок?

– Уже не знаю, во что верить...

– Во всем надо видеть положительный момент.

– Научите, господин логик.

– Пожалуйста. Эта смерть выгодна только вам. Хотя бы потому, что избавляет от мучительного выбора. Нет одной невесты – нет проблемы. Разве не так?

Кажется, в глазах несостоявшегося жениха объявилась слезинка. Дрогнувшим голосом он сказал:

– Какой вы жестокий. Что же из вас вырастет...

– Когда подарили Нечаевой духи «Ампира»? – не обращая внимания, наседал бездушный Родион.

– Духи? Какие духи? Зачем? У Варвары целая батарея... Никакого «Ампира» я не дарил. Она всегда покупала сама.

– Не дарили и не были у нее. – Родион подошел к Бородину так, чтобы нависнуть грозной скалой. – В таком случае как объясните, что в ее гостиной найден футляр с новеньким кием, а в нем записка с признанием в любви и поздравлениями с победой? Откуда было взяться этой записке, если вы не видели Варвару Ивановну, как уверяете?

Бильярдист не выказал признаков паники. Напротив, уверенно перекинув ногу на ногу, заявил:

– Да, подарил Варваре милую безделушку. Что тут преступного? После «концерта» Липы действительно забыл об этой мелочи. Какое отношение мой презент имеет к смерти Варвары?

– Это я бы и хотел знать, – сказал Родион, снимая осаду. – Но более всего – что такого знала Марфуша и Варвара, за что заплатились жизнью.

– Понятия не имею. На вас вся надежда. Какой удар... Бедная Варвара...

– Нил Нилыч, подумайте, кто мог это сделать?

Раздался мучительный и беспомощный стон, как свист пролетающего шара.

– У Варвары не было и не могло быть врагов, – тихо сказал Нил. – Она чудная, хоть порою резковатая женщина. Была...

– Где познакомились с ней?

– На бильярде. Играла превосходно, я засмотрелся. Поздравил с прекрасной партией. Завязались отношения. Потом Варвара попросила сделать снимок на месте нашего знакомства: гордая победительница с кием. Это было чудесно. Что же теперь будет со мной...

– Спортивная зависть?

– Намекаете на Липу? Она актриса, и этим все сказано. Много дыма без огня...

– Отвергнутые любовники?

– Глупость.

– Это вы пристроили Варвару в «Петербургский листок» составлять бильярдные задачки?

– Таланту нужна поддержка.

– Нечаева рассказывала про свою родственницу? – вдруг спросил Ванзаров.

– Что-то такое невнятное...

– Видели ее?

– Родственницу? Никогда. Зачем? Разве на свадьбу пригласить... О чем я... О, как тяжело. – И большой мужчина погрузился в отчаяние. Надо сказать, довольно натуральное. Затем громогласно хмыкнул и спросил:

– Видел ее? Ах да, о чем я... Как мне теперь жить? Варварушка...

– Вот и пригодится резервная невеста.

– Да какая невеста... Липа – это так, а Варвара была... Простите, мне надо побыть одному.

– А мне надо осмотреть дом, – ответил Родион.

Жестом «делайте что хотите» чиновнику полиции была предоставлена полная свобода. И Родион воспользовался ею сполна. Комната Аглаи была на замке, Бородина дремала в своей спальне, беспокоить даму было неприлично. В соседней гостевой, некогда служившей спальней старшему Бородину, было так пыльно и пусто, что сомнений не оставалось: ею не пользовались. Впрочем, как и детской. Заглянув в нее, Родион очутился в странном мире забытого детства. Игрушки и куклы пылились на своих местах, давно покинутые и ненужные. Здесь тоже давно ничего не трогали. Только одна странность привлекла внимание. На игрушечном диванчике восседала кукла с пышными кудрями и широкими голубыми глазами. Игрушка называлась, кажется, «Визит Ми-Ми» – такие были популярны в Родионовом детстве. Он точно помнил: в комплекте должна быть другая кукла – «хозяйка», кажется, Ки-Ки. Но ее не было. Кукла-гостья томилась в одиночестве.

Покинув пыльные покои, Родион прошелся по особняку. В кабинете Нила пахло дорогим табаком, на рабочем столе и намека на работу не было, зато на стояке красовалась армия киев. В кухне лениво копошилась Тонька. В своем закутке преспокойно дрых Орест. Пятно варенья в коридорчике никто не удосужился вытереть. Не дом – клад для следствия. Ничего не трогают, везде пыль, любой след на месте. Только следов не было. Словно все обитатели пребывали в недвижимом оцепенении. В конце обхода он изучил полку бильярдных шаров. Проверил и осмотрел каждый. Но желанного пятнышка не нашлось.

Бородин все так же восседал в кресле.

– Раз записали меня в чудовища, позвольте бестактный вопрос? – спросил Ванзаров.

– Мне все равно...

– До вас в семье был ребенок?

Родиона наградили уставшим и печальным взглядом, нет, в самом деле печальным:

– И это пронюхали. После замужества матушка ждала первенца, не меня. Но девочка родилась мертвой. Это была большая трагедия для нее и отца. У нас не принято об этом вспоминать.

– Где похоронена?

– В семейном склепе на Смоленском кладбище. Аглая разболталась? Если у вас есть хоть капля жалости, прошу: не мучьте этим вопросом Филомену Платоновну.

У чиновника полиции в душевной аптечке имелось немало разных капель. Только делиться ими в этот раз не спешил. Как-то сразу засобиравшись, снял домашний арест и сообщил, что завтра непременно свяжется или заедет.

Провожать Бородин не пошел.

10

Рядом с громадой Семенова виднелась хрупкая фигура Курочкина. Афанасий что-то быстро рассказывал, городской недобро хмурился.

– В чем дело, господа? – весело спросил Родион.

Филер внешне подтянулся, как для доклада, и сообщил:

– Захожу в чайную, деревянный дом, построен лет десять назад, три окна на юг, три на север, крыльцо с двумя окнами, труба, около входа бочка с дождевой водой, в сенях вязаный половик, пол струганый, метеный, чистый, буфет массивный лакированного дуба возраста примерно тридцати лет, с зеркалами, самовар на десять ведер, медный, тульский, вмятина на левом боку, в помещении пять обеденных столов, скатерти на одном, три половых, хозяин за стойкой, мужчина около пятидесяти с бородой, росту среднего, крепкого телосложения...

– Афанасий Филимонович! – взмолился Ванзаров. Уникальная память филера вбирала в себя все без разбору. Курочкин запоминал буквально каждую деталь. Если его не остановить, он сообщил бы, сколько цветочков на занавесках и половиц в полу, и не успокоился бы, пока не перечислил все чашки с блюдами. Заткнуть этот фонтан можно было одним способом: – Итак, сели, заказали обед. Что слышали за соседним столом?

Афанасий деловито кивнул, словно прокрутил в голове магнитную пленку (подумаешь, про нее еще никто не знал, а в голове филера она была, не приставайте), нашел нужное место и доложил:

– Говорят о вчерашнем происшествии. Тема разговора обоим понятна, вспоминают детали и смеются. Фразы связать трудно. Якобы смысл такой: не надо ставить, если сары нет. На что второй отвечает: расчет получил и будь доволен.

Родион терпеливо ждал. Наверняка мозг филера, автоматически включив запись (отстаньте же!), вдруг уловил нечто важное. Нельзя сказать, что Афанасий всегда подслушивал, что творится вокруг, но профессия все-таки глубоко вошла в характер. Курочкин невольно следил за всем.

– И вдруг другой отвечает: лихо ты на расчет глаз вынул.

– Глаз вынул? – переспросил Ванзаров. В байковом языке, насколько помнил, глазом именовали паспорт. «Игрой на глаз» называлась игра краплеными картами, «глаз яманный» значило «поддельный паспорт», «ходить без глаза» – быть без паспорта. Но «на расчет глаз вынул» не имело смысла в воровском языке. Если только мазурики не говорили в прямом смысле.

– Я сразу подумал: почему так странно о глазе говорят, – словно угадав мысли, гнул свое Курочкин. – О паспорте не принято вот так, вслух. Все-таки чайная, не «малина». Хотя если бы говорил о глазе, должны были сказать «зенки»...

Не имея желания разбираться в уголовной лингвистике, Родион отправился в чайную. Посетителей уже и след простыл. Хозяин честно признался: пришлые, вчера были и сегодня зашли. А раньше не видал. С досады Афанасий составил подробный словесный портрет, но, какой бы он ни был тщательный, под такие данные могла подойти добрая половина мужиков, шатающихся по улицам. Такие вот невыразительные мазурики попались.

Курочкин обещал, что, как увидит их, непременно задержит. Можно было не сомневаться. Родион храбрился, делая вид, что ничего страшного не случилось и вообще все это могло оказаться ерундой, но стальное сердце скрипело от обиды. Почему-то ненадежный орган был уверен: упустили тех самых важных, кто и подкинул глаз в варенье. До слез было

обидно. Прямо рок какой-то.

11

На заднем дворе 4-го участка Казанской части было по-вечернему прохладно. Так мило – и воздухом подышать, и сигаретку выкурить. Чем, собственно, и баловались утомленные чиновники, набегавшиеся за день от души.

– Наш-то молодчик опять труп притащил, – сказал губернский секретарь Редер, выпуская струйку дыма.

– С него станется. Хорошо, хоть дело не завел, – поддержал коллежский секретарь Кручинский, скрытый в табачном облаке. – Желудь счастлив и на этом.

– У меня прямо сил нет, весь выдохся...

– Понимаю вас, голубчик, сам как загнанная лошадь. Столько бумажек перерывать.

– Заметьте, голубчик, и мы с вами даже понятия не имеем, над чем трудимся.

– Что мы, даже сам Желудь без понятия.

– Все же знаю, для чего мы потом исходим, – уверенно сообщил Редер.

– Неужели? Поделитесь, – попросил Кручинский.

– А трудимся мы ради того, чтобы кое-кто получил награду и повышение.

– Ах, как верно, коллега. С него станется.

– Этот по головам пойдет...

– Да, высоко юнец метит, чего доброго и взлетит.

– Еще всеми нами покомандует. – Чиновник Редер сделал последнюю затяжку. – Большими талантами наделен юноша.

Чиновник Кручинский вдруг задумался, погасил сигаретку и сказал:

– А вы, господин Редер, о господине Ванзарове пренебрежительно отзывались.

– Неужели? Не вы ли, господин Кручинский, ему мелкие пакости делали?

– Я? – взвился оскорбленный коллежский секретарь. – Никогда! Наоборот, всегда говорил, что Родион Георгиевич обладает исключительными талантами!

– Нет, милостивый государь! – вскричал еще громче губернский секретарь. – Это я всегда утверждал, что Родион Георгиевич – выдающийся специалист и мудрый начальник. Под его руководством – одно наслаждение служить.

Чиновники продолжали препираться, распаляясь в праведном гневе. А совсем рядом ворчал припавший к открытому окну пристав: «Вот ведь, подлецы, продали ни за грош. Сколько им добра сделал. Ну ничего, и не таких молодчиков обскакивали».

Сам же выдающийся специалист, он же исключительный талант, не зная, какой чести удостоился от недавних врагов, запечатал письмо и отправил с курьером. В письме этом сообщал господину Москвину, что дочь его среди мертвых не обнаружена, что уже неплохо. Потому что среди живых всяко найдут. Именно такой вывод можно было сделать, перевернув гору справок из всех больниц, моргов и мертвецких. Да, и просил передать привет маменьке. Довольно холодный привет, надо сказать.

Разобравшись с одним, Родион принялся за другое. Оказалось, проследить биографию госпожи Нечаевой по документам невозможно. Наверняка известно, что до недавнего времени числилась она по Врачебно-санитарному комитету бланковой проституткой. Но буквально на днях ее вычеркнули для улучшения отчетности, так что бумаги сохранились чудом. Была ли до этого билетной, и вовсе неизвестно. Как только девица переходила в другое звание, отчетность сразу улучшалась, то есть документы списывались. Никаких иных данных на нее не обнаружено. Справка из паспортного стола подтверждала: имеет разрешение на проживание в столице и приписана к меблированным комнатам Худякова. Заграничного выездного и личного паспорта не имеет.

О госпоже Незнамовой удалось выяснить несколько больше. Родилась не в Базеле, а в Петербурге, действительно была сиротой, вернее подкидышем, выросла в сиротском доме. После чего трудилась белошвейкой, продавщицей, но, что удивительнее всего, числилась

бланковой, то есть проституткой, как минимум последние три месяца. С учетом даты выдачи бланка – уже семь лет. Рекорд в своем роде. Была ли до этого билетной, что вполне логично, справок не имелось. Впрочем, как и паспортов. Как с таким послужным списком ей дали ангажемент в «Аквариуме» и при этом ни один репортеришка не докопался, что на сцене выступает действующая проститутка? Истинная загадка.

А вот с одноглазым трупом было куда проще: за последние дни ни участкам, ни больницам такой подарок не попадался.

Вынырнув из океана фактов и справок, Родион ощутил, что плавает в океане вранья. Врали все. Глупо и умно, тонко и нагло, но врали. Для чего? Ответов было несколько, и только один из них, быть может, правильный. Словно разнообразные дамы и господин надели древние театральные маски и разыграли трагедию. И даже рок не забыли.

Пристроив глазастую баночку в письменном столе, Родион подхватил саквояж с чистым бельем, в которое мечтал облачиться, и связку книг, куда же без них. На выходе ему чинно поклонились чиновники Редер и Кручинский и даже устроили некоторую толкотню за честь открыть господину Ванзарову дверь.

Прогулка через уснувший Сенной рынок напомнила об усталости. Родион уже мечтал, как рухнет в подушку, как сладко сожмет ее... Он был уже у ворот своего дома, когда сзади кто-то отчаянно вскрикнул.

12

В хилем свете газовых фонарей предстало странное зрелище. На тротуаре распластался какой-то парнишка, выпучив глаза и тихо поскуливая. Одной рукой он сжимал нечто белое, другая была лихо заломлена за спину. Да еще удерживалась в неестественном положении профессиональным захватом.

– Фрейлейн фон Рейн? – до конца не веря собственным глазам, спросил Родион. – Что вы тут делаете?

– Спасая вам жизнь, – ответила Ирма, пыхтя, и подкрутила захват. – А ну, лежать тихо...

Жертва застонала и слезным голосом попросила пощады.

Саквояж с вязанкой томов выпал на тротуар. Родион наклонился к пойманному: лицо обычное, посыльный в лавке или работник мастерской, лет не более четырнадцати, еще мальчишка, глуповат и трусоват. На убийцу явно не тянет. И попросил его отпустить. Паренек, скуля, потирал крученный локоть, но бежать не собирался.

– Письмо передать велели, – всхлипнув, сказал он. – А она...

– Кому письмо? – ласково спросил Родион.

– Да откуда мне знать, сказали, в квартиру №*, в дверь сунуть, и все. Рубль дали. За что обижают...

Как нарочно, в этой квартире обитал некто Ванзаров. А потому жилец поинтересовался:

– Ты вчера письмо приносил?

– Само собой. – Парнишка даже удивился такой глупости: барин плотный, а таких простых вещей не понимает.

– Кто же тебя попросил?

– Да барышня какая-то. Сунула два письма, сказала одно вчера отнестъ, другое нынче. Рубль дала, мало, конечно, но, может, господин хороший не пожалеет...

Адресат попросил письмо. В конверте оказался листок со словами, напечатанными типографским шрифтом:

ты погибь через меня

никто не может указать

виновника этого преступления.

Все те же строчки источали запах, который Ванзаров, несомненно, знал. Такой знакомый, но не вспомнить.

- Что за барышня? – все так же ласково спросил чиновник полиции.
- Деваха какая-то, я почему знаю. Первый раз ее видел, – парнишка утер нос.
- Тебя как звать?
- Никитка.
- Скажи, Никитка, деваха кому велела передать: Ванзарову?
- Нет, только сказала адрес и деньги дала.
- Узнать ее сможешь?
- Почему я знаю? Деваха как деваха... Отпустите, чего мучаете. Зла не делал...

Пообещав трешку, если Никитка скажет, где его найти завтра, Родион узнал адрес: парнишка трудился подмастерьем в жестяной лавке неподалеку. Добровольный почтальон был отпущен в ночь, а к госпоже фон Рейн обращен строгий взгляд:

- Так что делаете в такое время в таком месте?
- У берлинской полиции своя методика изучения проституции, – сердито ответила Ирма.

Ситуация оказалась довольно комичной. Желая подробнее изучить уличных соблазнительниц, Ирма отправилась на вольную охоту. Ночные бабочки на Садовой улице в грубой форме отказывались говорить с незнакомой госпожой. Ирма была в отчаянии, как вдруг увидела на другой стороне улицы знакомую косолапую фигуру. Она не собиралась беспокоить господина Ванзарова, но заметила, что за ним следует подозрительный тип. А когда тип сунул руку за пазуху, словно за ножом, инстинкт полицейского сработал – Ирма бросилась на помощь.

Внезапно Родиона осенило: под отталкивающей одноглазой маской немецкой сыщицы прячется удивительно добрая и честная душа. Прямо-таки родственная. Ванзаров невольно улыбнулся, усы поползли вверх, а что еще барышне надо. Ирма немедленно оттаяла. Но Родион на этом не остановился, рассыпался в благодарностях и пригласил на позднюю чашечку кофе.

Сидя в пустом кафе и болтая о всяких пустяках, глотая крепкий кофе, жуя холодную булочку и даже позабыв о несвежем белье, Родион ощутил, как хорошо и просто рядом с этой... нет, не женщиной, а товарищем. Уютно и чисто. Без всяких таких мыслишек. И это было удивительно приятно. Не ожидая от себя подобной откровенности (стальное сердце и все такое), он предложил рассказать о странном деле, которым занимается теперь. Ирма заинтересовалась, внимательно выслушала, задала несколько дельных вопросов и задумалась.

- Неужели допустил промах по части логики? – спросил Родион.
- Нет, я думаю о том, чего вам давно хочется.
- И чего же?
- Узнать, как потеряла глаз.

Родион был приятно удивлен такой прозорливостью.

– Хорошо, я расскажу, но... – Тут Ирма коварно улыбнулась. – Только при условии, что разрешите помочь вам в этом деле. Согласны?

Нет, женщина все равно останется женщиной, даже с одним глазом. Есть у них в натуре этакое неприятное лукавство. Уняв досаду, Родион принялся торговаться (есть у него в натуре это неприятное качество – и откуда?).

- Что будет с вашим докладом?
- Бумажки писать умею не хуже ваших чиновников. Нашему начальству, как и вашему, главное, чтобы было правильно. Отчет будет блестящий.

На душе стало приятно оттого, что и за границей начальство не умнее отечественного. Какая-то загадочная закономерность.

– Соскучилась по настоящей работе, – пожаловалась Ирма. – Ну пожалуйста, герр Ванзаров. Получаете бесплатного помощника. Чем плохо.

– В таком случае определимся с убийцей, – окончательно сдался стальной герр. – Зададим простой вопрос?

– Извольте! – Единственный глаз фрейлейн радостно загорелся.
– Если убийство Марфуши было грубо организовано, а смерть Варвары – так чисто, о чем это говорит?
– Разные убийцы.
– Согласен. Другой вопрос: кому из них нужно посылать угрожающие письма?
– Тому, кто опасается, что вы подошли слишком близко.
– А может, проще?
– Поясните.
– Смотрите: «никто не может указать виновника этого преступления». Понимаете? Меня подталкивают, будто помогая. А первая фраза, чтобы не слишком спешил.
– Что из этого следует?
– Один из них не знает про другого наверняка и боится стать жертвой. И таким странным образом хочет мне помочь.
– Намекаете, что...
– Рок еще потребует новых жертв. И я не в состоянии ему помешать.
– Попробуем решить эту головоломку...
Ирма заказала еще кофе. Они проговорил до полуночи, пока сонный хозяин не попросил их. Как все-таки приятно общаться с умной женщиной, хоть и пиратского вида.

Карамболь

При игре на бильярде вовсе не требуется ни тонкости чувств, ни творчества, ни гениальности. Нужно только обладать хорошим зрением и сообразительностью, а остальное сделает «школа» и практика.

Там же

1

Да, господа, бывает все на свете хорошо так, что и не поймешь сразу, в чем дело: то ли летний дождь прошел, то ли какая другая напасть. Редко, но бывает. Такое вот хорошее утро выдалось. Родион подскочил полон сил, хоть спал не более трех часов, в прекрасном расположении духа, горя желанием подвигов, как молодой бычок перед корридой. Но и дальше все пошло хорошо. На лестнице не попался домовладелец, в трактире яичница не подгорела, а чай был крепок в самый раз. На улице стояла погода, какой лето прощается, – тепло и благодать. Дальше пошли и вовсе чудеса: никто не наступил на ногу, никто не толкнул на Сенном рынке, и даже извозчик не обдал пылью. Невольно в стальное сердце юноши заползло предчувствие: в такой день должно случиться что-то хорошее. Быть может, развяжется узелок бородинского дела? Всякое возможно.

Участок встретил юного чиновника, как старая гвардия божественного Наполеона. Ему улыбались и желали доброго дня, в ответ улыбался он и желал того же. Нечто вроде благоденствия, редко гостящего в этой стране, воцарилось само собою в присутственном месте. Родион с удовольствием уселся за свой стол и мечтательно уставился в окно, обдуваемый нежной прохладой. На душе было так хорошо, что незаметно отдался тайной страсти: различать запахи. И пахло как-то волшебно. Ни навоза, ни помоек и прочей городской вонь, а только переливы крыжовенного варенья под мелодии черничного и яблочного. Как вдруг в воздухе повеяло чем-то неуловимо мерзким. Это ощутил не только нос Родиона. Кошка на заборе, тревожно выгнув спину, сиганула вниз, голуби заволновались и взлетели тучей, даже старая кляча, поворотя морду, прядала ушами и фыркала. Не прошло и минуты, как удушающий аромат, описать который нет ни сил, ни желания, заполнил все. Не веря счастью, Родион принялся, фыркнул не хуже лошаденки и чуть не прыгнул до

потолка. И было от чего.

Широко распахнув дверь, в участок вошла, нет, всплыла огромная фигура, при одном появлении которой будто вспыхнул свет и загремели фанфары. Родион сдерживался изо всех сил, чтобы не кинуться навстречу и не схватить вошедшего в охапку. Фигура затянулась сигаркой с жутчайшим никарагуанским табаком, выпустила струю дыма, от которой пригнулись курящие чиновники, и громогласно заявила:

– Что это в вашем участке вечно духота! Хоть бы окна открыли, а то не продохнуть, да. Живете как на конюшне, господа. Или мылись бы чаще...

Ну, конечно, это был Лебедев. Кому бы еще позволили такую восхитительную наглость. Великому криминалисту сходило многое. Был он настолько обширен, что обычные мерки признали для него мелковатыми. Начать с того, что рост имел гренадерский, а обхват груди героический. Характер – бурный, разнообразный, но веселый, что подкашивало барышень не хуже пули. Голос громогласный, манеры развязные, за словом в карман не лез, под горячую руку как-то отвесил тумака самому приставу 2-го Спасского участка. Но главное, в рамки приличий не помещался его талант, пугающе безграничный. Все научные способы раскрытия преступлений – известные, новейшие и неоткрытые, все тонкости криминалистики знал он в совершенстве. Не было в России, а может, и в Европе эксперта, заслужившего такой авторитет. Что называется – по делам его и воздалось ему. Заработанная к тридцати годам слава дала совершенную свободу в отношениях с людьми. Дураков называл дураками в глаза, а умных не жалел хвалить. Начальство его смертельно боялось, но тайно боготворило. Так что более гремучей смеси разнузданности и мастерства вряд ли сыщете.

К тому же Аполлон Григорьевич слыл модником. Как любой счастливо неженатый мужчина. Уже с утра облачился в роскошный кремовый пиджак с бутоньеркой из фиалок, вызывающе полосатый жилет, ботинки сверкали чуть не кобальтовым блеском. Отдохнувший щеголь не забыл прихватить и походный чемоданчик криминалиста. Мало ли что.

Не зная, как себя вести, Родион замер.

Легкой походкой человека из отпуска Лебедев приблизился, не церемонясь, водрузил чемоданчик на стол и пыхнул сигаркой:

– Ну, юный гений, как служба? Много жуликов изловили без меня?

Протянутую ладонь, крепкую и обожженную миллионом химикатов, Родион пожал со всей горячностью, на какую было способно стальное сердце. Как же обрадовался появлению своего... друга. Да, можно сказать это бесценное слово. Знакомству их было от роду три месяца, но как-то сразу вышло, что эти столь разные господа ощутили душевную близость и нашли друг в друге глубокий интерес. Необъяснимая химия ума, чего тут говорить.

– Милый Аполлон Григорьевич! Как мне вас не хватало...

На усатой физиономии чиновника полиции застыла такая искренняя, распахнутая радость, что Лебедев в смущении хмыкнул, отправил сигарку в окно и приобнял юношу. Трогательно, прямо слеза наворачивается.

Выпорхнув из нежного захвата криминалиста, Родион засуетился, выясняя, не принесли ли чаю или... чаю. Водка в участке держалась для городских по штатному распорядку, но какая водка в такой час.

– Ванзаров, хватит мельтешить. Я сыт и пьян любовью.

Родион послушно сел:

– Прямо не могу поверить: вы! У вас же отпуска еще недели три осталось. Это чудо... Или что-то приключилось?

– Надоело, – Лебедев сбил пылинку с бутонарьки. – Каждый день одно и то же: новый роман да новый роман. Дамы в Ялте как с цепи сорвались. Вам бы туда. Усы имели бы успех. Махнем на будущий сезон? Вследствие изобилия набил оскмину, да. Ну в самом деле – только живые и разгоряченные тела. Ни одного трупа за две недели. Представляете эту пытку?

Заниматься подобными упражнениями Родион не собирался, мало ли, вдруг разгорячится. Зато совсем другая страсть не давала покоя.

– Как вообще отдохнули? Успешно? Сил набрались?

Светская интонация не помогла. Лебедев погрозил пальцем:

– О, коварный! Вижу, готовите подвох, да.

– С чего взяли?

– Ох, Ванзаров, уж хитрющий. Но меня не проведешь, да.

– Ничего подобного и в мыслях не было...

– Ладно церемонии разводить, вываливайте на голову старика Лебедева, что накопили.

Но с этим пришлось повременить. Пробило десять, и, как по команде, напротив стола выстроилась шеренга. Юный чиновник несколько подзабыл, что приказывал еще вчера. Смущаясь присутствием друга, принял суровый вид, предъявил фото барышни Москвиной и начал командовать. Во-первых, было приказано размножить снимок. Далее, чиновнику Редеру поручалось обойти все гостиницы в поисках пропавшей. Это же велел сделать чиновнику Кручинскому, только в меблированных комнатах. А вот чиновнику Матько доверил проверить пансионы. Господа полицейские приняли указания как личное счастье и немедленно убрались из участка.

Событие произвело на Лебедева впечатление.

– Гляжу, время они даром не теряли. Не хватало, чтобы пристав честь отдал.

Ванзаров хотел объяснить, что это все ерунда, и не виноват он, и вообще это отблеск власти полицеймейстера, чиновники же отправлены, чтоб не мешались под ногами. Много хотел объяснить. Но тут, как назло, с верхнего этажа явился Желудь, подобострастно отдал честь и спросил, нет ли каких указаний для него. Залившись краской, Родион буркнул что-то невразумительное. Пристав поблагодарил и отправился руководить порядком на улице.

Закинув ногу на ногу, Лебедев спросил глубоко елейным тоном:

– Ничего, что сижу, ваше благородие?

Родион готов был от стыда провалиться. А потому полез за банкой. Вынул предмет, болтавшийся в водке, поставил на край стола и многозначительно добавил:

– Вот.

Аполлон Григорьевич прищурился:

– Сами выдрали или кто подарил?

И опять объясниться не дали. В участке появилась Ирма. Ах как не вовремя! Увидев даму в пиратской повязке, красотой спорящую с дохлой акулой, Лебедев потерял дар речи. От всех этих происшествий Ванзаров чуть не вспотел, но вынужден был принести извинения и отбежал пошептаться с Ирмой. Барышня-сыщик все поняла, отправилась немедленно, но наградила криминалиста нехорошим взглядом, в котором, быть может, удалось разглядеть что-то вроде ревности. Совсем обессилев, словно пробежал до Крестовского острова, Родион плюхнулся в кресло и ладошкой вытер лоб.

– Это что за фея? – обретя дар ворочать языком, осведомился Лебедев. Кажется, и он не испытал к барышне теплых чувств. И почему так бывает?

– Да это так. Из берлинской полиции... Коллега... Занималась исследованием публичных домов. Ну и мне помогает немного. По мелочи, – пролепетал Ванзаров.

– Всегда знал, что вы талант! – одобрительно заметил Аполлон Григорьевич. – Но теперь вижу: и жулик отменный. Надо же такое придумать: хочешь глаз обратно – изволь работать! Бедная берлинская полиция. Приехала в Россию опыта набраться, тут ей zenки и выдрали. Осталось Скотланд-Ярд таким же макарон запрячь и Сюрте заодно.

Бедный юноша уже и не знал, как выпутаться. Но Лебедев сжалился. Рассматривая банку, разрешил изложить историю, давно уже просившуюся на язык. События, пересказанные четко и сухо, без эмоций и догадок, одни факты, как учит логика, оставили криминалиста внешне равнодушным:

– Чего именно хочет от вас Бородин? Злодеяния как бы нет.

– Это самый главный и непонятный вопрос. Формально – защитить от рока.

– А на самом деле? Что расследуем?

– Я бы пока воздержался от выводов, – дипломатично ответил Родион.

Размяв мускулы спины, приметные под пиджаком, Лебедев встал и подхватил чемоданчик. Все же пригодился:

– Ну и где ваша красotka?

– В мертвецкой участка, – Родион собрался проводить.

– Так и знал, – скроил печальную мину Лебедев. – Не успел человек из отпуска вернуться, а его сразу в морг. Работа – это счастье, да!

2

Редакция и контора ежедневного «Петербургского листка» располагались на Екатерининском канале. То есть счастливо процветали под властью 4-го Казанского участка, если не сказать в двух шагах от него. Выставленный из холодной мертвецкой за излишнюю горячность и попытки совать нос под скальпель криминалиста, а также надоедливые вопросы, нашли ли уже что-нибудь, Ванзаров решил убить томительный час ожидания в приятной беседе. Хотелось к тому же ознакомиться со сплетнями, до которых репортеры большие охотники.

Чиновника полиции, как дорогого гостя, отвели прямиком в кабинет редактора. Господин Лихоткин в это время суток пребывал в благодушном расположении духа: утренний номер уже продавали мальчишки-газетчики, а до вечернего еще оставалось часа два-три покоя, пока газетная мясорубка не закрутится на полную силу. Визитера принял в буквально распростертые объятия. Нельзя сказать, чтобы Ванзаров уже приобрел славу, скорее наоборот, но недавнее дело, аккуратно сброшенное приставом в газету с поминанием ванзаровских заслуг, уже сослужило хорошую службу.

Опережая предложение выпить-закусить, Родион предупредил: у него считанные минуты, а потому сразу к делу.

– Могу узнать кое-что об одном из ваших авторов? Неофициально.

Лихоткин заговорщицки подмигнул, дескать, сыскной полиции выложит все, что знает, только укажите.

– У вас публикуется некая госпожа Нечаева. Бильярдные задачки.

Бравый редактор заметно скис, погрузился и даже переместился из-за командного стола поближе к гостю, вроде для интимной беседы.

– Могу надеяться, что это не покинет стен комнаты?

Родион обещал похоронить в душе своей все, что узнает.

– Понимаете... – Лихоткин манерно замялся. – Дело в том, что она не совсем автор.

– Псевдоним? Наподобие Розового Домино?

– Не псевдоним. Барышня действительно приносит задачки и расписывается в гонорарной табели. Но...

– Все останется между нами. Печать тайны и все такое. Надеюсь, слову сыскной полиции верите?

Волшебные слова развязали язык.

– Задачки составляет не она.

– Неужели? Вот это да! И все удалось сохранить в тайне от редакции? Поразительно! Вы большой мастер! – Родион не скупился на комплименты, чтобы подсластить главный вопрос. – А кто же автор?

– Некий господин Бородин, – прошептал Лихоткин.

– Нил Нилыч? Звезда петербургского бильярда? Маэстро кия и волшебник шаров? Ну надо же! Как уговорил вас?

– Дружеское одолжение. И сама скромность. Объяснил, что земной славы ему и так хватает, надо давать дорогу молодежи. Читателям будет занятно разгадывать загадки, написанные рукой юной бильярдистки, а не матерого волка.

– Меня не интересует сумма, в которую Бородин оценил дружеское одолжение. Только его доводы.

Лихоткин смущенно хмыкнул, но запыраться не стал:

– Поверьте, все было обставлено именно так. Но я-то знаю, в чем дело...

– Тайна и могила.

– Верю вам. Дело в том, что господин Бородин как-то раз поспорил, – редактор перешел совсем уж на интимный тон старого сплетника. – Год назад в бильярдной зале «Отель де Франс». Выиграв подряд четыре партии, заявил, что в бильярдной игре нет тайн, одна техника. Берется обучить любого, да хоть барышню с улицы, и сделать из нее отличного игрока за месяц. И сделал.

– Госпожу Нечаеву.

– Так вы же все знаете! – расстроился Лихоткин. Пришлось успокоить: только логика и ничего более. Редактор продолжил: – Но господа бильярдисты сочли, что дама была специально подучена. Тогда Бородин предложил пари, чтобы ему предоставили любую. Как раз в клубе находилась...

– Госпожа Незнамова, – опять встрял Родион. Что за характер нетерпеливый!

Лихоткин только кивнул.

– Значит, результатом двух пари стал позавчерашний матч?

– Репортер дал подробный отчет. Великолепно описал.

– Да, чудесно, – соврал Родион, вспоминая, что за вчерашний день не успел просмотреть ни одной газеты, вот до чего дошло. – Но при чем тут задачки?

– Ничего не утверждаю... Одни слухи...

– Разумеется.

– Бородин таким образом расплатился с госпожой Нечаевой за согласие быть спарринг-партнером.

– То есть госпожа Незнамова не просто была знакома с Варварой Ивановной, но обучалась игре при ее помощи?

– Именно так, – Лихоткин сделал многозначительную мину: дескать, у богатых свои причуды. – Это всем известно. Потому такой интерес к матчу.

– Я заметил, – меланхолически согласился Родион, пытаясь сплести новую логическую

цепочку. Но нить рвалась, не желая вязаться.

Репортерским нюхом Лихоткин уловил запашок жареного и стал аккуратно выяснять, о чем раздумывает сыскная полиция. Родион улыбнулся во все усы:

– Скажите честно: гонорар барышне платите?

– А как же. Задачки хорошие, читатели довольны. Двадцать пять рублей.

Итого, в месяц выходит сотня. Без шика и блеска жить можно. Разумеется, без роскошных духов. Откуда же барышня берет средства, чтобы свести дебет с кредитом? Бильярдом, что ли, зарабатывает? Или Нил щедр без памяти? Нет, этот скорее кий подарит или ужином угостит.

– За деньгами в контору приходит?

– Госпожа Нечаева просила переводить на ее счет в Торговом банке. Удобно, и мы там счета держим.

– Вы очень помогли, – сказал Родион, покидая газетное кресло. – И я не могу остаться в долгу. Мой совет: тщательней подбирайте авторов.

– Что такое? – встревожился редактор.

– Если конкуренты пронюхают, что в уважаемой газете публиковала статейки бланкетка, может выйти неловкость. От меня ничего не узнают, но сплетников полно.

Редактор живо представил, что может быть. И ужаснулся. Что за странность: репортер пишет, за что платят. Это никого не смущает. Но если печатается настоящая проститутка – скандал. Парадокс, да и только.

Газетчик благодарил безмерно, обещая немедленно пресечь безобразие.

– В этом нет нужды, – Родион повернул к двери.

Лихоткин недоуменно выжидал.

– Госпожа Нечаева внезапно скончалась у себя в номере. Как раз сейчас заканчивается ее вскрытие, – пояснил честный юноша и поскорее вышел из кабинета.

А то ведь репортеры как дети: дай им конфетку – потребуют всю коробку.

3

Кабинет великого, без кавычек, криминалиста помещался в особняке Департамента полиции на гранитном берегу речки Фонтанки, как раз напротив Инженерного замка – мрачного и царевбийственного. Где император Павел получил по лбу табакеркой от верных друзей своего сына и наследника, впоследствии императора Александра Благословенного. Как, однако, все переплетается. Но речь не об этом.

Так вот. Этот самый кабинет, если кто позабыл, напоминал нечто среднее между химической лабораторией, сараем старьевщика, набитым рухлядью, и арсеналом бесценного опыта науки. Порочная привычка Лебедева ничего не выбрасывать превратила просторную комнату в дремучий лес, в зарослях которого пролегали узкие тропинки. Горы хлама, химических реторт, фотографий, загадочных и просто ужасных предметов привольно разместились, где их бросила хозяйская рука. Но в чудовищном беспорядке Лебедев умудрялся отыскивать нужные справки. Быть может, свалка была устроена нарочно, как ловушка: ничего не спрятано, все на виду, а найти невозможно. Сунься чужой, скажем, уничтожить важную улику – ничего не отыщет. Ну а о вьевшемся запахе никарагуанских сигарок и говорить нечего: мало кто из храбрецов выживал с ними пять минут.

Сам хозяин, скрестив руки, с ненавистью взирал на увесистую стопку дел, каждое из которых требовало неперемного его участия. Это зрелище заставило Родиона притихнуть, хоть и влетел он к Лебедеву без стука.

– Что творят! – мрачно процедил Аполлон Григорьевич. – Человек на две недели отбыл в отпуск, а ему гору навалили. Будто других экспертов нет.

Была в этом доля горькой правды. Каждый следователь старался, чтобы его дело попало непременно к Лебедеву. Тогда можно не опасаться за результат: гений ничего не упустит и не перепутает. Да, тяжко бремя славы...

– Извините, я не вовремя, – Родион попятился к двери.

– Ванзаров, куда? К вам не относится. Вон стул, располагайтесь.

Любезное приглашение подразумевало: если уберешь все, что на него навалено. Юноша постарался и сел, героически не смахнув странный порошок сероватого цвета.

– У меня там цианид, кажется, просыпался, так вы осторожней, он через ягодицы впитывается, – сообщил радушный хозяин.

Подскочивший резвее пчелки коллежский секретарь был награжден наглой ухмылкой.

– Эх, Ванзаров, умный, а доверчивый. В полиции надо быть настороже. Всегда, мой юный друг, да.

Ну что вы хотите: дружба с гением имеет свои радости. Надо привыкать. Родион ничего против не имел. Тем более и сам не промах. Ну да ладно.

Хозяйская рука расчистила на химическом столе полянку и положила тонкую папку криминалистического протокола.

– Удалось найти что-нибудь любопытное? – спросил Родион с плохо сыгранным равнодушием. Если бы не приличия, кинулся бы на эти бумажки, как коршун на мышонка. Но солидному чиновнику полиции, не мальчишке, надо держать лицо, сами понимаете.

– Кто у нас мастер разгадывать загадки? Так вот и скажите...

– Ну Аполлон Григорьевич!

– Так вот и скажите, – упрямо повторил Лебедев. – На трупе нет внешних повреждений, ни малейшего следа удушья, в легких ни капли воды. В желудке – горстка переваренной пищи. Никаких отеков или признаков удушья подушкой. Никаких отметин под ногтями или во рту. Внешних следов популярных ядов тоже нет. Что остается?

Вывод участкового пьяницы, повторенный Лебедевым, прозвучал как приговор. Ванзаров постарался не унывать вот так сразу, а хоть обождать чуток, и, как мог спокойно, спросил:

– Полагаете, умерла сама?

– Вы ответьте.

– Уверен: убили, – упавшим голосом сказал Родион. И добавил: – Изощренно.

– Молодец, что уверен, – безрадостно похвалил Лебедев. – А я вот не очень.

– Что же делать?

– Думать, молодой человек! – Безвинное пресс-папье с грохотом слетело на пол. – Нужны дополнительные сведения. Нашли что-нибудь странное или необычное?

– Соседи показали: Нечаева смеялась до глубокой ночи, но...

– Так что же вы молчали! – вскричал великий эксперт. – Чуть голову себе не сломал, а он факты скрывает, да!

– Я не скрывал...

– Ерунда, сам виноват. – Гений погас, как вспыхнул: внезапно.

На всякий случай Родион не дышал, чтоб не спугнуть удачу, только высунувшую хитрую мордочку.

– Тело, конечно, изумительное. Роскошный экземпляр. Умеете подобрать жертву. Ну так вот, как вскрыл желудок, покопался в кишках, сразу понял: дело нечисто. Знаете, почему? Запах чеснока. Слышали же...

Действительно, показалось, что в мертвецкой пахнет резковато. Но Родион списал на бытовые причины.

– Главное доказательство – смех жертвы. Отравление не просто мастерское, а виртуозное. Применен бромэтил! Представляете? Только не путайте с бромэтиленом.

– Не буду, – пообещал Родион. – А что это такое?

– Бромэтил – прозрачная бесцветная жидкость приятного эфирного запаха. Применяют для кратковременного наркоза. При вдыхании его бывает судорожный смех. Человек испытывает нечто вроде эйфории. При большой дозе или плохой очистке вещества смерть наступает неожиданно, спустя несколько часов после наркоза. В организме практически не остается следов. Препарат настолько редко используют для отравлений, что даже в учебнике

«Судебная медицина» великого Гофмана о нем говорится вскользь. Но главная сложность не в этом.

– Как он попал в организм Нечаевой?

– Именно! Выпить бесполезно – сразу рвота. Чтобы был эффект, надо вдыхать. Рядом должен находиться кто-то, кто держит жертву и заставляет ее дышать парами. Нужна очень большая доза. Но ведь в квартире никого не было, и Нечаева заперлась на ключ изнутри. При действии бромэтила она бы и пальцем не смогла пошевелить. Вот в чем загадка. Что будете с ней делать? Формально у меня нет прямых доказательств... Чего это усы распушили?

Нельзя сказать, что Родион сильно обрадовался, но приятное чувство отмщения за выволочку, которую получил, – испытал. Не будем этого скрывать. Не говоря лишнего, извлек пузырек с этикеткой «Ампир» и водрузил на стол.

– Самая прямая и верная улика.

Повертев и даже обнюхав содержимое, Лебедев презрительно хмыкнул:

– Ну, поразите меня.

– Бромэтил налили в этот флакончик. Быть может, чуть-чуть добавлено духов. Нечаева получила подарок и, как большая любительница духов, захотела попробовать. Запах оказался завораживающим, она стала брызгаться и вдыхать. Теперь понятно, почему ее нашли обнаженной.

– Экстаз и восторг?

– Конечно. Она была в эйфории и буквально искупалась в духах. Умирала смеясь. Пустой флакончик упал под диван. Все просто и виртуозно, как вы сказали. Фактически – самоубийство.

Поискав хоть какой-нибудь веский аргумент, Лебедев не нашел ничего. А потому дружелюбно улыбнулся:

– Ну, красавец усатый! Недаром Желудем уже командуете. Еще и меня, старика, погоняете...

– Аполлон Григорьевич!

– Что вы сегодня такой серьезный, юноша! Сразу видно – не были в Ялте, да. Давайте за эту маленькую победу по глотку коньяка и по сигарке... Кстати, не забудьте познакомить с этим химиком-фокусником, когда найдете. Очень любопытно узнать, что за персона. Наверняка знаете кто?

– Только смутные догадки, ничего конкретного, – неуверенно соврал Родион и сменил опасную тему: – Бромэтил применяют в хирургии?

– В основном в зубоврачебной практике.

– Им зубы лечат?

– Нет – заговаривают! Бромэтил снимает боль, особенно при удалении зуба. У этой и зубы прекрасные, и тело. Стала бы чудесной матерью...

– Хотите сказать, Нечаева беременна?

– Нет, не хочу. Но должен. Четыре недели, как по учебнику. Так сказать, *ressatum originale*¹. Вы куда это собрались?

– Мне тут... Я это... И все такое... – промямлил Родион, бочком пробираясь к двери. Но не успел. Лебедев бросился в погоню с криком:

– Ага, убийцу брать? И я с вами!

Как ни убеждал Ванзаров, что брать никого не собирается и вообще едет в частный дом, криминалист был неумолим: подхватив чемоданчик и встав поперек дороги, сообщил, что без него можно уехать только через его труп. Не иначе.

Что делать? Пришлось выкинуть последний козырь:

– Разве профессиональный долг позволит вам оставить обязанности? Вон сколько дел накопилось...

– А я – в отпуске! – победоносно крикнул Аполлон Григорьевич. – Еще три недели. И долг со мной в отпуске, да. Вот так. Чего встали? Пошевеливайтесь!

¹ Первородный грех (*лат.*).

Родион покорился одному из двух: то ли судьбе, то ли неумной энергии старшего друга. Что поделаться – гений.

4

Особняк встретил тревожной тишиной. По заведенному обычаю парадная дверь распахнута настежь, как окна спален Аглаи и мадам Бородиной. Казалось, дом покинут и предоставлен ветру. Не церемонясь, Родион вошел в гостиную, громко сообщив всем жильцам, что гости уже переступили порог. Но и после этих слов хозяева не появились. Да и слуги не спешили. Вдалеке, за малой гостиной, хлопнула дверь, и перед сыскной полицией предстал Нил, кое-как закутанный в домашний халат. Был он бос и мрачен, на лице явно читались следы пяти сортов домашней водки в бессонную ночь. Сощурившись, будто сослепу, издал утробный звук, вроде сигнала охотничьего рожка, не попросил прощения и только спросил:

– Чего это, Родион Георгиевич, в такую рань... Ждал вас не раньше вечера.

– Уж полдень близится, а завтрака все нет. Что за безобразие?

– Какой теперь завтрак. – Бородин бесцеремонно икнул. – Это кто с вами?

Лебедев выступил вперед, выпятив грудь, как вдруг сонный хозяин резво очнулся:

– Случайно не тот самый Лебедев, светило криминалистики и гений отечественной науки, чей портрет в «Ниве» печатали в рубрике «Наши великие современники»?

Аполлон Григорьевич вспыхнул тихой радостью, заметной не только дружескому глазу, стал элегантен безмерно и скромен до невозможности. Поклонившись светски, вежливо спросил:

– Имею честь лицезреть собственными очами великого бильярдиста, честь и славу русской пирамиды, бесподобного господина Бородина?

Теперь уж Нил вспыхнул тихой скромностью, запахнул кушак, сконфузился, что не одет, и предложил:

– Водки не желаете? Не знаю, что есть в доме закусить, но выпить точно найдется.

Лебедев был не прочь скрепить дружбу двух великих современников, но все испортил малоизвестный чиновник полиции, встряв в столь приятную беседу:

– А где ваша Тонька? На кухне тишина.

– Кто ее знает... Может, Аглая послала в лавку. Зачем она вам?

– Позвольте? – спросил Родион, между тем направившись в коридорчик и оставляя криминалиста наслаждаться знакомством.

К луже варенья тряпка не прикасалась. Обойдя это безобразие по краешку, Ванзаров прислонил ухо к двери. В спальне было тихо, как глубокой ночью. Вежливый стук никого не потревожил. Видимо, кухарка давно встала. Да и какой прислуге позволят спать до такого часа. Из упрямства Родион нажал дверную ручку. В комнате царила темень: дверь на кухню закрыта, окон нет. Хилый луч прорезал геометрическую фигуру на полу. Пахнуло неприятным, будто скисшими щами. Просунув голову, Родион пригляделся и распахнул дверь во всю ширь.

На постели, раскрытой для сна, лежала Тонька в ночной сорочке. Голова завалилась набок. Выпученные глаза мирно и недвижно уткнулись в стену. До живота прикрывало ее одеяло, под которым остро обозначились голые ступни. Кухарка словно заснула с открытыми глазами. Вокруг раззявленного рта виднелись густые пятна белого порошка. Платок, кутавший больной зуб, съехал до уха.

Родион тронул шею – кожа холодная, мертва не меньше четырех часов. Оставалось несколько мгновений, пока в доме не начнется сумасшедший дом, новые вопли и стоны. Стараясь не шуметь, Ванзаров быстро осмотрелся. Следов было достаточно. На подушке остались вмятины, будто Тонька металась в бреду. Одежда погибшей аккуратно сложена на спинку стула, на котором торчал ночник с оплывшей свечой, стакан воды и объедок конфеты. Тут же – опустошенный пузырек с надписью «Крысиный яд», то есть обычный мышьяк,

применяемый в хозяйстве. Рядом поместилась сложенная четвертинка писчей бумаги. Развернув, Родион обнаружил записку, писанную от руки быстрым неровным почерком.

В гостиной все было по-дружески непринужденно. Господа болтали о милых пустяках, а именно о развитии бильярда и криминалистики. Неприятный юноша снова испортил дело. Наклонившись к Лебедеву, шепнул что-то, после чего Аполлон Григорьевич мило улыбнулся, попросил прощения, подхватил чемоданчик и удалился по коридорчику. А вот удивленному, хоть и проснувшемуся Бородину потребовалось трижды повторить, чтобы собрал всех домочадцев здесь и срочно. Именно – срочно.

Первым, как ни странно, объявился Орест. Зевая сладко и протяжно, смерил гостя осуждающим взглядом и бухнулся в кресло. Аглая вышла из комнаты, запахнувшись платком, даже не кивнула, забила в угол. Филомену Платоновну Нил вывез сам. На фоне деревянного трона с небесными сферами дама выглядела, как всегда, подтянутой и ухоженной.

– Тонька девалась куда-то, – сообщил Бородин. – Во дворе нет.

– Ничего, без нее, – Родион развернул листок. – Прошу внимания. Зачитываю вслух: «Жизнь мне теперь не мила, потому как сгубила себя любовью. Любовь моя к Нилушке всему виной. Не жалею ни о чем. Но только совесть житья не дает. Прощайте и простите меня. Прошу никого не винить. Не поминайте лихом, ваша Тонька».

Тишина на самом деле показалась мертвой, мертвее не бывает.

– Это что такое? – удивился Нил.

– Предсмертное письмо вашей кухарки. В нем она объясняет, что сегодня ночью ее так замучила совесть от неразделенной любви к своему барину, то есть к вам, что готова свести счеты с жизнью. Орудие самоубийства – пузырек мышьяка, съеден дочиста.

Бородин искал защиты у домашних, но Аглая сжалась под платком, Орест тупо хлопал глазами, а матушкин затылок был недвижим.

– Да вот сами прочтите. – Протянув листок, Родион шагнул вперед, но так неудачно, что зацепился носком и с размаху хлопнулся на ковер. Вышел ужасный конфуз. Барахтаясь, как карась на сковородке, Ванзаров никак не мог встать, пока его не подхватил Нил. Костюм испачкал не хуже уличного попрошайки, хорошо не порвал. Кое-как отряхнувшись и рассыпаясь в извинениях за неловкость, юноша покраснел, но все же спросил:

– Почерк узнаете?

Промолчали дружно. В самом деле, кому интересен почерк кухарки.

– Что, господа, думаете обо всем этом?

Господа думали немного. Филомена Платоновна закрыла лицо платочком и мелко тряслась от плача. Аглая не шевелилась. Только Орест легонько присвистнул.

– Да что же это такое! – вскричал Бородин, схватился за голову так, что халат распахнулся, обнажив мощную грудь с неприличными подштанниками, выскочил из гостиной.

– Боже мой, за что... За что на нас такое... – прошептала госпожа Бородина, все же не уточнив, что именно такое. – Аглая, умоляю, увези меня отсюда.

Не препятствуя женщинам, Ванзаров подошел к Оресту:

– У вас соседняя спальня. Что-нибудь слышали ночью?

Лакей скорчил обезьянью гримаску:

– Вот еще! За день так набегался. Сон у меня крепкий. Бессонницей не страдаю.

Легкий перегар намекал на истинную причину.

Из коридора поманил Лебедев. Криминалист был слегка возбужден, как хорошая гончая, взявшая след. Пошептавшись с Родионом, бурным шипением отреагировал на просьбу юного друга, все же согласился и только спросил:

– Это что за кинед¹ расселся? Неужто наш славный бильярдист... того?

Защищая мужскую честь Бородина, Родион не старался говорить тихо, а довольно явно определил слугу в «обнаглевшие мерзавцы». Вовсе не лакеи. Как известно, мерзавцы

¹ Пассивный педераст.

профессию не выбирают. Мерзавцы везде на своем месте.

Бородин вернулся в гостиную, откровенно занюхивая горе рукавом. Рывкнув на Ореста, согнал с кресла, плюхнулся и обмяк:

– Сколько же можно....

Еще раз поторопив Лебедева, Родион устроился напротив:

– Что вас больше всего опечалило в этом происшествии?

– А? – Бородин поднял слегка осоловевшие глаза.

– Чего больше всего жаль – незамеченной любви кухарки или ее саму?

– Ванзаров... Вы... Вы... Не человек, а машина стальная... Как же можно так... Это ведь мучительно... Понимаете: мне больно.

– В таком случае следовало обращаться к приставу. Я к вам не вызывался. – В голосе строгого юноши действительно блеснула сталь. Вот так-то.

Бородин сник окончательно и только пробормотал:

– Простите. Все путается. Не понимаю, что происходит. Уже третья кошмарная смерть.

– Вполне прозаические смерти. Один несчастный случай, одно умирание во сне от физиологических причин, теперь – самоубийство. Виновных нет.

– Ничего не понимаю... Постойте, Аполлон Григорьевич, куда же вы?

На бегу Лебедев пробормотал что-то о срочном вскрытии и был таков.

– Ужасно занятой господин, – доверительно сообщил Ванзаров. – Вечно спешит. И я, пожалуй, пойду, будем прощаться окончательно. На этом все.

– То есть как? – Вчерашний вальяжный бильярдист выглядел хуже побитой собачонки. Но стальное сердце Родиона молчало. – Вы бросаете меня?

– Мне делать больше нечего. Так и доложу полицеймейстеру.

– Родион Георгиевич! – натурально взмолился Нил. – Пощадите!

– Против рока полиция бессильна. Что же от меня хотите?

– Не знаю, что происходит, но я... боюсь за свою жизнь. Помогите!

Кажется, этого Родион и ждал. Склонившись над растерзанным чемпионом, тихо, но отчетливо приказал:

– В таком случае сегодня вечером будете обучать меня бильярду. Зал «Отель де Франс». И без опозданий. Сейчас должен осмотреть комнату Аглаи, вашу спальню и кабинет. Дозволите незаконный обыск?

Бородин ничего не понял, но согласился беспрекословно. Со всем сразу.

5

Поклонники страстной и недорогой любви знают, что отправляться за ней следует на главный проспект столицы. Невский на всем протяжении предлагает обширный выбор на любой вкус. Только примечай вовремя. Идет эдакая миленькая барышня, словно осматривает достопримечательности, и вдруг так особенно посмотрит, даже не подмигнет, что рука сама тянется к кошельку. Не захочешь, а подумаешь, что в жизни должно быть место не только семейным ценностям, но и разврату.

Вознесенский проспект значительно уступал по накалу страстей. Однако и здесь крепко сбитого юношу в приличном костюме, хоть излишне спешившего, одарили парой искрометных взглядов от трех до шести рублей за час. К досаде специалистов, юноша оказался глух к заигрываниям, отчего-то задержался напротив меблированных комнат Макарьева и принялся оглядываться по сторонам, будто попал не туда. Не желая тратить рабочее время на кислого клиента, бланкетки разошлись в поисках платежеспособных кандидатов.

А за спиной Ванзарова раздался аккуратный кашель. На том месте, где буквально ничего не было секунду назад, выросла долговязая фигура.

– Ну, вы и... ну, – выдавил Родион, все еще не привыкший к технологии слепой зоны. Или наглого колдовства. Хоть логика отрицает лженауку, но мало ли чего придумали в

филерской школе.

Судя по довольной физиономии Курочкина, такие фокусы были маленьким, но приятным удовольствием его профессии.

– Не испугал? – с невинной наглостью спросил лучший филер.

Юный чиновник полиции хотел было с жаром опровергнуть или хоть доказать, что его испугать невозможно, но вместо этого ответил сдержанно:

– Заметил вас издалека, просто вблизи потерял...

– Не может быть, – парировал Афанасий.

– Что значит – не может?

– Я был на той стороне улицы. А вы, когда шли, туда даже не глянули.

Следовало заречься спорить с профессионалами. Родион и зарекся, но только очень глубоко в душе.

– Как прошло наблюдение? Опять скучали?

– Это как сказать, – в руке Курочкина возникла филерская книжечка, тоже фокус в некотором роде. – Все зафиксировано.

Почерк у филера был слишком правильный и аккуратный, как у человека, научившегося писать в зрелом возрасте. Это не портило важнейших сведений. Скромная книжечка сообщала поразительные новости.

Около пяти вечера объект наблюдения Блоха, иначе говоря, госпожа Незнамова вышла из меблированных комнат и отправилась по Вознесенскому на прогулку. Примерно через десять минут ее остановил неизвестный мужчина. После краткой беседы была нанята пролетка, которая отвезла их в гостиницу «Версаль» около Николаевского вокзала – место дешевое и грязное. Пробыв в номерах час, Блоха вышла одна, отправилась на Невский, где вскоре была подхвачена другим неустановленным господином. И его привезла в «Версаль». После чего отправилась на Литейный проспект, где подобным же образом состоялось следующее знакомство. До двенадцати ночи, когда Блоха вернулась в приличные меблированные комнаты со строгим портье, она успела провести время в общей сложности с шестью мужчинами. Родион специально пересчитал.

Надо было спросить что-то умное, но на ум ничего не приходило. Объяснить поведение Олимпиады Ивановны логика отказывалась. Получается, обретя шанс заполучить Бородина в мужья, она не только не воспользовалась им, но пустилась во все тяжкие. Быть может, нервный срыв? И хотя Родион знал натуру женщин глубоко и основательно, в чем нимало не сомневался, дельного объяснения он так и не нашел. Допустим, Липа обиделась и решила отомстить, как может только женщина. Достаточно одного, ладно, двух кавалеров. Но шесть? Мало того: проведя у себя ночь, госпожа Блоха успела утром найти свежего мужчину, съездить с ним в «Версаль» и вернуться обратно. Итого – семь.

– Что-то смущает, Родион Георгиевич?

Невозмутимость Афанасия был совершенно искренней. Опытный филер и не такого навидался.

– Не волнуйтесь, Блоха до утра не выходила, – добавил он. – Я тут поблизости у знакомого дворника соснул. Уже в восемь был на месте, ничего не пропустил.

– Не понимаю, чем она занималась...

– Трудилась, чем же еще. – Кажется, Курочкин удивился такой наивности. – Бланкетка, что хотите. Они за вечер могут с десятков обслужить. И как ни в чем не бывало. Профессия такая – радость дарить.

Никакого осуждения в голосе филера не было. Да и с чего? Можно сказать, коллеги в некотором роде: работают на улицах.

– А почему такую странную кличку придумали?

– Так ведь прыгает как блоха. Блоха и есть, – Курочкин одарил улыбкой.

Придумывая клички, филеры так метко схватывали характер человека, что никакая биография не ототрет. Действительно: блоха. Что тут скажешь.

Поблагодарив за отменную службу, Родион просил не ослаблять бдительность и

замечать любую мелочь. Или странность.

Куручкин вдруг замялся:

– Я тут в книжке кое-что не отметил...

– Так расскажите.

– Зафиксирован объект с прошлого наблюдения. Не знал, надо ли отмечать.

– Кого видели? – чуть не выкрикнул Родион.

– Не судите строго...

– Да говорите же, Афанасий Филимонович!

– Вчера около шестого часа рядом с меблированными комнатами был замечен объект наблюдения Карга. Переодетая в черное.

– Дальше.

– Зашла, пробыла около получаса, вышла и убыла по Екатерининскому каналу. Больше не появлялась. К кому ходила – не знаю. Проверять не стал, вы указаний не давали.

Все верно. И пенять не на кого. Но и загадки особой нет. Сложно предположить, что Аглая заходила в гости к совершенно неизвестному субъекту. Логика этого не допускает. А вот некоторые новые выводы – пожалуйста. Впрочем, сейчас это не так важно.

Оставив ценное указание фиксировать любого, кто может появиться из особняка, Родион резко повернул по направлению от участка. Лебедев, конечно, обидится, чего доброго, накричит, но сейчас требовалось нанести срочный визит. Ничего, гениальному другу потерпеть не вредно. А покамест никарагуанские сигарки, быть может, отравят участок. Милая перспективка. Хо-хо...

А что хотите? Любой герой, самый чистый и расфуфыренный, имеет право быть гадким по мелочам. Разве нет? Ну так посмотрите в зеркало.

6

Плюшевые занавески надежно прятали гнездилище порока. Хотя в такое время скрывать было особо нечего. Ночные клиенты разошлись по семьям, свежие прибудут только к вечеру. Девочки мадам Ардашевой наслаждались ничегонеделаньем. Но только не сама хозяйка. В конторской книге подводила баланс, вычитала затраты на жалованье, бытовые расходы и подарки приставу. Прибыли оставались солидными. Не стыдно соперничать с банками или торговлей керосином. Бухгалтерское занятие доставляло Полине Павловне тихую радость. С цифрами было куда спокойней, чем с людьми. Они ничего не требовали и никогда не ввали. Сведение баланса стало любимым занятием, вторгаться в которое не позволено никому. А уж тем более непрошеным гостям.

На голову швейцара Антипа, сунувшегося в дверь, чтобы доложить о прибытии, вылился ушат ласковых слов. Но отказать было нельзя. С испорченным настроением Ардашева закрылаgrossбух и приказала просить. Видеть еще раз девицу в пиратской повязке не входило в ее планы. Тем более новых распоряжений из Врачебно-санитарного комитета не поступало.

Хоть Полина Павловна улыбнулась гостю радушно, сообщив, что рада видеть ее, на душе стало беспокойно. Одноглазое страшилище устроилось на стуле и призналось, что вернуться заставило дело личное, а потому разговор будет неофициальным, если не сказать конфиденциальным. Предчувствия оправдались. Только этого еще не хватало! Мало того что уродина из берлинской полиции болтала по-русски чисто, что подозрительно, так еще и дельце имеет секретное.

Ардашева обворожительно, как лучшему клиенту, улыбнулась и заверила, что готова служить, чем сможет.

– Мой визит в Россию связан с одним тайным обстоятельством, – выдавила Ирма глубоко печальным голосом. – Я приехала отыскать одного человека. Несколько лет назад он жил в Берлине. Был богат и щедр, хорош собой. Все женщины сходили от него с ума. Не устояла и моя сестра. Моя бедная Лизхен поверила и отдалась ему без венца. Негодяй обещал

жениться, но бросил сестру в положении. То есть исчез из Германии. Вскоре мы узнали страшную правду: оказывается, все это время он не вылезал из публичных домов Берлина. Я приехала, чтобы не наказать его, а постараться воззвать к его совести. Ведь у него растёт чудесная дочь. Помогите мне.

– Что же я могу? – спросила Ардашева, предчувствуя, к чему клонит гостя.

– Я уверена, нет, я знаю, что этот порочный человек не оставил своих привычек и здесь. Помогите мне. Умоляю вас как женщина.

– Не понимаю, что я могу, – уже раздраженно ответила хозяйка.

– Дайте мне в руки оружие, которым смогу убедить, нет – принудить его вернуться к сестре и его родной дочери...

Чего-то подобного Ардашева опасалась: девице нужны пикантные сведения о ее посетителях. Для чего – неизвестно. Может, в газетку напишет, а может, и того хуже. И пусть у нее один глаз, зато у Полины Павловны целых два, видит насквозь. Барышня хитрит, да таких ловких мадам давно раскусывать научилась. Сказочки романтические сочинять – много ума не надо. Тут Россия, детка, в России верят силе.

– Извольте, я готова. Если для счастья ребенка, – Ардашева даже тронула кончиком платка сухое веко.

– О, благодарю вас, великодушная! За вас будет молиться не только моя сестра, вся наша семья.

– Как зовут этого негодяя, что оставил ребенка?

– В Германии он жил под чужим именем. Но я узнала: его настоящая фамилия Бородин, – торжественно сказала Ирма. И добавила: – Нил Нилович.

– Бородин... Бородин... – в задумчивости проговорила Ардашева, словно пытаясь вспомнить. – Знаете, голубушка, в нашем заведении фамилий не спрашивают.

– Он наверняка ваш давний клиент.

– Сожалею, – Ардашева встала. – Такой господин у нас не бывает. Во всяком случае, я его не знаю. Была очень рада вас повидать.

– Но, может, девочки его знают? – не сдавалась Ирма.

– Если я не знаю постоянного клиента, то они и подавно. Всего вам доброго... Швейцар вас проводит. Антип!

Только оказавшись на пыльной улице, фон Рейн поняла, как мастерки ее обвели вокруг пальца. Нет, Россия все-таки загадочная страна, если какая-то бандерша смогла вот так, запросто, обмануть лучшую сотрудницу берлинской полиции. В отчаянии Ирма не знала, что делать. Она подвела Ванзарова. Теперь важные сведения пропали навсегда. А еще барышня-сыщик! Так опозориться! Осталось брести по улице незнамо куда.

Что-то коснулось ее локтя. Закутав лицо платком, словно уже наступила зима, на Ирму смотрела худенькая девчушка в скромном платьице, совсем ребенок, не старше семнадцати.

– Это вы спрашивали о Бородине? Я подслушивала, – сказала она с очаровательной простотой.

Ирме осталось только признаться.

– Зачем он вам понадобился?

– Господин Бородин – один из подозреваемых в смерти госпожи Нечаевой.

– Варвара умерла? – шепотом спросило юное создание.

– Убита, – уточнила Ирма. – Вам что за дело?

– Варвара была моей лучшей подругой. Всегда помогала. В это воскресенье сговорились погулять. А теперь ее нет... Пойдемте отсюда, нас могут увидеть.

За барышней пришлось поспевать. Пробежали проходными дворами, минули улицу, затем перекресток, пока Ирма окончательно не потеряла ориентиры. Наконец девчушка юркнула в подвальный трактир, где забилась в самый темный угол. Но даже там отказалась назваться. Половой принес самовар, заварку и свежее варенье.

– Я бы никогда этого не открыла, – сама начала Синичка, как окрестила ее Ирма. – Но смерть Варвары все меняет. Не знаю, чем это поможет, но я расскажу все.

Жадно припав к чаю, Синичка выхлебала чашку и заела такой порцией варенья, от которой у приличной немецкой фрейлейн все бы слиплось. Нет, все-таки дикая страна.

– Бородин – один из самых важных клиентов, – начала она с полным ртом. – У Ардашевой он бывает давным-давно. Все его знают и вкусы его знают. Он предпочитает только самых молоденьких, которым нет и пятнадцати, девственниц. Это, конечно, запрещено, но Ардашева закрывает глаза. Специально подбирает. Как деликатес. Аппетиты у него огромные. Кобель он ненасытный, может раза четыре, а то и пять за неделю приехать. Такого количества свежих, конечно, не набрать, так обычно он по-другому развлекается. Наши все знают, меня не трогал, но девочки рассказывают. Называется игрой в «мамашу». Для этого следует надеть платье старомодное, кажется, сам его привез, надуться особыми духами и прическу такую сделать, как у старух. А он напяливает ночную сорочку, садится на корточки и...

Синичка рассказывала долго и подробно, уминая варенье и потягивая чаек. Рассказывала с холодным равнодушием. Ирме капля в горло не полезла, не то что сладкое. И хоть служила в полиции, всякого навидалась, но особые детали в пересказе почти ребенка выглядели чудовищно. По-иному не скажешь. Под конец исповеди ей хватило духу спросить:

– Бородин и Варвару девственности лишил?

– И меня, – согласилась Синичка. – Такой кобель. Так что, если стреножите его, Варваре отмщение, и девочки благодарны будут. Нашей-то Павловне хоть бы что, не она под ним пашет, а у нас сил нет, надоело мारаться. Мы хоть бляди, но тоже люди. Спасибо за варенье. Пойду теперь свечку поставлю за помин души грешницы Варвары...

7

Театр-сад «Аквариум» получил имя по наследству. Прежний владелец, разбивший сад для развлечения публики, завел огромные аквариумы с морской флорой и фауной. Но меланхолические рыбки оставили столичных жителей равнодушными. Ничего удивительного, что вскоре рыбок сменили голосистые барышни, выплясывавшие на сцене, а после составлявшие компанию за ужином с шампанским, если вежливо пригласить. Публика нашла, что артистки куда забавнее рыб, их можно не только кормить, но еще приобнять и всякое такое. А потому валом повалила в сад развлечений.

Заведение процветало. Что явно сказалось на фигуре антрепренера Максакова, державшего в нынешнем сезоне сцену и буфет. Добродушный господин чуть за тридцать нес объемное пузо, как государственную награду: скромно, но гордо. Представший посетитель вызвал необъяснимое чувство приязни, какое бывает среди толстяков. И хоть юноша был лишь немного плотнее, чем требовали приличия, меткий глаз Максакова заметил своего. Да и усы гостя внушали абсолютную симпатию.

Петр Ильич выплыл из-за стола, доброжелательно улыбнулся и спросил, чем может служить. Оказалось, приятный юноша сам служит. Не имея особых проблем со столичной полицией, за исключением аншлагов, когда любой ценой требовалось предоставить столик какому-нибудь полицеймейстеру, Максаков скорее заинтересовался, чем испугался. «Аквариум» страдал от краж, и то нечасто. Регулярно воровали только свои – буфетные молодцы, но без этого в театральном искусстве никак.

Родион не считал нужным играть в мудрого чиновника полиции, а потому честно признался: расследуется дело особой важности, разговор строго конфиденциальный, протокол не ведется, но каждое слово будет оценено по достоинству. Такая честность несколько смутила Максакова, пришлось признаться: готов быть искренним до конца, а если нужен столик на вечернее представление – к сожалению, ничем помочь не может, все раскуплено.

– Мне нужны сведения об одной из ваших барышень, – распушив усы, сообщил Родион.

– Имеете в виду актрис? – осторожно уточнил Петр Ильич. Барышни, конечно, имелись на любой вкус, но вот так сразу на пикантную тему не хотелось бы сворачивать.

– Они самые.

Максаков облегченно выдохнул и подтвердил горячее желание рассказать все, что угодно, о любой из них. Даже самой популярной.

– О госпоже Незнамовой.

– Простите, о ком? – Лицо антрепренера выразило крайнюю степень непонимания.

– Олимпиада Ивановна Незнамова, – чуть не по складам повторил Родион. – Выступает три раза в неделю с оригинальным номером.

– Позвольте узнать – с каким?

– Глотает шпагу и поет при этом арию Кармен.

Уверившись, что молодой человек не шутит и при этом не похож на сумасшедшего, Максаков вежливо, все-таки полиция, спросил:

– Изволили сами наблюдать такой номер?

– Нет. Но имею верные сведения.

– Видите ли, в чем дело... – Петр Ильич постарался очень бережно подобрать слова, чтобы не обидеть приятного юношу. – В нынешней программе такого номера нет. Да и в прошлой не было. Его вообще в «Аквариуме» не бывало. Это такая расхожая театральная шутка. О бойком, но бездарном исполнителе говорят: тебе бы шпагу под арию Кармен глотать. Извините.

Как ни странно, но неловкость доставила юноше видимое удовольствие. Оживился и расправил усы:

– Но фамилия Незнамова знакома? Кто-то просил за барышню?

Стоило призадуматься, как вспомнился недавний случай. Но рассказывать о нем постороннему, хоть бы даже из полиции, не хотелось.

Родион помог:

– Нил Нилыч Бородин, звезда бильярда, наверняка замолвил словечко.

Максаков нашел оправдание: спрашивали об актрисах, а бильярдистка совсем из головы вылетела.

– Был слух, месье Бородин делал ей протекцию и в других театрах, – с приятной улыбкой сообщил такой приятный юноша. – У Неметти, в «Олимпии» и даже в «Аркадии».

Петру Ильичу осталось признать: господин хоть и молод, а осведомлен солидно. Ах, если бы открыли антрепренеру, какой блестящий логический экспромт только что перед ним разыграли... Наверняка пригласил бы публику развлекать.

– Отчего не приняли барышню с таким протеже?

– Понимаете, театр – это такое место, где знакомства бесполезны. Или публика платит деньги за твой талант, или... – Максаков сделал выразительный жест. – Госпожа Незнамова – отличная бильярдистка, но на сцене ей нечего делать. У нас выступает сама Мария ля Бель, восходит звезда мадемуазель Горже, блистает госпожа Лиана де Вриес... А дачной самодеятельности здесь делать нечего. Но в бильярд госпожа Незнамова играет отменно.

– Были на ее матче с госпожой Нечаевой?

– Как можно такое пропустить. Вот это зрелище! Какое напряжение нервов! Какая интрига!

– Битва учителя с учеником?

– Это конечно, но разве не знаете главного?

Приятный юноша честно признался, что понятия не имеет.

– Ну как же! Об этом весь бильярдный мир только и говорил! – поразился Максаков. – Такие ставки! С ума сойти!

– Не жалеете подробностей.

– На результат матча было сделано пять фантастических ставок: по тысяче рублей, – заговорщицким шепотом донес Максаков. – Ставки принимались один к один-и-два на победу Нечаевой и пять к одному на победу Незнамовой. Кто-то сделал пять ставок у разных букмекеров на Незнамову. Представляете?

С арифметикой у Родиона было все в порядке: в случае выигрыша букмекеры шли по

миру, а кто-то неизвестный получал неплохое состояние в двадцать пять тысяч рублей. Таких средств могло хватить на безбедную жизнь на пару десятков лет, даже если поделить их пополам. Незнамова могла взять партию после кикса. Недаром зал так бурно отреагировал. Но почему же проиграла?

– Кто поставил пять тысяч?

– Только слухи. – Максаков всем видом дал понять, что не доверяет им, однако же продолжил: – Поговаривали, что ставки делала некая дама, никому не известная. Не из бильярдного мира.

– Может, сам Бородин?

– Исключено. Это непременно открылось бы, да и зачем Нилу Нилычу такой риск.

– Петр Ильич, вы отлично знаете бильярдный мир, подскажите одного-двух букмекеров, кто принял эти фантастические ставки.

Максаков замахал так, словно на него накинута рой озверевших ос:

– Думать забудьте. Я-то честно не знаю, а кто знает – никогда не признается. Если и найдете букмекера – ни за что не выдаст, кто делал ставку. Тут даже полиция бессильна. Сами понимаете, люди по краешку ходят...

Чиновник полиции отлично знал этот отечественный парадокс: ставки на ипподроме были разрешены, а бильярдные – нет. При этом власти как бы не замечали, что они есть, делая вид, что игра не азартная. До поры до времени. У нас никогда не знаешь, что взбредет во властную голову. Вот недавно распоряжением министра внутренних дел запретили играть в макао и все его разновидности: баккара, викторию и *chemin de fer*. Так половина клубов, где держали карточные столы, чуть по миру не пошла. Выкрутились, конечно: стали играть в экарте, но осадок-то остался. Не хватало, чтоб такая напасть случилась с бильярдом.

– Неужели барышни, знакомые меж собой, не могли договориться и сорвать куш?

– Совсем вы порядков не знаете, – пожалел несчастного Петр Ильич. – Да они ненавидят друг друга. О сговоре не может быть и речи.

– А если соперничество за внимание Бородина?

– Что вы такое говорите. Нечаева хоть сирота, но из благородной семьи. А Незнамова, говорят, бланкетка.

– Да уж, куда проститутке на сцене выступать. Там настоящих актрис хватает, – заметил Ванзаров. И пока Максаков разбирался, что это – шутка или хамство, спросил: – Сами-то ставку сделали?

– Небольшую.

– Поздравляю с выигрышем, – сказал Родион, с чем и покинул закулисье театральное. Все-таки неприятное место.

Прежде чем вернуться в участок, он еще заехал в Торговый банк, где без особых хлопот выяснил: накануне матча со счета госпожи Нечаевой были сняты все накопления, а именно две тысячи рублей. Сумма была выдана ассигнациями.

Вот и верь после этого в женскую ненависть.

8

Никарагуанские сигарки переборщили. Желудь поселился на подоконнике открытого окна. Городовые, кто не лишился чувств, выбежали во двор, где наслаждались запахами навоза. Даже горькие пьяницы, задержанные за непотребное поведение, умоляли засунуть их в «сибирку»¹, а не пытаться нестерпимым духом. И это господа, привыкшие к ароматам помоек и сточных канав. Аполлон Григорьевич не замечал произведенного эффекта. И мрачно посматривал то на часы, то на дверь, упрямо попыхивая сигаркой. Задержись Ванзаров еще на час – жизни в участке пришел бы конец. Пропахшее никарагуанским духом здание пришлось бы снести, а на его месте разбить свалку или пустырь.

Метнувшись в приемное отделение, Родион вдохнул и тут же рванул вон. Но совесть

¹ Одиночная камера.

не позволила. Нельзя испытывать терпение криминалиста, вооруженного никарагуанским табаком. Пришлось дышать ртом, как рыбка. Хотя и на этом испытания не закончились. Лебедев высказал все, что думает о сумасбродном юнце, не проронив ни слова. Было в его молчании столько упреков, столько горестной печали, что Родион готов был пасть на колени и молить о прощении.

– Не судите строго, ваше благородие, накурил маленько, дожидаясь вашу персону, – Аполлон Григорьевич тщательно вдавил окурок в пустую чернильницу и помахал ручкой, дескать, разгоняю невинное облачко. Поздняя муха на полном лету пала замертво.

Родион стал торопливо оправдываться, что вынужден был проверить важные сведения и вообще...

– Не стоит трудиться, ваше благородие, мы, старики, уже тем рады, что не забыли нас. У вас забот столько, целый участок на плечах. Скоро небось департамент подкинут, а там, чего доброго, и министерство. Где уж тут упомянуть о скромном эксперте.

Нет, лучше бы наорал, честное слово. В театральной покорности статный красавец вдруг стал похож на драгоценную матушку Ванзарова: та же непобедимая язвительность. До чего мерзко, прямо до костей пробирает, честное слово. Ух.

– Я знаю, ее убийца... – оборвал Ванзаров на самом интересном месте.

Любопытство одолело обиду.

– И кто же? – спросил Лебедев с некоторым вызовом.

– Про кого спрашиваете?

– Про кухарку, конечно. Кого же еще?

– Обижаться не будете? Мир? Я помилован? – Родион скроил смиренную физиономию, даже усы сникли.

Лебедев хмыкнул, погрозил кулаком, чем обычно восстанавливается дружба среди настоящих мужчин, и потребовал раскрыть тайну.

– Я знаю, ее убийца... действовал с умом.

– Это все? – уточнил криминалист, поняв, что провели его самым детским способом. – Говорю же: прирожденный жулик.

– У вас учусь. Сами предупреждали: в полиции надо держать ухо востро.

Не найдя достойного ответа, Лебедев уже нормальным грозным тоном потребовал объяснить: почему его выставили из особняка и не дали закончить дело.

– Пусть местный пристав оформит самоубийство, – ответил Родион. – Даже записку предсмертную не тронул.

– Желаете скинуть с рук?

– Пусть убийца думает, что ему все удалось.

– Зачем? Не проще ли его взять с поличным? Улик бы хватило.

– А вот глаз сюда никак не вписывается. Да и Марфуша. В том-то и дело, что улики были слишком явными. Угадайте, что нашел в одной из комнат?

– Еще один труп? – с надеждой спросил Лебедев.

– Учебник криминалистики Карла Эммерта.

Казалось, в мозгу Аполлона Григорьевича шелестят страницы:

– Точно! Эммерт описывает применение бромэтила. О мышьяке – подробная статья. Ах, ты... – Далее вылетело словцо, которым талантливая натура себя не стесняет.

– Можно назвать и так, – согласился Родион. – Расскажите лучше, что обнаружили в спальне.

– С одной стороны, любопытно, но с другой – примитивно.

– Начните с простого.

– Итак, нас хотят уверить, что барышня умудрилась съесть полбанки *Acidum arsenicosum*, то есть мышьяка. Возможно ли такое? Во-первых, положение тела прямое, спокойное, постель не смята. Но при такой дозе яда обязательны жуткие боли в желудке, человека сворачивает в дугу. К тому же рука свисает к полу, а бутылек с ядом аккуратно лежит на стуле. Далее. При отравлении мышьяком кухарка не могла умереть так быстро.

– И тихо. Даже сосед-лакей ничего не слышал.

– Именно. Агония продлилась бы несколько часов, она бы разбудила стонами или криками весь дом – боль адская. Самое главное: вся комната должна быть забрызгана рвотой и прочими испражнениями. А в спальне – чисто и сухо. Подобный уникальный случай отравления мышьяком мировой криминалистике неизвестен.

Сглотнув комок, подступивший к горлу (все те же никарагуанские сигарки), Родион выдавил:

– Прimitивный и неумелый обман. А что любопытного?

– Мышьяк применили *in flagranti*¹, не как яд, а для гарантии удушения, – Лебедев был профессионально серьезен. – Причина смерти: асфиксия. Она наступила в результате того, что барышню накрыли подушкой.

– Чтобы не было шума, – не удержался юный чиновник.

– Разрывы сосудов в глазных яблоках, темно-синеватое окрашивание нижней губы и капелька крови в ноздре, ну и пятна Тардье. Даже без вскрытия достаточно, чтобы сделать вывод об истинном характере преступления. Мышьяк же всыпали в горло уже мертвой, чтобы проверить, что дыхания нет. Честно говоря, девица на кухарку не больно смахивает. Никогда не видел таких кухарок миленьких.

– Для удушения подушкой нужны сильные руки...

– И время. Надо держать не только подушку, но и давить на грудную клетку. До четырех-пяти минут.

– Красиво сыграно – шаром.

Лебедев ждал продолжения, как поклонники ждут монолога великого артиста.

– В бильярде есть удар: биток попадает по шару, а тот закатывает в лузу другого. Не самый филигранный, но требует мастерства.

– Что вы тянете, как цыганка копейку! – не выдержал любознательный криминалист. – Валите все сразу.

– В особняке Бородиных только один человек мучился зубами. Как только я захотел расспросить, что она делала прошлым вечером, Тонька решила покончить с собой от несчастной любви.

– Думаете, бромэтил принесла кухарка?

– Именно – принесла. Наверняка не зная, что во флакончике.

– А кто ее же задушил?

Задумчивый юноша не ответил, вдруг кинулся к столу, полез в ящик и достал заветную баночку.

– Вот что мешает логике.

Скользкий шарик неплохо сохранился, водка – отличный консервант.

– Позвольте еще разок взглянуть ему в глаза...

Шарик, он же глаз, ладно поместился в ладони криминалиста, обтянутой резиновой перчаткой. Зрелище вышло специфическим, не каждому стальному сердцу под силу. Родион отвел взгляд. И обернулся на тихий стук в дверь. Без объяснений показав спину, Лебедев торопливо удалился в сторону мертвецкой.

Пребывать в недоумении долго не пришлось. Криминалист вернулся с новой баночкой, в которой плескался еще один глаз с бирюзовым зрачком.

– Барышня согласилась одолжить, – хитро подмигнул он. – Ей ни к чему, а нам пригодится. Взгляните.

Оба сосуда стали рядышком. На мгновение показалось, что невидимое чудовище, вроде Чеширский кот еще не придуман Кэрроллом, смотрит разноцветными глазами. Зрелище не для слабых нервов. Хорошо, что у юноши они практически из проволоки.

Игра в гляделки с вырванными глазками закончилась поражением чиновника. Родион ничего не нашел, в чем и признался.

– Эх, ваше благородие, что бы делал без старика Лебедева! – подмигнул криминалист,

¹ На месте преступления.

вынимая лупу. – Видите крохотную черную искорку на зрачке и роговице у обоих? Знаете, что это такое? Причина страшных суеверий, в деревнях ее называют ведьминой отметиной и жутко боятся. Считается, что человек с такой меткой может наводить порчу. Нам же этот безобидный изъян интересен потому, что передается по наследству. Как родимое пятно или форма подбородка у царственных Виндзоров. Так уж распорядилась природа.

– Как это происходит? – Родион не справился с волнением. – Есть какой-нибудь закон? От матери к дочери, например?

– Сложно сказать. – Лебедев наслаждался, разглядывая ведьмины глаза. – На сегодняшний день наука может сказать, что такой дефект наблюдается у членов одной семьи. Но как именно передается, определить не берусь. Однако можно заключить наверняка, это...

– Глаза родственников! – опередил нетерпеливый юноша.

Поверить в такую простую и логичную связь было трудно. Во всяком случае, Родиону пока не хватало на это силы духа. Но из нее совершенно очевидно выросла новая и неожиданная цепочка. Характер требовал проверить ее на прочность.

Рассыпавшись в благодарностях не хуже придворного льстеца, Ванзаров передал криминалисту анонимные письма, умоляя выяснить еще и на этот счет все, что можно. А сам торопливо покинул участок. Все-таки дышать ртом утомляло до невозможности.

9

Филер явился прямо как Конек-горбунок, даже посвист не требовался. Судя по докладу, силы госпожи Блохи оказались не безграничны. После вчерашних подвигов сделала передышку, с утра более не выходила. Родион собрался идти напрямик, то есть в номер, как вдруг из дверей дома Макарьева выпорхнуло создание в светлом платье под игривой шляпкой и направилось волнительным шагом в сторону Екатерининского канала. Приказав Курочкину быть под рукой, Ванзаров припустил за дамой. В полном смысле.

Господин Чалыкин, титулярный советник, служащий городской думы, отпросился со службы пораньше, чтобы отдаться утехам недорогой, то есть платной, любви. Обсудив цену с барышней, несколько в возрасте, но достаточно милой, поторговался и уже было согласился, как вдруг некий субъект, слегка помятый, но в теле, резво схватил ее за руку, дернул на себя, сурово заявил: «Эта барышня занята», и увлек за собой.

Чиновнику только и оставалось выругаться с досады. В самом деле, не будешь же драться на улице за самку, не те, знаете ли, времена. Культура победила дикость в некоторых вопросах.

Липа как ни в чем не бывало просунула руку глубже под локоток, прижалась и спросила нежно журчащим голоском:

– Куда меня ведете?

Стальное сердце выдержало прикосновение теплого женского бока, только биться стало чаще. И почему-то в ушах юного чиновника.

– Куда делись мрачные мысли, цветете и хорошеете, – сухо заметил он.

– Ах да. Нельзя же все время думать о плохом. И ребенку вредно. – Липа кокетливо улыбнулась. – Такой сильный и страстный. Так беспокоитесь обо мне. Женскому сердцу надо совсем немного теплоты... Вы так внимательно заглядываете мне в глаза, словно хотите узнать мою душу. Смотрите-смотрите... Такой милый... У вас красивые глаза. И усы чудные... Я говорила, что они вам идут?

– Говорили слишком много. И слишком мало правды.

– Вам не идет хмуриться, милый мальчик. Правда – это так скучно...

– Куда интересней выдумать историю о родителях в Базеле и сценическом таланте по части плотания шпаги. И о том, что не знали соперницу. Врать так глупо. Зачем?

– Надо получать удовольствие от жизни. Хотите познать глубину страсти?

– Обязательно. Но не сейчас. – Родион крепче прижал маленькую ручку, мало ли что. – Куда интереснее выяснить простой вопрос: отчего вы вернулись в профессию так

стремительно, как только узнали о смерти Нечаевой?

– Не понимаю, о чем вы.

– О том, что за вчерашний вечер и сегодняшнее утро вы заработали около сорока рублей. Примерно половину моего месячного жалованья. Другой простой вопрос: зачем понадобились деньги? Отчего такая срочность?

– Следили за мной? Как некрасиво... А еще воспитанный мальчик...

– Что подсказывает жизненная логика? Бородин – богатый и нежадный. Его невеста номер один тихо скончалась. Но невеста номер два цела и невредима. Почему бы ей не включить женское обаяние и не вернуть себе жениха? Почему бы не рассказать о ребенке? Почему бы не попросить денег, раз они так нужны?

– Нельзя быть таким болтливым. Мужчине это не идет. Не тяните, больно...

– Но госпожа Незнамова поступает наоборот: не боясь опасности, о которой предупреждал мудрый чиновник полиции, то есть я, отправляется напрямик на панель. Для чего?

– Мне становится скучно. Давайте поговорим о вас.

– Еще вопросы: почему госпожа Незнамова проиграла матч? Почему на ее победу, в которую только сумасшедший поверил бы, сделаны огромные ставки? И кто этот романтический храбрец?

– У меня чудесная мысль, Ванзаров! Сыграем на бильярде! Фору дам. Хотите два шара? Нет – три! Только на ставку не скупитесь, скажем, пятьдесят рублей?

– Ставку? Это можно. Только объясните, для чего ваша соперница накануне матча сняла все сбережения и куда они загадочным образом делись. И еще три тысячи взяли. И все были поставлены на невероятный выигрыш госпожи Незнамовой.

– Погода чудесная... Прокатимся с ветерком...

– Так что же случилось, Олимпиада Ивановна? Почему Варвара вдруг наплевала на деньги и выиграла матч? Что произошло? Что показала безумным киксом, когда партия была у нее в руках?

– Довольно... Пустите...

Но Ванзаров держал крепко. Липа трепыхнулась и затихла.

– Что вам надо от меня? – спросила внезапно резким тоном.

– Для чего вчера приезжала ваша родственница?

Липа упрямо молчала. Даже не стала выкручиваться.

– Где и когда познакомились с Аглаей?

– С кем? – спросила она удивленно. – Про какую Аглаю уже в другой раз говорите? Не знаю я никакой Аглаи.

– Вашу родственницу зовут Глафира Панкратовна Кошелева?

– Так вы и это пронюхали? О, какой вы сыщик...

– Чиновник полиции. Что известно о ваших родителях? Тетушка рассказывала подробности?

– Это очень личный вопрос. Мы почти не знакомы. Я, право, не знаю...

– Заодно познакомимся. Кто были ваши мать и отец?

– Вы не поверите...

– Поверю, если не станете лгать.

– Почти нечего. Сколько раз пыталась тетущку, но она отговаривалась. Мне кажется, я незаконнорожденная дочь какого-нибудь графа и кухарки.

– Первого ребенка отдали на воспитание Кошелевой?

Липа замерла, словно попала подметкой в клей.

– Откуда... – кое-как выдавила она.

– Полиции все известно, – нагло заявил Родион, не имевший в распоряжении ничего, кроме логики и умения делать выводы. – Где этот ребенок сейчас?

– Вы делаете мне больно.

– Потерпите. Ах, в моральном смысле? Облегчите боль признанием.

– Умерла при рождении, – тихо ответила Липа и отвернулась. Быть может, чтобы не показывать слез. Или что там происходит с женщинами, когда они не в себе. Но полицейскому со стальным сердцем это не помешало:

– Где похоронена?

– На Смоленском.

– Кто отец?

– Да кто его знает...

– Из сиротского дома попали в дом терпимости?

– Куда же деваться бедной сиротке, красавчик. – Незнамова подмигнула обольстительно, как будто вмиг позабыв свои горести. Нет, все-таки не такая уж плохая актриса, зря антрепренеры отказались.

– К Ардашевой, что ли?

– Какой приткий. Проболталась, старая карга. Вам-то что? Было и былшем поросло.

– Нет, не поросло. Иначе бы рок не собрал три жертвы. Наверное, безвинные.

Кажется, Нечаева опять не поняла. Или сыграла мастерски, хоть таланта нет.

Ослабив хватку, Родион перечислил тела в порядке обнаружения. О предсмертной записке тоже не забыл.

– Горничная наложилась на себя руки? – с необычайным интересом спросила Липа. Прямо-таки с неприличным интересом.

– Чего не бывает от несчастной любви к господину Бородину.

– Вы меня заинтриговали...

– Логика подсказывает, что яд, которым была отравлена госпожа Нечаева, принесла Тонька. И тут надобно задать главный вопрос. Понимаете какой?

– Нет, – искренне призналась Липа.

– Почему флакончик бромэтила предназначался ей, а не вам?

Судя по задумчиво наморщенному лбу, барышня взвешивала. Тщательно и осторожно. Ведь на одной чаше весов помещалась ее жизнь.

– Я могу быть свободна?

– Это во Врачебно-санитарном комитете узнайте.

Не прощаясь, Липа быстро пошла в сторону меблированных комнат.

За спиной бесшумно вырос Курочкин:

– Хитрая bestia.

– Блоха, сами же окрестили, – сказал Родион с некоторым уважением. – Не упустите ее сегодня вечером, Афанасий Филимонович. Теперь она знает, что за ней следят. Будет осторожничать и хитрить. Сегодня должно что-то произойти. Очень важное.

– Никуда не денется, – заверил филер.

От этих слов стальное сердце чиновника полиции стало биться уверенней и спокойней. Жаль, что шальная догадка не подтвердилась: на зрачках Липы не было и следа наследственной искры.

10

Бильярдный зал «Hotel de France» с трудом вмещал зрителей, собравшихся ради редкого зрелища. Показательное выступление давал гений французского карамболя монсеньор Кламель, скромно названный в афише профессором бильярда. Посмотреть было на что, это вам не кунсткамера с уродами и не заезжая певичка. Кламель демонстрировал подлинное искусство владения кием. Начал с того, что с одного подхода набрал 150 очков в трехшаровый карамболь, всухую выиграв партию. Получив заслуженные бурные аплодисменты, монсеньор занялся карамбольными фокусами. Публике было предложено заказывать любые удары: оттяжки, дуплеты, триплеты – выполнял любые просьбы с любой позиции. Далее начались невообразимые чудеса. Установив цилиндр в центре стола и положив в него красный шар, Кламель ударил так, что биток завертелся выюном, подпрыгнул,

скакнул в цилиндр и стукнул шар.

Скромно поклонившись на бурю восторгов, монсеньор поставил бутылку, на горлышко водрузил красного и невообразимым ударом сбил его карамболом – от белого шара. Но верхом искусства стал удар в стиле Вильгельма Телля. Установив на растопыренных пальцах маркера шар, как яблоко, Клавель сбил его от двух бортов и карамболя, что объяснению физикой уже никак не поддавалось. Что тут скажешь: виртуоз. Это вам не на скрипке пикировать, тут головой думать надо.

Публика неистово бисировала. Общий восторг захватил даже Родиона. Отбивая ладошки, он посматривал на Ирму, которая радовалась чудесам сдержанно. И не он один посматривал. Затеряться в мужском обществе даме с пиратской повязкой так же трудно, как хорошенькой блондинке. Взгляды все равно будут жалить. Хоть не облизывать.

Фрейлейн фон Рейн, кажется, давно привыкла к производимому впечатлению и не тратила внимания на пустяки. Ее вниманием целиком завладел Бородин, который переживал триумф Клавеля со смешанным чувством зависти и обожания. К этому часу Нил Нилыч некоторым образом преобразился. Следов похмельной печали как не бывало, вечерний смокинг сидел как родной. В общем, Бородин сиял как дорогой, даже роскошный подарок.

Клавель как раз решил удивить номером с кружащимися шарами, когда Родион требовательно дернул за локоть. Нехотя оторвавшись от зрелища, Бородин отошел к самому дальнему столу, выставил пирамиду и протянул кий:

– Охота вам в такой вечер заниматься ерундой? Может, отложим?

Суровый юноша проигнорировал жалобный тон. Приняв инструмент, внимательно осмотрел, словно боялся подцепить занозу, и повертел колесом:

– Куда бить?

Лицо Бородина исказила гримаса. Поставив на меловую линию красный шар, ласково, как несмышленишу, объяснил, что битком надо разбить пирамиду, а кий держать так же свободно и легко, как держит смычок хороший скрипач.

– Покажите, – последовал строгий приказ.

Бородин издал неясный звук и принял стойку для удара, да такую, что только картину писать: левая нога выдвинута вперед, прямая, правая несколько отодвинута назад, согнута в колене, идеально прямая спина наклонена к столу. Рука с кием уже пошла на размах, как вдруг Родион спросил:

– Варвара говорила, что беременна?

Кий саданул в нижнюю часть битка, шар подпрыгнул и покатился к борту, не задев пирамиду. Великий мастер произвел детский кикс. Все еще держа кий меж опорных пальцев, Нил оторопело спросил:

– Как?

– Меня больше интересует вопрос, от кого.

Молча вернув красного на позицию, Бородин разбил пирамиду. Шары разошлись удобно: на игру встало три, не меньше.

– Ну и сюрприз приготовили, – наконец сказал он. – Нельзя было сразу. Ваша очередь.

– Играйте, поучусь со стороны. К этому сюрпризу не имею никакого отношения. В лучшем случае – господин Лебедев. Да и то обнаружил на вскрытии.

Нил застонал, как от желудочной рези:

– Сколько было?

– По выводу криминалиста, плоду четыре недели. Подходит?

Почти не целясь, Бородин положил дальний шар.

– Мне трудно об этом говорить.

– Понимаю: такое горе. Молодая невеста, будущая мать, скорее всего, вашего ребенка, восходящая звезда бильярда. А еще звезда «Петербургского листка», вознесенная вашими задачками.

– Нет, это совсем не то.

– Играйте, Нил Нилыч, вон того – мертвый шар, ляжет легко, и выход есть.

Бородин послушно исполнил удар. Шар прыгнул в лузу, потерялся и свалился в сетку.

– Вы большой мастер, – похвалил Родион. – А у левой лузы дуплетом можете?

Кий лег на прицельную линию, ударный конец его плавно пульсировал между указательным и безымянным пальцами. Правая рука уже отошла на удар, как вдруг Ванзаров сказал:

– Кстати, Липа тоже беременна.

Нельзя говорить под руку даже чемпионам. Бородин дрогнул, кий ушел не туда, биток скакнул через борт. Два кикса в одной партии – редкий позор. Подбирать упавшего красного пришлось Родиону. Нил замер с кием:

– Нарочно мучаете?

Поставив биток к борту, как полагается правилами, бильярдный неумеха туда же пристроил кий:

– Вы уж решите – или мучаю, или спасаю.

Теперь и Бородин отшвырнул бесполезный инструмент и дрогнувшим голосом, будто со слезой, спросил:

– Зачем вы со мной так?

– Нет, Нил Нилыч, это вы поступаете загадочно и необъяснимо.

– Да что же я такого сделал?

– Во-первых, нагло и неумно врете.

Родион катнул белого: шар толкнул стоявшего у лузы, и тот свалился. Получилась «афера». Ванзаров продолжил:

– И этого достаточно.

– Хорошо, помогал Варваре с газетой, но что же тут преступного? А про ребенка... детей, поверьте, ничего не знал!

– Еще Липе составили протекцию в «Аквариуме».

– Вы и сюда залезли?

– Жалеете, что не послушали Аглаю, не закопали глаз? А вместо этого побежали в полицию?

– Почему я должен жалеть?

– Потому что залез я, как выразились, глубже, чем рассчитывали.

– Бред какой-то. – Бородин схватил шар и принялся крутить его в руке. И очень зря: у него за спиной Ирма изготовилась к прыжку, так что Ванзарову пришлось даже соорудить страшные глаза: опасности нет.

– Попробуем разложить то, что названо бредом, в логическую цепочку. – Родион чуть сдвинулся с линии прямого броска шаром. – Итак, состоятельный и неженатый господин Бородин приносит в дом целый пуд счастья. Аж две невестки. Матушка его, очевидно давно мечтающая о внуках, готова принять любую. При этом выбор господина Бородина странен до невероятности. Одна барышня – бланкетка, другая – еще числится по тому же Врачебно-санитарному комитету. Вопрос: отчего такой странный выбор? Логичный ответ: обе прекрасно играют на бильярде. Логичный, но недостаточный. Оказывается, одну из них господин Бородин обучил игре на спор. Впрочем, как и другую. Барышни, что называется, спарринг-партнеры. Или партнерши. При этом господин Бородин уверяет, что они не знают друг друга...

– Это правда, они не знали! – вставил Нил. – То есть хочу сказать: не знали, как я представлял их матушке...

– Возможно, – согласился Родион. – Но это не главное. Происходят иные странные происшествия. Господин Бородин составляет задачки, разрешает публиковать их под фамилией Нечасовой. При этом делает все возможное, чтобы бездарная шпагоглотательница выступала на сцене. Дамам шьются туалеты в самом дорогом ателье столицы. Одна из них живет в роскошных меблированных комнатах. Другая – не отказывает себе в редких духах. Зачем такие траты? Логичный ответ: дамы потребовали плату за участие в чем-то...

Нил просто ждал, не соглашаясь и не отвергая.

– С этим ясно, – продолжил Родион, не дожидаясь аплодисментов. Не себе, Клавелю, конечно. – Не раскрыт другой вопрос: для чего такие сложности господину Бородину? Быть может, от скуки? Маловероятно, ведь господину Бородину есть чем себя развлечь. Попробуем с другого конца. Назначен решающий матч между барышнями. Варвара превосходит соперницу на голову. Однако бешеный интерес знатоков вызывают ставки на победу заведомо более слабого игрока. И тут появляется некая дама, до тех пор неизвестная бильярдному миру, которая в порыве щедрости кладет пять тысяч на победу Незнамовой. С чего вдруг? Только если результат ей известен. Вспомним, как развивались события. В решающий момент, когда счет был равным и судьба висела на волоске, Нечаева вдруг делает кикс. Но делает его так грубо и опасно, словно плюет в лицо. Кому? Логика указывает на Липу. Очевидно, понимая это, Незнамова выбита из колеи, не может взять партию, которую в той позиции выиграл бы и слабейший игрок. В итоге Нечаева побеждает. Почему? Быть может, решила выиграть нечто большее. Что происходит с неизвестной, поставившей пять тысяч? Теряет не только их, но и двадцать пять тысяч призовых. Знаете, что в этом странного?

Ответом юному чиновнику полиции стал шквал аплодисментов в дальнем конце зала. Месье Клавель был на высоте. Не смутившись, Родион продолжил:

– Во-первых, со счета госпожи Нечаевой, на который переводились ее гонорары, были сняты все средства, как раз перед матчем. В комнате их не оказалось. Допустим, исчезли бесследно. Но куда более загадочно, откуда взялись еще три тысячи, недостающие до пяти. Случайно не знаете?

– Ах вот в чем дело, – Нил словно очнулся от летаргического сна. – Теперь понял. Хотите сказать: я провернул аферу? Подготовил двух игроков, неравных по силам, чтобы тайно сделать ставку на слабого и сорвать банк? Но это даже не дико, это смешно! Бильярд для меня – высокое и чистое искусство. Для чего пачкаться грязью, от которой век не отмыться?

– Двадцать пять тысяч – не лишние и в грязном виде.

– Для вас – может быть. Но у меня есть состояние. Богатство спасает от мелких подлостей. Вам это трудно понять.

Получив оплеуху, Родион стерпел и виду не подал, только усы опасно вздыбились. Теперь слова подбирал тщательно:

– Я не сказал: лично вам. Быть может, появился некто, кто требовал от вас такую сумму. Чтобы не разорить семью, были вынуждены пойти на это.

– Милейший Ванзаров, это романтический бред, – дружелюбно заметил Нил. – От вас, прагматика и реалиста, такого не ожидал.

– Вы так думаете? А если сделать предположение, что этот самый некто узнал о вашем прошлом что-то такое, что стоило больших денег?

– Повторяю: бред.

– Например, кто-то предъявил веские доказательства вашей страсти к четырнадцатилетним девочкам.

Умильно заморгав ресницами, что вовсе не шло такому блестящему господину, Нил промямлил:

– Откуда вы...

– Не волнуйтесь, это касается только вашей совести. У меня нет никаких доказательств, а искать их я не собираюсь. Вопрос в другом: вас могли шантажировать. Признаться в этом господину Вендорфу или мне было невозможно. Вот и пришлось выдумывать историю с женитьбой. Это логично и просто. Что же касается глаза, он замечательно вписывается в эту цепочку: предупреждение о серьезности намерений и одновременно напоминание о чем-то, памятном вам. Вот и весь рок. Сюда же вписывается смерть Варвары – наказание за выигрыш матча. Ну как?

Шар выпал из массивной ладони бильярдиста, плечи опустились, и весь он сдулся, словно кукла на самоваре, из которой выпустили пар. Бдительная барышня фон Рейн

успокоилась.

– Господин Ванзаров. – Нил говорил тихо, за триумфом Клавеля его было едва слышно. – Могу вам поклясться чем угодно... Спасением души, жизнью своей матушки, жизнью нерожденного ребенка моего. Чем хотите. Никакого шантажа не было...

– А что было?

– В том-то и дело: ничего! – крикнул Бородин и осекся. – Знаю, не верите мне. Да, у каждого есть грешки, раз уж покопались в них, но это моя болезнь и мой стыд, ничего не могу поделать. Я хотел себя наказать, женившись на одной из... таких девочек, то есть проституток, которым испортил жизнь... Это моя боль и мой грех, они со мной всегда, они сильнее меня. Понимаете вы это?

– Хотите убедить, что не убивали Варвару и Марфушу? – быстро спросил Родион, так старательно готовивший свою атаку.

– Клянусь вам...

– Назовите кто. Вы должны знать.

Ноги подкосились, тело бильярдиста поехало вниз. Все еще держась за борт стола, Нил сползал на пол, так что виднелась одна голова. По щекам его побежали сырые ручейки. Сильный мужчина натурально рыдал на коленях:

– Клянусь! Я ничего не понимаю. Это кошмар, рок, напасть, не знаю что. Варвара умерла. Тонька отравилась. Марфуша разбилась, Аглая ходит сама не своя, матушка весь день рыдает, я живу как в аду. Умоляю, поверьте мне. Я так боюсь...

Даже стальная логика с таким же сердцем, бывает, сдаются. Подхватив массивного господина под мышки, Родион кое-как подтянул его тело, сотрясаемое рыданиями. стакан воды, который принесла заботливая Ирма, оказался весьма кстати. Клацая зубами, Нил выпил, отдышался и успокоился.

– Простите, – кое-как проговорил он. – Вам не следовало этого видеть. Не сдержался, накалило... Ребенка Варвариного жалко. Я бы его не оставил, воспитал, научил играть в бильярд, рос бы в нашем доме.

– У вас остается второй шанс – с Олимпиадой Ивановной.

– Да-да, конечно... Это счастье.

– Придется поверить, что вы не Синяя Борода, – утешил жестокий юноша. – Во всяком случае, пока. А то мало ли что придет в голову, чтоб не жениться.

Бородин издал протяжный и жалобный стон, будто из резиновой игрушки вышел воздух.

– Ладно вам, шуток не понимаете. Лучше расскажите про Марфушу.

Размазав слезы здоровенной ладошкой, что выглядело жалостливо и комично, Бородин признался, что не знает о ней ничего.

– Блаженная, да и только, что тут скажешь, – добавил он. – Может, Аглая знает.

– Кстати, про Аглаю. Какие у нее литературные вкусы?

– Литературные? И это вас интересует? Удивительный человек...

– И все же – какие?

– От вас – нет секретов. Нянюшка боготворит классическую литературу, в основном драматургию. Когда-то в юности мечтала быть актрисой, но не получилось. Обожает читать всякие пьесы. Чем древнее, тем лучше. Греки всякие и прочая ерунда.

– А научная литература? Химическая? Медицинская?

Нил горько усмехнулся:

– Когда ей? Да и зачем? Изучать химические процессы варки варенья или установку банок при простуде?

– Вот и мне любопытно, зачем домоправительнице читать «Судебную медицину» доктора Карла Эммерта 1882 года издания.

– Вот уж не знаю. Спрошу.

– А заодно выясните у няни еще один пустяк.

– Пожалуйста. А что именно?

– Узнайте у нее, что за родственник госпожи Нечаевой лишился глаза, который оказался на горке ягод.

– Как? – глупо вылутился Бородин.

– Это я вас спросил, – поправил Ванзаров. – Забыть не могу, сколько варенья погибло.

Убедившись, что бильярдист достаточно пришел в себя, чтобы вернуться на представление Клавеля, Родион отпустил его и остался с Ирмой. Чтобы пошептаться в одиночестве. Даже если кто-то захотел бы подслушать – ни за что бы не смог: восторги фанатов карамболя оглушили отель.

11

Быть может, счастье – это всего лишь не мучиться с поиском своего места в мире. Афанасию Курочкину повезло необычайно. Почти сразу нашел он свое призвание. Призвание быть филером. Не сказать чтобы маленький Афанасий грезил о филерской службе, но как-то само собой вышло, что попробовал раз – и понравилось навсегда. Филерская доля была не тяжела для Курочкина. Мог он сутками пропадать на посту, не есть, не спать, а только вести назначенный объект. Наверное, в прошлой жизни был волком или тигром и в этой привычки зверя пригодились удивительно. Афанасий испытывал необъяснимый охотничий азарт, когда вел жертву, был невидимым и знал каждый шаг ее, нет, вздох. Филерский талант, одним словом.

Наблюдение за Блохой стало доставлять удовольствие. Барышня появилась в дверях через два часа, но была одета неброско, во все черное. Чтоб, значит, быть незаметной. Вот ведь глупышка. Осторожно осмотрелась по сторонам, заглянула на другую сторону улицы и только тогда крикнула извозчика. Такую манеру филер очень любил: объект знает, что его ведут, пытается засечь преследователя, но видит только обычных прохожих. Где ей обмануть самого Курочкина. Приятное волнение, всегда возникавшее, когда объект начинал проявлять строптивость, растеклось в душе Афанасия.

Блоха приехала на Апраксин рынок, велела извозчику ждать, побродила по темным закоулкам, зашла в трактир без вывески, где было темно и накурено, вышла оттуда под ручку с лихим пареньком, проехала с ним на Литейный проспект, пробыла в Версале с час и уже одна вернулась в меблированные комнаты.

Следующая вылазка была предпринята, когда на улицах зажглись газовые фонари. Блоха принарядилась в светлое и неторопливо, как на работу, отправилась по Вознесенскому. Почти сразу ее остановил худощавый молодой господин. Посмеялись, договорились и взяли извозчика. И тут Афанасий чуть не потерял объект. Ожидая, что бланкетка повезет клиента в Версаль, занял позицию на углу Екатерининского канала. Но когда Блоха исчезла более чем на пять минут, понял, что совершил ошибку. Бросившись со всех ног, успел заметить пролетку, повернувшую на Забалканский проспект. Ноги, которые кормят филера не хуже волка, не подвели.

Оказалось, Блоха повезла мужчину в трактир Сурогина, известный отличной бильярдной залой, где играла сама Мария Нилова – загадочная дама, всегда в черном платье, про которую ходил слух, что это переодетый мужчина, беглый монах.

Трактир был полон. На одном столе играли, другие были свободны. В этот вечер Нилова дала себе выходной или же отправилась смотреть на Клавеля. Заказав в бильярдную пива, Блоха предложила господину партию на три рубля. Пари было принято, игра началась.

Не всякий человек, входивший в соприкосновение с объектом, награждался кличкой. Однако новый господин такой чести удостоился и был занесен в филерскую книжечку под именем Стручок. Придумывание имен, хлестких и метких, было еще одной приятной стороной филерской работы.

Первую партию Блоха проиграла с треском. Стручок забрал выигрыш, поцеловал даме ручку, заказал еще выпивки и закуски, после чего они решили, что такой приятный вечер надо продолжить. Во второй партии разбивать выпало Стручку. Ударив сильно, он сделал

хороший разбой. Блоха прокатила для виду и отдала стол. Стручок выиграл вторую партию. Впрочем, как и третью. Играл неплохо, почти не делал ошибок, но опытный глаз не мог не признать в нем новичка. Рука напряженная, удар слишком резкий, да и к столу бросается с такой яростью, будто на штурм.

Поражения на настроении дамы не сказались никак. Она требовала продолжать. Ставки были подняты до пяти рублей. Молодой человек был явно при деньгах. Не прошло и полутора часов, как долг Блохи вырос до двадцати девяти рублей – подряд проиграла шесть партий. Стручок проявил благородство и готов был списать долг, но дама весело засмеялась, сказав, что только вошла в форму. А потому предлагает поднять ставку до десятки. Как истинный джентльмен, Стручок не возражал.

Характер игры сменился внезапно. Блоха больше не допускала досадных промахов или нелепых киксов. Биток попадал в цель с коротким хлопком. Шары летели один за другим, противник не успевал подойти к столу. Проигранная партия доставила Стручку большую радость – аплодировал и отвечивал комплименты. Блоха их благосклонно приняла. И предложила продолжить. Конечно, Стручок согласился. Словом, вечер протекал замечательно.

Афанасий тщательно проверил бильярдную. Выход из нее был только один – через обеденную залу. Двери или занавесей, отвлекающих внимание, не было. Окон нет. Все столы просматривались без помех. Света достаточно. В открытую наблюдать за матчем – ошибка начинающего филера. А Курочкин давно обрел опыт.

Выбрав стол, чтобы держать под контролем все входы и выходы из трактира и залы, заказал ужин, не особо обильный, но восполняющий потраченные силы. И даже рассчитался вперед, чтобы в любую минуту сняться с места. Но, кажется, в ближайшие часы Стручок и Блоха не собирались расставаться. Да и зачем – игра пошла интересная. Дама только что выиграла вторую партию на червонец.

12

Вокруг Сенного рынка помещаются не только доходные дома и дома терпимости, но и заведения, где зарабатывают на хлеб насущный руками. Бессчетное число мастерских, в которых чинят, лудят, паяют, приколачивают, сверлят, шьют и сдирают шкуры с зайцев, пойманных в окрестных лесах, разместилось по подвалам и нижним этажам. За все, что требуется в домашнем хозяйстве, от починки кастрюли до заточки ножей, умелые руки брались с охотой и удовольствием. И брали совсем немного. Чтобы на жизнь хватило да детей прокормить, не говоря уже о женах, но тем всегда не угодишь.

Мастерские не закрывались допоздна, мало ли кому что понадобится. И в этот час жестяное дело слесаря Корчевина готово было услужить любому. Но в мастерской находился гость совсем нежеланный. Околоточный надзиратель Лужков, грозно насупив брови, будто сама власть явила свое вечно строгое лицо, сотрясал бумажкой, по виду – вырванной из иллюстрированного журнала.

– Это что такое? – грозно вопрошал полицейский мальчишку лет пятнадцати, в пыли, грязи и саже до самых бровей и напуганного не меньше. Блюститель распотрошил готовый заказ и теперь грозил листком.

– Это как понимать: в портреты государя императора с супругой примус заворачивать? Да ты знаешь, что это такое? Да ты знаешь, чем это пахнет?

Никитка запахов давно не различал, но сопливым носом шмыгнул прилежно.

– До вас, мерзавцев, приказ градоначальника довел? – ярился служивый. – Довел. А что в нем сказано, негодяй? А в нем сказано: «Признавая употребление для бумажной обертки с печатными портретами Особ Императорской Фамилии вообще не соответствующим цели, а при отпуске товаров в такой обертке из съестных лавок – прямо вредным для здоровья потребителей, поручаю объявить об этом торговцам с недопущением сего на будущее время». Недопущение сего! Вот что сказано!

– У нас не съестная лавка...

– Дерзить? Так сейчас тебя в участок!

Неизвестно, чем бы закончилась борьба против лиц императорской фамилии на упаковке, если бы строгий голос не сказал:

– Лужков, оставьте, он больше не будет.

Околоточный резво обернулся и вынужден был умерить обличительный пыл.

– Вам же сказали: здесь не съестная лавка, а жестяная. Про жестяные лавки в приказе упоминается? Вот именно – нет. Свободны.

Козырнув, Лужков убрался с несколько обиженным видом. А Ванзаров протянул мальчишке свой платок, хоть относительно чистый, но для соплей годится. И нечего фыркать: не дамы, чтоб за всякой ерундой следить. Это у них платочки должны быть чистыми, аж хрустеть, а тут серьезные неженатые мужчины. Понимать надо разницу.

Никитка, оставленный в мастерской за старшего, то есть в одиночестве, пережил нападение околоточного до глубины души, а потому испортил платок основательно. С платком пришлось попрощаться. Примостившись кое-как в помещении, где отовсюду торчали ржавые, острые и просто металлические предметы, Родион попросил объяснить, с чего вдруг подмастерье жестянщика стал почтальоном.

Запинаясь, мальчишка рассказал, что два дня назад к ним заглянула барышня, скромная, но приятная. Мастера, как обычно, не было, девушка предложила Никитке немного заработать. Показала два конверта, первый следовало отнести в тот же вечер, а другой – на следующий. За все хлопоты сразу дала серебряный рубль, обещала сегодня занести другой, но пока не приходила. Никитка и согласился: адрес поблизости, добежать быстро, заработок легкий.

– В котором часу барышня была?

– Мы часов не держим, – с важным видом ответил подмастерье. – Темно уже было.

– Вот погляди, – Родион вынул пару снимков. – Нет среди них той?

Тертый палец Никитки уткнулся в левую фотографию:

– Она и приходила.

– Не путаешь?

– Разве можно, и платье то же.

Не спеша приближаясь к дому, Родион старался найти свободное местечко хоть в одной логической цепочке. Место требовалось для странного факта: почему накануне важнейшего матча госпоже Нечаевой понадобилось пристраивать угрожающие письма? И вообще, знала ли Варвара их содержание или сама поработала чьим-то почтальоном?

Подобные размышления на прогулке имели только один недостаток: Ванзаров переставал замечать окружающее. А потому чуть не сбил с ног невысокого господина, возникшего на пути к родным воротам. Не глядя, Родион буркнул извинения, но господин отчетливо произнес:

– Добрый вечер, Родион Георгиевич.

С виду не скажешь, что человек в этом сером пальтишке – один из тайных властителей столицы. Сенька Обух выглядел самым обычным петербургским жителем. А вовсе не вождем воровского мира. Одиночество его в этот час на пустой улице было мнимым. Такие господа без свиты не появляются, не положено. Наверняка поблизости изготовились подручные. Родион, конечно, не испугался. Но был рад, если бы рядом оказалась барышня фон Рейн, а лучше старший городской Семенов. Так, на всякий случай.

Обух выказывал дружелюбие как мог: руки держал на виду, при этом улыбался. Здраваться с полицейским права не имел, самоличное появление было высшим знаком уважения со стороны воровского старшины. О чем Ванзаров узнал несколько позже. Пока же, повинаясь интуиции, и он не подал вору руки, а только вежливо ответил:

– И вам доброго вечера, Семен Пантелеевич. Что-то случилось?

Обух оценил благородство юноши – любил сильных и честных соперников, не то что продажный Желудь. Но не об этом сейчас.

– Не дает мне покоя ваш интерес к Марфуше, – сказал он, не понижая голос. – Растревожили меня.

– Извините, не хотел.

– Не о том речь. Марфуша была для мира солнышком светлым. Все любили ее. И вот дошла весточка: нет больше Марфуши. Погибла душа невинная. Нехорошо погибла. Мир еще не знает, но, если узнает, сочтет за обиду. Надеюсь, понимаете?

Юного чиновника полиции неприятно поразило, как хорошо поставлен обмен информацией в воровском мире. Но вслух произнес:

– Это был несчастный случай. Ничего более.

– Почему расследуете вы?

– Смерть Марфуши к моему следствию имеет случайное касательство.

– Быть может, вам сказать неудобно. Только намекните. Мы не посмотрим, что господин Бородин знаменитая личность. Если Марфушу обидел, мир воздаст. Закон и справедливость не одно и то же, надеюсь, знаете. Как дело-то было?

Глаза вора буравили до самых печенок.

– Марфуша поскользнулась на лестнице, ударилась виском. Это был несчастный случай, и только. Желаете ознакомиться с протоколом вскрытия?

Впервые Родиону пришлось врать во спасение жизни. Не хватало, чтобы уголовники устроили Бородину вендетту. Это не загадка с глазом, тут кровь польется рекой. Наконец воровской старшина смягчился:

– Вам верю. Значит, такая судьба у доброй души. Отмучилась без страданий. Миру передам, чтобы глупостей не наделали.

– Буду очень признателен. И еще. Раз уж принимаете такое участие, может, узнаете что-нибудь из ее биографии?

– Уже постарались. Знал, что спросите, хоть не понимаю зачем.

– Это поможет внести ясность в расследование. С ее смертью никак не связано, – уверенно соврал Родион. Все-таки защищал красу и гордость российского бильярда.

– Ну, разве ясность. – Кажется, Обух усмехнулся, в темноте не разобрать отчетливо. – Марфуша и вправду была шкицей. С малолетства жила и воспитывалась в веселом доме.

– У Ардашевой? – перебил Ванзаров.

– Так знали?

Очень хотелось Родиону прихвастнуть, что сыграл ва-банк. То есть логика допускала такую вероятность, но крайне малую. И вот – удача.

– Эти сведения у нас имеются.

– Тогда остальное знаете.

– Более – ничего.

– Верю. Такого узнать не могли: Марфуша умом тронулась, когда рожала ребенка. Тяжело рожала, не в больнице, у старой повитухи, болью изошла, вот разум и не выдержал.

– Это происходило примерно шестнадцать лет назад?

– Значительно раньше. Лет тридцать тому, если не больше. Повитуха та давно померла. Про это не помнил никто, случайно у старика-швейцара выведали. У него в голове все путается, может, наврал. Да и слепой уже.

– А что случилось с ребенком?

– Умер. – Обух вздохнул, но не перекрестился. – Этого горя Марфуша не вынесла.

– Сколько же ей было тогда?

– Говорю же: шкица. Значит, рожала лет в пятнадцать. Если не раньше.

– Может быть, знаете ее фамилию?

– В нашем мире, господин Ванзаров, фамилия ни к чему. Но вот услугу, в оплату сведений, запрошу. Не возражаете? Благодарю. Так вот: как узнаете, кто повинен в смерти Марфуши, дайте знать. А мы уж справедливость восстановим. Тихо и аккуратно.словно несчастный случай.

Поклонившись, Сенька пропал в ночи.

А Родион остался наедине со своей логикой. И хоть верил в ее непобедимую силу, рядом с Обухом она впервые показалась хиловатой. Что и говорить: логикой обуха не перешибешь.

Бриколь

Научиться попадать своим шаром в другие шары и класть их в лузы – это далеко еще не значит научиться и уметь играть на бильярде.

Там же

1

Сфинкс расселся на валуне, как воробей на веточке. Тело птичье, лапы львиные, крылья в перьях, а ликом – девица. Мифическое создание красотой, честно говоря, не отличалось: нос прямой, губы узкие, лоб скошенный, да и прическа зализана хвостом. Никакого женского очарования, а приятности меньше, чем от мраморной статуи. В общем, несчастное создание. И характер у нее откровенно порченный, если не сказать мерзкий. Спросит – и глазом голубым зыркает, дескать, не ответишь – порву в пух и перья. Вредное животное, честное слово. И ведь загадки такие глупые, что и вспоминать не хочется. Чего только ей надо, откуда взялась.

Вдруг дева-птица расправила крылья, заверещала и потребовала ответить: что скрывает крепче ночи, затмевает ярче солнца и никогда не известно до конца. Вроде как отвечать на такой детский вопрос неудобно, а не ответишь – чего доброго, задушит. Крайне противное и неловкое положение, хоть беги, а некуда. Ноги одеревенели. Ведь не успокоится, так и размахивает крыльями. Отвечать надо. Выбирать ответ. А их два: смерть или любовь. Какой правильный? Эх, была не была. Родион и ответил. Сфинкс закатил глазки, словно птичка, каркнул и принялся стучать когтем по лбу юноши. Что совсем уже неприлично в пустыне. Вот птица глупая... Да что же она творит...

Родион выпал из сна, не понимая, где он. Вокруг ночь, тикают ходики, за окном покой, даже телег не слышно, откуда же... Частая дробь долетела из коридора, от входной двери. Гости пожаловали. Спрыгнув босыми пятками на мерзлый пол, Ванзаров подобрал жилетку и нащупал карманные часы. Стрелки уверенно показывали пять часов. Наверняка утра.

Грохот повторился. В тишине даже тихие стуки казались набатом. А эти – словно дом крушат на кирпичи. Всех соседей перебудят, потом разбирайся с домовладельцем.

Подобравшись к двери, храбрый юноша прислушался и как мог строго спросил, кто там. Приглушенный голос жалобно попросил впустить его.

Родион клацнул замком.

В мутном проеме двери нарисовалась длинная фигура. Курочкин явно был не в лучшей форме. Лишних пояснений не требовалось. Логика уже продрала глаза и, все еще зевая, оценила обстановку: что-то случилось. Тут и Желудю стало бы ясно – в такой час филеры в гости не ходят. А если ходят, то по причине. Безотлагательной.

На сборы потребовались считанные минуты. Не хуже заправского вояки Родион запрыгивал в брюки, заталкивал сорочку под пояс и сражался с рукавами пиджака. Рекорд не побил, но для гражданского чиновника сбор по тревоге был примерным.

Нежнейшим образом заперев замок, чтобы язычок не клацнул, и спускаясь по лестнице легче тени, Ванзаров заметил, как из-под соседских дверей уже пробивается свет. Все-таки разбудили. Спасаясь от гнева господина Крюкова, сыскная полиция дала деру. Хорошо, что у ворот ждал извозчик.

По заснувшим улицам, даже городских не видно, пролетка неслась отчаянно. Ванзаров рта не открывал, что и не требовалось. Курочкин изливался покаянным монологом.

...Еще раз проверив все возможные ходы и выходы, Афанасий принялся за обильный

ужин. За день беготни и дежурства в подворотнях молодой организм требовал вернуть долг. И Курочкин не жалел сил. Обильная пища расходилась по телу негой и благодатью, а самовар с вареньем стал последним аккордом в этой симфонии.

Из игровой залы доносились удары шаров, смех и голоса играющих. Время приближалось к полуночи, посетителей стало меньше. Разморенный теплом, едой и покоем, Курочкин лишь на миг прикрыл глаза. Так ему показалось. И тут же очнулся от пронзительного крика. Рванувшись к бильярдной зале, филер наткнулся на полового, скользившего в луже пролитого вина, и сразу увидел, что произошло. Игроков не осталось, все столы свободны. Предстала такая картина, что Афанасию самому захотелось взвыть. Но служба обязывала. Выждав, сколько хватило терпения – до четырех утра, наказал перепуганным половым бежать в участок, а сам отправился за подмогой.

– Вот честное слово, Родион Георгиевич, только глаза закрыл! – не мог успокоиться Курочкин. Ну какие тут оправдания: крепко сел в лужу лучший филер столицы, что скрывать.

Утешать или вытирать сопли Родион не считал нужным: тут полиция, а не кружок для барышень. У каждой ошибки есть цена. Курочкин свою заплатил. Но расплачиваться по полной предстояло коллежскому секретарю Ванзарову, кому же еще.

Ни одного городского рядом с трактиром Сурогина не нашлось. Значит, местные из 2-го участка Московской части еще не прибыли – спят. Что не так уж и плохо. Заведение встретило неурочных гостей пустотой и особой тишиной, какая бывает, когда группа людей шепчется вполголоса. И правда, стайка половых жалась к буфету. На Родиона уставилось пять пар глаз, в которых читалась одна наглая мыслишка: «Неужто этот – из полиции?» Игнорируя мнение народа, чиновник полиции отправился к месту происшествия. Вернее, к столу.

На зеленом сукне, свободном от шаров, лежало женское тело. Места как раз хватило, чтобы поместилось целиком, только ноги в ботиночках торчали на весу. Лицо, запрокинутое к потолку, застыло с недоуменным выражением, словно барышня дивилась происшедшему. Пальцы, скрюченные птичьей лапкой, как будто пытались что-то схватить да так и застыли. Пятно под головой поблескивало черным гляncем.

Вдалеке грохнула дверь. Не успел Ванзаров поверить в чудо, как в зале появился господин массивного телосложения, сразу заполнивший собой все пространство.

– Вы откуда? – вместо «здравствуйте» брякнул Родион.

– Отлично. Блестяще. Я в полном восторге, да. – Гость водрузил походный чемоданчик на ближайший стол. – Выдергиваете почтенного старика из сладких снов и не желаете его принимать. Из-за вас сорочку шиворот-навыворот натянул.

Скажем прямо, ранний подъем не помешал старику облачиться в роскошный сюртук, благоухать ароматом коньяка, о запахе сигарок и говорить нечего. И даже жилетка с бутоньеркой были на месте. И сорочка почти свежая. Все ясно: не ложился, а был пойман у порога дома, по пути с кутежа.

– Это я отправил за господином Лебедевым от вашего имени, – встрял Курочкин с таким обреченным видом, словно был приговорен к расстрелу. А пульей больше или меньше – какая разница.

– Спасибо за усердие, Афанасий Филимонович, вы очень помогли, – искренне поблагодарил Родион. Но бедный Курочкин услышал ядовитую иронию и сник окончательно.

– Вы еще поцелуями обменяйтесь, очаровашки, – заметил Аполлон Григорьевич, хищно устремившись к телу. – Что тут за подарочек? Ух ты, какая штучка. Опять хорошенькая. Умеете, Ванзаров, трупы выбирать. Позвольте. Это как же такое соорудили? Честное слово, подобное вижу впервые. Надо будет статейку тиснуть. Это ведь человека четыре надо, чтоб держать за руки и ноги. Понимаю – на кол посадить, но как кол проглотить? Зрелище незабываемое.

И правда, редко когда на бильярдном столе находят женщину, заглотившую кий по самую рукоятку, так что конец торчит над носом.

– Примитивно, Аполлон Григорьевич.

– Да? Тогда расскажите, умник полуночный, как это удалось?

– Проще простого, – не чувствуя радости от победы логики над криминалистикой, ответил Родион. – Госпожа Незнамова умела показывать фокус наподобие глотания шпаги: открывала рот и опускала кий.

– До самого пищевода? – уточнил Лебедев. – Странно, что с такими манерами умерла только теперь. Лежа глотала?

– Видел один раз, тогда стояла в полный рост. Но здесь потолок низкий, кий невозможно поставить вертикально. Вот и легла на стол.

– Хотите сказать, сама?

– Судя по пустым стаканам и бутылкам, настроение было отличное. Неплохо бы выяснить, почему фокус не удался.

– Как прикажете, ваше благородие. Нам, старикам, любое дельце в радость. Ну-ка выпейте чего-нибудь в буфете.

Натянув перчатки и облачившись в глухой кожаный фартук поверх костюма, Лебедев занялся осмотром. В такой миг, когда гений берется за дело, посторонним следовало удалиться как можно дальше и вести себя как можно тише. А то ведь и по шее недолго.

Отведя в уголок едва живого Курочкина, Родион спросил вполголоса:

– Значит, когда вошли в залу, Блоха не шевелилась?

– Моя вина, ох, моя огромная вина, – запричитал филер.

– Проверили пульс?

– Ну что тут поделать. Еще теплая. А не дышит. И кровища хлещет.

– То есть была мертвой какое-то время. Может, пять минут, а может, полчаса.

– Так опозориться...

– Когда половой закричал, спутник Блохи уже ушел?

– Не знаю, как такое вышло.

– Значит, сыграли столько партий, что в зале остались одни, были последними.

– Ведь так сел, чтоб и муха не пролетела.

– Афанасий Филимонович, вы на службе, – строго сказал Родион. – Хватит скулить как баба.

Сказанное волшебным образом оживило филера. Словно стакан воды в лицо. Иногда так надо. Курочкин внутренне собрался, да и внешне вытянул руки по швам.

– Есть прийти в себя!

– Благодарю. Будем рассуждать логически.

– Так точно!

– Как знаете. Итак, проснулись от крика полового. Значит, никакого шума не было. Не могли же вы так глубоко заснуть на посту. Так, задремали самую малость. Логично предположить, что Блоха показала фокус по доброй воле и в отличном расположении духа. То есть умирать не собиралась. Что из этого следует?

– Не могу знать.

– Она хотела произвести впечатление на мужчину. На знакомого мужчину.

– Выходит, так.

– Заходил кто-нибудь в залу?

– Только уходили. Три стола. Всего одна пара играла. А больше посетителей не было.

– Бородина не замечали? – спросил Родион на всякий случай, не сомневаясь, что в это время получал от маэстро урок игры в пирамиду.

Курочкин только подтвердил очевидное.

– Вернемся назад. Блоха остановила мужчину на улице.

– Нет, ее остановили.

– Набросайте словесный портрет.

Курочкин пришел в себя. Незвестный был описан четко и подробно: чуть ниже среднего роста, худощав, лицо несколько вытянутое, бороды нет, усы небольшие, нос прямой, губы тонкие, зачесан гладко, волосы темные, примерно двадцати пяти лет. Кое-как

составив детали в подобие лица, что всегда трудно со слов, Родион спросил:

– Точно его раньше не видели?

– Ну, уж про это даже говорить неудобно. Если задремал, это не значит, что...

– В ваших талантах не сомневаюсь. Но все-таки хочу знать: в особняке Бородина или около этот господин не попадался?

Курочкин готов был присягнуть: Стручок не возникал в поле наблюдения.

– Господин Ванзаров...

Аполлон Григорьевич отставил руки в перчатках, словно балерина в па-де-де.

– Несчастный случай? – Равнодушие юному чиновнику явно не удалось.

– Как прикажете. Но есть несколько фактов, не позволяющих в это поверить.

– Обрадовали.

– Причина смерти, безусловно, видна невооруженным глазом. Но госпожа Незнамова погибла от удушения.

– Как это возможно?

– С таким предметом в теле – несложно. Но ей помогли. Умелая рука ударила по концу кия, чтобы пробить внутренности, при этом надавила так, чтобы палка сжала дыхательный канал до асфиксии. Барышня билась в тихих конвульсиях. Я бы сказал, почти бесшумных. Кровь пошла горлом, горло придавили. Даже пискнуть не могла. Хотя и дралась за свою жизнь.

– Есть следы?

– Под ногтями кусочки кожи. Преступник помечен: у него расцарапаны руки или лицо. Он ваш.

Как раз вовремя прибыла заспанная и крайне недовольная делегация от 2-го Московского. Городовой остался у входа, а дежурный чиновник только взглянул и принялся за протокол. Несчастный случай оформлять, что же еще. Ванзаров не встревал. Только попросил держать тело в мертвецкой участка.

Курочкин был отправлен в меблированные комнаты Худякова ждать и хватать любых гостей, при этом тщательно осмотреть комнату Липы. Филер поклялся, что оправдает доверие, искупит проступок любой ценой и все такое, и выскочил из трактира. А Родион, подхватив под локоток криминалиста, доверительно спросил:

– Могу рассчитывать на ваш талант и терпение в это прекрасное утро?

– Ванзаров, вы типичный жулик, – ответил Лебедев, подхватывая готовый саквояж. – Но с вами занято. Ведите, юноша, к славе. Можно и по трупам, но только не хорошеньких барышень.

2

Развитие нравов дошло до того, что бесполезных людишек на помойку не выбрасывают, а отправляют в больницу для неимущих. Называют такие заведения больницами для приличия и красоты в отчетах господина градоначальника, и проходят они по статье «забота о народе». Нельзя же в официальном документе назвать их как есть – морилками. А так приличия соблюдены. Здоровым, а тем более живым такие больницы покидать не принято. Невежливо не помереть от врачебной заботы. Да и к чему жить одиноким старикам, солдатам-инвалидам, горьким пьяницам, покалеченным мастерам и прочим отбросам общества. Отжил свое, хватит – отправляйся в больницу для неимущих и помирай на здоровье за казенный счет.

Обуховская больница была особо знаменита. Горожане знали: попал в Обуховку – обратно не вернешься. Для скорой кончины тут предусмотрели массу удобств: прогнившее белье, жуткий холод в палатах, из лекарств – одна касторка. Зато морг образцовый: большой, просторный, светлый, никогда не пустует. Одно удовольствие для студентов-медиков, режь не хочу, никто слова не скажет.

Двум ранним господам из полиции не удивились. Тут вообще редко чему удивлялись.

Хмурый прозектор неопределенного возраста со следами глубокого человеколюбия на лице спросил, когда доставили, покопался в бумажках и указал на верхнюю полку, предоставив доставать, как господам будет угодно. Клиентов здесь хранили, как банки у запасливой хозяйки, на многоярусных стеллажах. Криминалисту следовало вскарабкаться метра на три и на плечах снимать тело. Но не тут-то было.

Продемонстрировав характер, а заодно и глотку, Аполлон Григорьевич заставил добыть санитаров с носилками и лестницей. Крошечное тело водрузили на мраморный стол, оскорбленный прозектор вышел вон. Родион, хоть и был неробкого десятка, стальное сердце и все такое, невольно жался к Лебедеву, и вовсе не от холода. Интерьеры музея мертвецов действовали угнетающе. И нечего стыдиться. Кто бы не оробел? Вот именно.

Из походного саквояжа вынырнул хитрый хирургический инструмент с загнутыми кончиками. Руки криминалиста облачились в резиновые перчатки. Мягким и не лишенным изящества движением Лебедев раздвинул складки кожи над левым глазом. Родион заглянул в черную, будто бездонную пропасть.

Реакция оказалась мгновенной. Аполлон Григорьевич впервые услышал, как в устах юного чиновника полиции звучит крепкое русское слово.

– А еще из приличной семьи, – с некоторым уважением заметил Лебедев. – Это на факультете классической древности таким оборотам учат? От меня ничего подобного набраться не могли. Да будет вам, Ванзаров, в нашей службе без этого нельзя.

– Я полный идиот, тупица, надутый, самодовольный осел, – сообщил Родион, переходя на литературный язык.

– Не спорю, порой вы редкий негодник, но зачем так убиваться. С этим живут.

– Ведь было же очевидно: песенка!

Лебедев искренне не понял. Пришлось напеть.

– Марфуша принесла ягодку. Ягодка – это глаз! Она в самом деле его принесла. Еще Курочкина корил за промах. А сам такое отмочил, что вам, Аполлон Григорьевич, в глаза смотреть стыдно.

Криминалист незаметно улыбнулся. Он прекрасно знал: если бы все чиновники полиции так переживали из-за службы, проклинали себя за мелкие ошибки – страшно представить, что бы началось. Преступности, чего доброго, пришел бы конец. Хорошо, что этого не случится.

– Зато набрались опыта. Будете знать, что глаза могут быть разноцветными. Кстати, такое редкое явление встречается, как правило, именно при родимом пятнышке. Наследственность.

– Но у Варвары Нечаевой глаза одноцветные?

– Ерунда. Разноцветье – исключение при устоявшемся семейном признаке.

– Отметина передается от матери к дочери?

– Необязательно. Может быть заложена любая закономерность. Надо ее заметить и понять.

Место для раздумий было не самым подходящим, но Родион все-таки в них погрузился. Мыслей набралось целый ворох. Каждая тянула за собой логическую цепочку. Вскоре мозг был окован со всех сторон.

– Разве могла Марфуша после такой процедуры сама прийти в особняк? – строго спросил Ванзаров.

– У душевнобольных бывает понижен болевой порог *non plus ultra*¹. Вот, к примеру, знаю случай: больному циркулярной пилой отрубило руку, а он принес ее и улыбается. Как ни в чем не бывало.

– Но ведь кровь должна забрызгать платье?

– Обязательно. И обильно. Если только не удалял хирург. Во что искренне не верю.

Родион хотел уже признать, что целиком согласен. Но не успел. Пробормотав что-то невнятное, бросил криминалиста и неприличным образом сбежал из мертвецкой.

¹ До крайней степени (лат.).

Что за нетерпеливый характер! Даже неудобно перед солидным экспертом.

– Ну почему одним достаются трупы, а другим все самое интересное, – печально пробормотал Аполлон Григорьевич вслед удаляющейся спине.

Он бы и сам не прочь вот так сорваться и побежать за мелькнувшей идеей. Но статус мешал. Нельзя же, в самом деле, чтобы великий криминалист бегал за всякими вздорными мальчишками. Нет, хорошо быть горячим юношей, господа.

3

Ночной сторож Смоленского кладбища Федор Анюков так давно оберегал мертвых от живых, что пропитался особой мудростью, какая случается с каждым, кто караулит границу между мирами. Крепость этой мудрости поддерживалась в любое время суток. Оставалось загадкой, как сторож умудряется быть навеселе постоянно и при этом делать дело. Редкий вор, рискнувший потревожить вечный покой среди глубокой ночи, был ловлен за шкурку и выдворяем вон. У Федора с каждым надгробием установились приятельские отношения, по ночам он беседовал с ними и перестал трусить, когда слышал в ответ неясные голоса. Заснуть мог в любом месте, нежно обняв памятник, но стоило пробраться чужому – сторож был начеку. Вот и теперь раннее утро встретил под каменной оградой, уютно свернувшись калачиком. Но сон не позволил досмотреть наглый толчок в плечо.

Разлепив веки, Федор обнаружил молодого господина приличного вида и плотного телосложения, что для гробовщика всегда неприятно. Юноша почтительно склонился, но вид имел серьезный до чрезвычайности. Особенно серьезно торчали пушистые усы.

– Чего тебе надобно, отрок? – пробормотал страж, исторгнув такой букет несвежих алкогольных паров, что перехватило дух.

Задержав дыхание, чтобы ядовитое облако испарилось, юноша вежливо приподнял шляпу:

– Где найти местного сторожа?

Привыкнув общаться с людьми крайне вежливыми, потому что мертвыми, Федор щепетильно относился к вопросам этикета. Недолжное уважение в его глазах было серьезным оскорблением. Нарочно дыхнув гостью в лицо, пристроил щеку на плече, зажмурился и буркнул:

– Нет никого. Закрыто. Уходите.

– Будьте добры указать, где он.

Приоткрыв один глаз, Федор оценил посетителя: ничего примечательного.

– А ты кто такой, чтоб нарушать сон почтенного старца?

– Сыскная полиция, чиновник для особых поручений Ванзаров.

Для приличия Федор подождал чуток и неторопливо поднялся из кладбищенской пыли, являя форменный жетон, а заодно отведывая поклон. Хотя он и был с вечностью на ты, но полиция – такая субстанция, что какую хочешь вечность к ногтю прижмет. Это сторож усвоил из личного опыта. Мальчишка выглядел мирно, не то что местный околотовый, но играть с огнем Федор не рискнул.

– Позвольте выразить уважение столь почетной в отечестве нашей службе! – сообщил он. – Имею честь услужить, чем могу, однако забыл представить вам свою недостойную персону: Федор, или, если угодно, Теодор. А впрочем, можно и Фердинанд, имя сие несет особый отпечаток величия и есть мило сердцу моему.

Кажется, в сторожа попал из провинциальных трагиков. Реплики из классиков в сочетании с горячительными напитками и постоянное общение с мертвецами определяли характер. Сторож начал нести высокопарную ахию. Из речи его следовало, что ждал он этого дня всю свою жизнь.

– Позвольте! – резко оборвал строгий юноша. – У меня срочное дело.

– О, как мы все спешим, не зная, что нам уготовано. Как мало ценим миг, даруемый быстротекущей жизнью... Господин хороший, не будет ли у вас благородного желания

поднести старцу рюмочку?

Мягкий рубль скрылся в натруженной ладони старца.

– О, как великодушны вы, молодое племя, что пришло на смену. А нам уже пора в чертоги вечности, где будут разрешены все вопросы бытия... Не изволите откусать в моем недостойном обществе, тут трактир славный поблизости?..

– Нет, – жестко ответил Родион. Его мутило уже не только от перегара, но и от речей. – Мне необходимо осмотреть фамильный склеп Бородиных. Знаете его, господин Фердинанд?

– Как нам не знать сие тихое и почтенное место, где нашли последнее упокоение лучшие члены благородной фамилии! Как часто, проходя в ночи мимо него, я размышлял о скорбном жребии всего сущего. Как говаривал незабвенный Шекспир...

– Еще слово, Федя, и скорбный жребий свой узнаете в участке.

– Так бы сразу и сказали. – Сторож деловито потряс связкой ключей, отпер кладбищенские ворота и гостеприимно распахнул. – Прошу! Чувствуйте себя как дома.

С этим Родион предпочитал не спешить. В ближайшие лет сорок хотя бы.

Узкая дорожка, посыпанная битым кирпичом, петляла между деревьев. Федор ковылял медленно, но уверенно, свое как-никак хозяйство. Рот его не закрывался, потоку философских размышлений, казалось, не будет конца. Родион перестал вслушиваться, занятый, как и каждый посетитель подобного места, разглядыванием надгробий. Зрелище на любителя. Кладбище было старым, камни поросли мхом, на кованых решетках следы морозов и дождей. Кое-где виднелись скульптуры печальных ангелов и дев в глубокой скорби. Сами собой посетили мысли о тщетности всего земного. Однако лирический настрой пропал, стоило только вдалеке показаться необычному строению. Родион вмиг узнал его. Склеп чем-то удивительно напоминал особняк на Крестовском: такой же нелепый, массивный и будто недостроенный. Что логично – членам семьи везде должно быть уютно.

Фердинанд выказал максимум гостеприимства: распахнул ограду, пропустил молодого гостя вперед. Склеп возвышался серой громадой. Массивные ворота преграждали путь.

– Откройте, – приказал Родион.

– В сем священном месте непозволительно тревожить вечный сон. Сам господин Шекспир сказал...

– Вот рубль.

Приняв дань в благодарственном поклоне, Федор извлек другую связку, на которой болталась гроздь разнообразных ключиков, и безошибочно выбрал нужный. Замок поддался с тугим щелчком: открывается нечасто.

Внутри склепа оказалось душно. Пол выложен мраморными плитами, но толщина стен сохраняла тепло не хуже печки. По странной прихоти, будто средневековые рыцари, Бородины хоронили своих предков в нишах: пустые углубления, заготовленные впрок, были прикрыты почерневшими фанерками, тела остальных Бородиных покоились в каменной стене. Таблички указывали, что здесь лежат четыре поколения семьи. У входа – самые древние. Дальше вглубь – помоложе. Бородин-старший обнаружился там, где заканчивалась штукатурка. За ним только одна табличка: «Младенец Марфа, 1850».

Присев на ступеньку, Федор беседовал с кем-то невидимым. Ворота удачно прикрывали Ванзарова и освобождали от лишних объяснений. Собрав волю в кулак и почти совладав с расшалившимся сердцем, Родион прихватил табличку и дернул. Проржавевшие гвозди поддались легко, только песок посыпался.

Открылась узкая ниша. Вместо деревянного ящичка показался сверток прогнившей материи. Задержав дыхание, Ванзаров прикоснулся к тельцу. Внутренности осыпались с тихим шорохом. Под покровом осталась одна голова.

Надо идти до конца. И Родион сдернул саван.

Беленькое личико сохранилось неплохо: реснички и бровки целы, губки пухлые, румянец на упитанных щечках, только облысела и пылью покрылась. Даже не состарилась. Да и что ей будет: фарфор не портится. Тряпичное тело Ки-Ки, которая оставила на диванчике подружку Ми-Ми, истлело, но головка переживет всех Бородиных. Фарфор вечен.

Как все просто оказалось. И логично. Вернее, из всех вариантов теперь остается только два.

Кое-как насадив дощечку на место, Родион отряхнул пыль времени с рук своих. Склеп выдал свою тайну. И делать здесь больше нечего.

– Весьма полезно для умственного развития приходить на кладбище, – сообщил Федя, запирая ворота. – Извольте, могу провести познавательную экскурсию. Ведь господин Шекспир говаривал устами персонажа своего...

– Фердинанд, окажите еще услугу, – попросил Родион, суя в лапу веский аргумент.

– Что только в моих силах, все сложу к вашим стопам! – заверил сторож, уже прикинув, что беспробудное счастье теперь обеспечено ему дня на три.

– Где-то должна быть могила младенца, умершего примерно семнадцать лет назад. Сможете найти?

– Обижаете, господин чиновник. Память у меня отменная, всех знаю и помню, словно родных. Как господин Шекспир сказал...

– Она наверняка некрещеная, имени ее не знаю.

– Ну а фамилия?

– Незнамова.

Сторож почему-то ухмыльнулся:

– Так и искать не надо, вон она.

Действительно, к ограде склепа будто прижался скромный каменный крест с выцветшей табличкой: «мл. Незнамова, 1878». У основания креста еще можно было разглядеть засохший букетик. Чтобы докопаться до истины, потребуется лопата. Войдя в раж, Родион уже намерился подкупить сторожа на все оставшиеся деньги, как вдруг Федор опять ухмыльнулся:

– Позвольте недостойное и неприличное сему месту покоя любопытство: для чего вам могилка сия?

– Проводится следствие, – буркнул Родион, прикидывая, как бы ловчее подтолкнуть к преступлению любителя Шекспира.

– Ежели копать изволите, так не тратьте время. Одна декорация.

– Как же так?

– Хоть и покрылось сие пеплом времен, но помню как сейчас: крест этот поставлен на пустом месте. Нет там ничего.

– Кому понадобилось?

– Не могу ведать сего. А только приходит раза, может, два в год барышня молоденькая, цветочки положит. На этом все. Не желаете составить компанию в трактир?

Родион искренне не желал. Какой трактир, когда удалось найти в некотором смысле клад. Нет, больше чем клад: факты. А это золото куда ценнее. С ним и семейный рок не страшен.

4

Утро в публичном доме мало чем отличается от прочих домов. Отцы семейства, мужья или просто мужчины, собираются на службу, целуют барышень в лоб, шепчут ласковые слова, обещают вернуться непременно, только к обеду быть не обещают. Самое романтическое время, честное слово. Шампанское выпито, деньги заплачены, можно дать волю искренним чувствам. Ну а тех, кому не до чувств, одевают и грузят на извозчиков.

В это утро идиллия была нарушена. К заведению мадам Ардашевой подкатила пролетка, подняв пыль до небес. Из пролетки выскочил юный господин, крайне решительно настроенный. Молодой швейцар попятился: не впускать права не имел, но и впускать побоялся. Опережая незваного гостя, швейцар кинулся в контору, где сонная Полина Павловна как раз взялась за бюджет, и успел только предупредить хозяйку шепотом:

– Опять!

Чиновник полиции бесцеремонно выдворил привратника и захлопнул дверь.

Мадам Адашеву испугать было не так-то просто. Даже появлением сыскной полиции с утра пораньше. С чувством собственного достоинства заявила:

– Что вы себе позволяете, господин... э-эм...

– Ванзаров, – подсказал юноша. – Признаю, что в приличный публичный дом так врываться не принято.

Аккуратно закрыв грессбук с пачкой ассигнаций, Полина Павловна сделала строгое лицо, сложила руки на груди и ледяным голосом поинтересовалась:

– Что угодно?

В эту фразу Ардашева вложила все, что накопело. В самом деле, надоели уже. Что ни день, то визит. Сколько можно, трудиться спокойно не дают. Скрывать-то особо нечего, но уж больно деликатный бизнес. Лучше полицейским носам лишний раз сюда не соваться.

Тон, от которого молоденькие барышни покрывались гусиной кожей, на юного чиновника не подействовал никак. Наоборот, Родион развязно ухмыльнулся и без приглашения уселся, да еще перекинул ногу на ногу.

– Мне угодно услышать правду, – сообщил он.

– Не понимаю, о чем. Вашей коллеге я вчера все объяснила.

– То, как ловко облапошили мою коллегу, делает вам часть. Но в отличие от берлинской полиции у нас свои методы. Порой они куда эффективнее.

– Пугать меня, молодой человек, не надо. Давно уж страх потеряла.

– Что вы! И не думаю! – Родион даже ладошку к сердцу приложил, чтоб искренность подтвердить. – Чем же могу напугать почтенную хозяйку?

– Рада, что понимаете.

– Разве тем, что наперекор закону, морали и человеческой совести отдает девочек четырнадцати лет развращенным мерзавцам.

Ардашева осталась совершенно спокойна.

– Это ложь.

– Конечно, ложь. И господину приставу, да и вашим опекунам из Врачебно-санитарного комитета она доподлинно известна. Все знают, что такое у вас невозможно. Быть может, сами проверяют порой.

– Господин Ванзаров!

– Госпожа Ардашева! – тоже повысил голос Родион. – Мне дела нет до этого.

Смутное беспокойство кольнуло сердце Полины Павловны. Неясность всегда пугает.

– В таком случае я вас не понимаю, – на смену гневу уже просилась приятная улыбка.

– Охотно верю. Для начала хочу спросить: знакомы с Семеном Пантелеевичем?

– С кем?

– В некоторых кругах он известен как Сенька Обух. Или просто: Обух.

Судя по забегавшим глазкам, хозяйка притона была в курсе.

– Вижу, знаете, – обрадовался Ванзаров. – Потому сразу к делу. Сейчас задам простые вопросы. Но если память вас подведет, как вчера, упрашивать не буду, а сразу передам эту честь Семену Пантелеевичу. Уж как Обух спросит, сами догадаетесь.

Сразу учуяв, что мальчишка не врет и не блефует, Ардашева испугалась по-настоящему. Не смогла догадаться, что объединяет воровского старшину и чиновника полиции. Сопляк оказался непрост, ох как непрост.

– Я, право, не знаю, – Полина Павловна натурально изобразила смущение.

– Обещаю: все сказанное останется здесь. Расследование неофициальное.

– Что ж, раз так.

– Рад, что договорились. – Родион был строг и невозмутим. – В мире, как это называет Обух, была нищенка Марфуша, блаженная. Перед тем как потерять память, она служила у вас.

Куда и девалась вся неприступная гордость? Ардашева стала обычной напуганной женщиной, которой не хочется ворошить старое.

– Вы уж знаете, что ж еще, – тихо сказала она.

– Ее настоящие имя и фамилия?
– Марфа Ивановна Нежданова.
– Как она к вам попала?
– Помните, рассказывала о подруге?
– Госпожу Кошелеву отлично помню.
– Это было, страшно вспомнить, лет сорок пять тому. Мы еще тогда были молодыми, я только заведение открыла; как Врачебно-санитарный комитет образовали и разрешили дома терпимости официально, так я и открыла, все деньги, накопленные трудом, вложила.
– Благородный поступок. Что дальше?
– И вот прибегает под вечер Глафира сама не своя. Говорит: сестра ее должна родить вот-вот, а мужу ребенка показать нельзя, сразу узнает, что не его. В сиротский дом не отдашь, подкинуть на улицу жалко. Просит выручить. Ну, я и согласилась помочь. Глафира обещала кормилицу прислать. И вот на другой день приносит сверток. А там девчушка чернявенькая такая и глазки разноцветные. Мы ее Марфой после окрестили. Глафира крестной была. Безродным одно отчество: Ивановна, а фамилию с приставкой «не» дают, вы знаете. Глафира придумала – Нежданова. Так и осталось. Марфа у нас росла, стала привыкать...
– В общих чертах повторила путь Варвары Нечаевой.
– Сами понимаете.
– Когда Марфа забеременела, что произошло?
– А ничего. Срок выносила, а рожать ее Глафира забрала куда-то. После сказала, что ребенок умер, бедняжка умом двинулась. Потом узнали, что она стала нищенкой Марфушей.
– То есть вы лично не видели умершего ребенка?
– Мало мне своих грехов.
– Кто его отец?
– Неизвестно. Уж поверьте, не знаю. Столько проходит...
– Чудесно. Господин Обух пока не потребуется. А теперь хочу услышать такой же честный рассказ о госпоже Незнамовой.
– А это еще зачем? – удивилась Ардашева.
– Здесь вопросы задаю я, – напомнил чиновник полиции. Прямо скажем нехорошо: так грубо с дамой. Но что поделать, какая дама, таков и разговор. – Примерно семнадцать лет назад Олимпиада Ивановна забеременела. При родах ребенок умер и похоронен на Смоленском кладбище. Сам видел могилку.
– После этого Липа и не вернулась. Стала бланкеткой. Слышала, неплохо теперь живет, на содержании, в бильярд играет. Увидите – привет передайте. Я на нее зла не держу. Не то что Варварка, змея.
– Отец опять неизвестен?
– Липа, конечно, знала, но от меня скрыла.
– Почему этот ребенок погиб?
– Откуда же мне знать. У Липы спросите.
– Значит, Незнамова тоже рожала не здесь?
– Ну, что вы такое говорите! Какие у нас роды, здесь мужчины бывают. Глафира ее забрала.
– Кошелева и здесь приняла живейшее участие?
– Что тут такого? Все-таки ее родственница...
– Да вы просто чудо! – вскричал Родион в порыве. – Воспитательный дом завели. Три поколения проституток на ноги поставили. Великолепно!
Ардашева насупилась:
– Что вы так? Я с вами по совести, а вы...
– Не обижайтесь, это глупость. День сегодня такой необычный. Вот язык и метет что попало. – Родион встал и поклонился. – Благодарю вас за помощь.
– Я-то мало что знаю, вы бы Глафиру спросили.
– Спросим, – пообещал Ванзаров и направился к выходу, но вдруг обернулся. – Старая

подруга не появлялась у вас на днях?

– Проверяете? Зря это. Вижу: сами знаете, что прибегала. Такая неожиданность, года два не виделись, а вчера объявилась.

– Зачем?

– Умоляла: если кто будет расспрашивать про Марфу или Липу, сказать, что ничего не знаю. Я ведь ей обещала. Слово дала, поклялась. Ах, еще один грех. Все из меня вытянули.

– Предупреждал же, мы не берлинская полиция, есть особые методы.

Юноша благополучно исчез. А в прожженную душу Полины Павловны закралось сомнение: уж не провел ли ее, такую опытную, хитрую и мудрую, желторотый юнец? И если не с Обухом, такими вещами не шутят, то уж с Липой – наверняка. Как закралось, так и поселилось уже накрепко.

Настроение госпожи Ардашевой было испорчено основательно, даже деньги пересчитывала без всякого удовольствия.

5

Участок встретил своего временного главнокомандующего триумфальным рапортом. Как ни странно, но полиция живет не только логикой. Иногда ножками побегать надо да лично проверить все углы и закоулки. Благодаря рвению чиновников следы госпожи Москвиной были обнаружены. Оказалось, пропавшая красавица сняла номер в гостинице второго разряда «Белград», из которой переехала в меблированные комнаты Пашковского на Садовой, а из них перебралась на частную квартиру на той же улице. Барышня была жива, здорова, хорошо обеспечена. Пропажа Афины Игнатьевны объяснилась на удивление просто, что и подтверждал соответствующий документ. Только вот один вопрос: как честно рассказать благородному отцу, какое счастье его ждет? Ванзаров не знал.

– Благодарю, господа, вы справились отменно, – печально сказал он.

– Ждем новых поручений, – успел за всех господин Редер.

– Их не будет. Розыски практически закончены. Остались мелкие детали, но я сам справлюсь.

Горя желанием служить, что бывает крайне редко, чиновники разошлись по столам. А Родион занялся тем, что любил больше всего, не считая, конечно, варенья, – принялся думать.

Не каждому понятна такая страсть. От думанья ничего хорошего не жди. Жить лучше не думая и не зная. Куда приятней прятаться за иллюзиями, чем знать правду. Лишнее все это для обыденной жизни. А для службы в полиции – и подавно. Однако герой наш устроен так хитро и неправильно, так глупо и прямо, что не может отказаться от думанья. И, разумеется, сам себя за это наказывает. Потому как думанье приводит к таким выводам, от которых становится тошно. Но кто сказал, что истина должна быть приятной? Никто такого не говорил. Нет, господа, истина как перец: обжигает. Родион ощутил это жжение: известно почти все, только радости от этого никакой. Да какая радость, невыговариваемая печаль поселилась в стальном сердце. Никакого удовольствия от победы над роком семейства Бородиных не испытал он. И в чем удовольствие? Не в наказании же. Тем более ничего подобного не будет. Вот ведь парадокс: хочешь раскрыть преступление, все силы в это вкладываешь, а в одном шаге от триумфа оказываешься по горло в мерзкой тине. Ну ничего, вытерпит.

Дверь участка, ежедневно страдающая от толчков и ударов, снесла еще одни, только жалобно застонала. На пороге нарисовался Курочкин, тянувший под руку даму в черном. Филер был настроен решительно – настолько, что при малейшей попытке дамы вырваться применял болевой прием. Пойманная тихо охнула и сдалась окончательно.

– Есть! – закричал Афанасий так, словно смысл вчерашний позор. – Вот, принимайте.

Ванзаров предложил даме стул. Она покорно присела и молча уставилась в пол.

Прежде всего надо было спасти филера. Курочкина буквально распирало от желания похвастаться. Еще немного – и он бы лопнул. Пришлось выпустить пар немедленно.

Захлебываясь словами, Афанасий доложил о подвигах.

Прибыв в меблированные комнаты Макарьева, обнаружил в номере Липы следы сборов. Вещи вынуты из шкафов и с полок, в середине комнаты – чемоданы. На столе билет на киевский поезд с отправлением завтра утром.

– Логично, – сказал Родион, когда поток слов иссяк. – Ей в дорогу деньги были нужны. Теперь понятна такая активность. Что же дальше?

А дальше Курочкин сел в засаду. Не ел, не пил, только копил злобу. И вот примерно полчаса назад к портье подошла дама, которую филер сразу узнал. Портье был предупрежден, а потому сказал все как надо. Дама поднялась на этаж и постучала особым образом – не иначе условный знак. Но ей не открыли. Зато подхватили под руку, заявив, что арестована. После возмущений и угроз, как без них, дама затихла и позволила доставить себя в участок.

– Блестяще, Афанасий Филимонович, просто великолепно! Неподражаемо!

Похвала, как известно, не бывает лишней. Зардевшись, Курочкин явил скромность:

– Пустяковое дело. Даже не устал. Если больше не нужен, пойду напьюсь, а то сутки на нервах.

– Только чай в буфете, вы мне еще нужны, – строго ответил Родион и, подождав, пока филер исчезнет в буфетной, обратился к даме: – В этот раз не стоит отпираться, что оказались случайно или перепутали номер.

Дама не сочла нужным отвечать.

– Мы с вами так мило общаемся, Аглая Николаевна, а я не знаю, правильно ли к вам обращаюсь? Быть может, надо – Глафира Панкратовна? Как вам привычней?

Она тяжело вздохнула:

– Я умоляла оставить это дело. Теперь добром не кончится.

– Конечно, не кончится, – согласился юный чиновник. – Сегодня ночью погибла Липа.

Аглая вздрогнула, словно припечатали раскаленным железом, но сдержалась. Ни крика, ни всхлипа, ни слезинки.

– Как это случилось? – только спросила она.

– Подавилась кием.

– Это злая шутка?

– Несчастный случай, как и все прочие. Разве не так?

– Вы не знаете, насколько абсурдны ваши подозрения.

– В таком случае расскажите, чего я не знаю.

Выждав минуту для приличия, Родион продолжил:

– Это ведь сущий пустяк. Все остальное уже известно. Например, кто и зачем организовал бильярдную аферу. Как и почему погибли Варвара с Тонькой. Я даже знаю, кто убил Марфушу. И вы это прекрасно знаете. Не надо так таращить глаза, они вам еще пригодятся. И это далеко не все, что открыто. Имея дело с семейным роком, приходится быть во всеоружии. Чтобы не осталось иллюзий: знаю про фарфоровую куклу в склепе и фальшивый крест неподалеку. Бедняжка Липа клала цветочки на пустое место.

– Что вы от меня хотите? – глухо спросила Аглая.

– Пустяк. Для чего подменили ребенка мертвой куклой?

– Сорок пять лет прошло, – словно проверяя себя, сказала няня. – Не представляю, как вы разнюхали. Но раз так... Филомена Платоновна была безумно влюблена в роскошного господина Аристофана Кивиади. Грек, бильярдист. В шестнадцать лет это простительно. Но Фила настолько потеряла голову, что отдалась ему. Кивиади обещал жениться, рассказывал о своем огромном состоянии. Когда Фила узнала, что беременна, и открылась – грек бежал. Оказалось, у него, кроме долгов, ничего нет. Она хотела наложить на себя руки, но я удержала. И тут, словно в награду за страдания, Фила познакомилась с Бородиным. Нил Петрович был старше на тридцать лет, но влюбился без памяти и сразу сделал предложение. Фила, не раздумывая, согласилась. И как только живот округлился, сообщила радостную весть. Нил был на седьмом небе от счастья. Роды начались раньше срока, как вы понимаете.

На всякий случай я позвала не доктора, а знакомую повитуху. И не зря. Ребенок оказался точной копией Кивиади, ничего общего с бородинской породой. А еще глаза разноцветные. Филя сразу приняла решение: дитя спрятать где угодно, а Нилу сообщить, что девочка родилась мертвой. Бедный Нил Петрович так переживал. Даже заболел и не пошел на похороны, так что мы вдвоем управились. Похоронить куклу – это был каприз Филы. Видно, в душе она дочку похоронила. Больше никогда не спрашивала, словно та взаправду умерла. Марфа на мне осталась. А вся любовь Филы досталась нашему обожаемому Нилушке. Родился через год здоровеньким и крепким. Теперь довольны?

– Почти, – согласился Родион. – Осталось выяснить незначительные детали. Где ребенок Марфуши и девочка Липы?

– Марфушин умер при родах, – сказала Аглая, глядя прямо в глаза. – Тельце положила у Обуховской больницы. Так многие делают. Похоронили где-то в общей яме. А Липину девочку я продала.

Родиону показалось, что ослышался:

– Как это «продала»?

– Вы еще молодой человек, хоть и в полиции служите, – старуха печально усмехнулась. – Многого не знаете, что в жизни бывает. На ребенка Липы мне сил не хватило. Вот и нашла добрых людей. У нее фамилия приемных родителей, девочка счастлива и не знает, что она приемный ребенок. Можете резать меня на куски, но я не скажу, кто она. Нельзя взрослой барышне ради вашего любопытства ломать жизнь.

– Конечно, не будем, – согласился Ванзаров. – Мы же не звери, а полиция. Но вас спрошу: откуда взялись барышня Варвара и сама Липа? Неужели Филомена Платоновна нагуляла? А то у вас необъяснимая страсть приносить сироток на воспитание в дом терпимости.

– Помогала людям, как могла. И за это буду расплачиваться вечным спасением души. Но чтобы вы испортили им жизнь своими допросами, как испортили мне, – не позволю. Больше от меня ничего не услышите.

– Больше ничего и не надо, – Родион полез за бумагами, словно у него накопилось срочных дел. – Вы свободны.

Аглая подозрительно насупилась:

– Я не арестована?

– Преступлений нет, значит, и ареста не было. Вас доставили в участок для частной беседы. И только.

Старуха нерешительно поднялась, словно не веря в чудесное спасение.

– Всего доброго, – попрощался Родион и вдруг добавил: – Простите за любопытство, что интересного нашли в учебнике «Судебная медицина» Эммерта? Это же не трагедии Еврипида.

– Люблю почитать на ночь глядя, а то засыпаю плохо, – в задумчивости ответила Аглая и, не прощаясь, покинула участок.

Где-то далеко тренькнули колокольчики телефонного аппарата. Трубку снял чиновник Матюко, выслушал и в охотку подбежал к столу Ванзарова, чтобы доложить: Родиона Георгиевича срочно вызывают.

6

К ресторану «Доминик» подъехала двуколка, со ступеньки спустился господин приятной наружности, хоть и несколько растрепанный. Судя по горящему взгляду и растительности на щеках, ночь провел бурную. Что вы хотите: мрачные размышления под пять сортов водки даром не проходят. Нил старался держаться солидно, но это давалось ему с трудом. Некоторая помятость сюртука свидетельствовала, что следить за господином было некому.

Однако приобщиться к кулинарному раю Нил Нилыч не успел. К нему подскочила

худощавая барышня удручающе мерзкой наружности, причем с одним глазом, и принялась сыпать комплиментами. Оказалось – горячая поклонница мастера бильярдной игры. Не пропускает ни одного матча, ни на что не рассчитывает, только мечтает о скромной милости: получить автограф. На измученного Нила словно брызнули живительным бальзамом. Распрямил плечи, блеснул неподражаемой улыбкой, изысканно поблагодарил и спросил, где расписаться. Барышня благоговейно поднесла блокнотик. Бородин уже занес вечное перо, чтоб оставить росчерк, как вдруг услышал щелчок и ощутил на запястье неприятный холод. При этом рука отказалась слушаться. Удивленно взглянув, обнаружил, что ее сдерживает кольцо наручных браслетов, цепочка которых тянулась к ручке барышни и там крепилась другим кольцом.

– Позвольте, – оторопело выдавил недавно роскошный мужчина.

– Без глупостей, господин Бородин. Вы арестованы. Не вздумайте устроить скандал в публичном месте. Ваша репутация понесет непоправимый урон.

– Зачем арестован? – одурев, спросил он.

– Берлинская полиция, – сообщила барышня в пиратской повязке.

– Именно берлинская? – уточнил Нил, теряя остатки разума и воли.

Ему под нос сунули черную книжечку с золотым имперским орлом.

– И правда берлинская. Благодарю. А что я сделал?

– Три года назад обесчестили невинную девушку.

Бородин пытался вспомнить, что же делал в столице рейха, но в голову приходила невыразимая муть. В дома терпимости заглядывал, само собой, но чтоб невинную бесчестить? Неужели все забыл?

– Прошу в ваш фаэтон, – приказала страшила и полезла первой.

Нил как привязанный потащился следом. Усевшись и кое-как взяв вожжи одной рукой, спросил:

– Нам куда, в германское посольство?

Но барышня назвала адрес на Малой Московской улице. Подъехав к указанному дому, Бородин обнаружил не тайное немецкое логово, а 4-е отделение Московской части столичной полиции и окончательно запутался.

Не отцепляясь, барышня провела задержанного в приемную часть, отстегнула свой браслет и приковала красу и гордость русской пирамиды к перилам конторской загородки. Нил покорно уселся на подставленный табурет, озираясь по сторонам, как карась в садке. Из того, что увидел, понял одно: одноглазую местных чиновники боялись хуже заразы.

Телефонировав куда-то, барышня уселась на венский стул и принялась напевать тирольский мотивчик, довольно фальшиво. Бородин решил ждать покорно, хотя сам не знал, чего именно. И сидел до тех пор, пока в участке не явилось истинное чудо, спаситель невинно осужденных, защитник несчастных бильярдистов, то есть попросту чиновник Ванзаров. Пушистые усы показали Нилу родными до слез. Жалобно застонав, он поднял скованную руку.

– Как себя вел? – спросил Родион у берлинской полиции, не здороваясь с несчастным.

– Шелковый, – Ирма поигрывала ключиком наручников.

– Благодарю, фрейлейн фон Рейн, блестяще провели операцию. Сразу видна немецкая школа. А теперь раскуйте пленника.

Освобожденный Бородин совсем уж было собрался броситься на шею мальчишке, но тот предложил следовать за ним. В приподнятом настроении Нил отправился в мертвецкую. Но вернуться сам не смог. Родион явно перестарался: Нил Нилыч тупо уставился на мраморный стол и, не говоря ни слова, рухнул без чувств. Размякшее тело пришлось поднимать двум городовым, доктор участка хлопотал с нашатырем. Придя в себя, Нил похлопал ресницами, мило, как умел, и только спросил:

– Как же это?

– Простите, не знал, что на вас так подействует, – сказал Ванзаров, которого терзали совесть с жалостью. – Теперь нет нужды в долгих объяснениях.

– Как же это? Липа... И ребеночек... Как же так?

– Нил Нилыч, прошу собраться с силами, надо выяснить важные вопросы.

Выяснение пришлось отложить. Нил зарыдал, растирая слезы, и никак не мог выпить поднесенной водки. Жалобная картина доконала стальное сердце. Родион почти созрел, чтобы утешать мужчину старше в два раза, но Бородин вовремя пришел в себя.

– Можете отвечать?

– А-а, – сквозь слезные вздохи выдавил несчастный.

– Когда точно подарили кий Нечаевой?

Нил смачно высморкался и обрел жизнь:

– Заглянул к Варваре перед началом поединка, передал сувенир, ну, поцеловал на счастье.

– Для чего понадобился подарок до матча?

– Накануне она сильно нервничала. Я не понимал, в чем дело, ведь Липа значительно ей уступала. Казалось, Варвара боится проигрыша. Потом узнаю, что на матч сделаны безумные ставки. Наверное, это выводило ее из себя. Мне захотелось немного поддержать, хоть и был уверен в ее победе. А что, это так важно... после всего?

– Думаю, ваш подарок стал причиной «всего».

– Вы серьезно?

– После объясню. Меня интересует другое: расскажите о вашей бабушке со стороны матери.

– Она-то какое отношение имеет? – Бородин разозлился, что бывает при резкой смене настроений. – Марфа Ивановна умерла десять лет назад!

– Хорошо ее помните?

– Конечно, это же бабушка. Владела крохотным имением в Нижегородской губернии, заезжала на лето.

– Не помните чего-нибудь странного?

– Да нет, милая старушка. Хотя деревенские ее боялись.

– Считали ведьмой?

– Это-то откуда узнали? – закричал Нил в растерянности.

– У нее вот здесь, – Родион указал на левый зрачок, – виднелась крохотная отметинка, черная искра. Я прав?

– Да что же это такое! Ясновидящий вы, что ли!

– После разберемся. – Ванзаров подскочил и в возбуждении принялся мерить шагами комнату. Ирма следила за ним с восхищением. Если можно заметить восхищение под пиратской повязкой.

– Почему у вас в доме такие странные слуги? – вдруг спросил Родион.

Почесав за ухом, Нил спросил:

– А что в них странного?

– Кухарка как барышня, лакей словно избалованный барчук. Кто их подбирал?

– Аглая, конечно, кто ж еще. Думаете, они странные? Не знаю... Тонька, конечно, с придурью, и Орест немного медлительный и задумчивый. Зато играет прилично.

– Орест играет на бильярде? – закричал чиновник полиции так, что задрожали стекла, а за ними и Нил. Но ответил с достоинством:

– Да, играет. Я сам немного учил его. Конечно, игрок из него средний, но иной шар кладет на загляденье. Сегодня расспрашивал меня о выступлении Клавеля, загорелся повторить его фокусы. Когда уезжал, Орест пытался шаром попасть в цилиндр. Забавный малый. Родион Георгиевич, вы куда?

Внезапно потеряв интерес к допросу, Родион подбежал к Ирме, зашептал на ухо, сунул фотографическую карточку. Фрейлейн прилежно кивала, обещая исполнить. Метнувшись назад, он спросил:

– Фэтон при вас? Буцефал запряжен?

– Куда я без него?

– Поехали, чего расселись!

Бородин гнал от души. Не замечая позади пролетку с долговязой фигурой. Курочкин, как обычно, держался в слепой зоне. Но Ванзаров знал не оглядываясь: филер на месте.

7

Особняк манил издалека. Распахнутые двери словно приглашали наведаться в гости кому вздумается.

– Слугам у вас раздолье: делай что хочешь. Вернее, не делай...

– Да, Орест маленько обленился, – кивнул Нил, нахлестывая Буцефала. – Это все Аглая распустила. Ничего, скоро остальные из деревни вернутся, возьмут и его в оборот.

– Кстати, какое отчество у Ореста? Случайно не Иванович?

– Зачем мне знать отчество слуги?

– А фамилия нечто вроде Нежданов?

– Понятия не имею. Вот у него и спросите.

Родион обещал спросить со всей строгостью.

Рациональный ум не имеет права на такие глупости, как предчувствия. Но деваться ему некуда. Особняк внешне никак не изменился, крыша не провалилась, окна были целы, но ощущение мертвенной запущенности поражало. Кто знает, отчего это происходит. Быть может, глаз замечает какие-то мелкие детали, а хваленый разум не успевает осознать. Остается чувство, тяжелое и тревожное.

Одолев ступеньки, Бородин встал у порога и крикнул:

– Орест! Иди-ка сюда!

Наверное, решил показать гостю, кто в доме хозяин. Но лакей не изволил явиться.

– Быстро ко мне! Я кому сказал!

Эффект тот же.

– Вот я тебе сейчас, – пообещал Нил, направляясь к дому с самым решительным видом. Но стоило его спине скрыться в сумраке гостиной, как вдруг послышался отчаянный стон.

Не дожидаясь приглашения, Ванзаров кинулся в дом, на бегу сигналил филеру.

На бильярдном столе возвышалась кладка кирпичей в шесть рядов. Белые шары жались к бортам ровными рядами, как на параде. Красный биток сброшен на пол, в бурю лужу. Пролитая жидкость струилась из разбитого виска. Орест лежал на спине, подвернув голову, словно удивлялся, как такое получилось. Правая рука, сильно загнута назад, еще сжимала кий, облезлый цилиндр торчал поблизости.

– Сколько можно! – закричал Бородин, падая в кресло. – Да за что же это!

Лакей не дышал. Судя по коже, несчастье произошло недавно, быть может, полчаса назад. Не успели совсем чуть-чуть.

– Часто сам с собой играл?

– Фокус проклятый собрался показать! – закричал Нил, словно чиновник полиции был во всем виноват. – Понимаете: фокус! Держал цилиндр ртом! Хотел загнать в него шар! Кирпичи выставил для отскока! Говорил же ему: не делай! Не послушал! И вот! Пожалуйста! Клавель доморощенный! Мальчишка! Разве так можно!

Несчастный случай выглядел хоть и диким, но объяснимым. Выставив биток, Орест со всей дури заехал по нему кием. Шар врезался в импровизированную стенку и отскочил прямо в голову. Траектория была вероятной. Родион специально пригнулся, чтобы проверить: угол отражения в принципе попадал в район лба. Но сила удара требовалась чрезмерная. Рана глубокая: кость проломлена. Способен на такое шар из слоновьего бивня? Лебедев наверняка знает. Только нет его рядом.

Встав на колени, Ванзаров осмотрел кровавую вмятину на виске. Следовало приложить к ней шар, чтобы убедиться окончательно, но и с первого взгляда все стало ясно. На правой кисти, осторожно повернутой к свету, нашлись красные полосы, как от кошачьих когтей. Такие же – на другой.

Курочкин, до сей минуты не подававший признаков жизни, аккуратно кашлянул.

– Узнали? – спросил Родион, отряхивая колени.

– Так ведь это Стручок.

– Неизвестный вам господин, игравший с госпожой Незнамовой в бильярдной зале трактира Суругина? – отчеканил чиновник полиции, словно для протокола.

– Так точно, – в глубоком отчаянии проговорил Афанасий.

– И при слежке за особняком его не видели?

– В том-то и дело: не зафиксирован как объект наблюдения!

Если лакей целый день валяется в своей комнате да папироски покуривает, никакой филер его не заметит. Что тут подделаешь – против лени логика бессильна.

– Сделали все, что могли, Афанасий Филимонович, – подбодрил Родион дружеским хлопком по локтю. – Карамболь сыгран отменно. Но следы остались.

Филер, кажется, не понял.

– Сначала Стручок помог Блохе показать фокус, а затем ему фокус показали. Подежурьте у входа, мало ли что.

Закрыв лицо ладонями, Бородин не шевелился.

– А где домашние? – спросил Ванзаров, чуть не добавив: из тех, кто жив.

– Матушка не спала ночь, перед моим отъездом приняла успокоительное, видимо, спит.

– Аглая?

– Что я, следить за всеми приставлен? – простонал Нил. – Может, в комнате заперлась, теперь целыми днями носа не показывает, в обедах каких-то.

– Как Орест вел себя утром?

– Обычно вел. Веселый был, шутил про какое-то богатство, которое заслужил. Потом стал приставать с расспросами о Клавеле. Я рассказал, он загорелся. Дальше знаете. Глупый мальчишка.

– Возможно. А теперь попрошу выяснить, что с вашей матушкой.

Бородин как-то странно посмотрел и бросился в спальню. Послышались радостные крики. Не прошло и минуты, как Филомена Платоновна выехала на своем троне, украшенном сферами Зодиака, в котором и заснула, укрытая пледом. Дама шурилась и явно не понимала, что происходит, а Нил вдобавок постарался повернуть ее спиной к бильярдному столу. Заметив Ванзарова, Бородин сдержанно улыбнулась и спросила, чем обязаны такому приятному визиту.

– Слышали какой-нибудь шум из гостиной? – вежливо спросил приятный гость.

– Орест, кажется, играл на бильярде, я приняла капли и заснула под эти удары. А что случилось?

Родион только открыл рот, чтобы аккуратно выяснить подробности, как вдруг Нил вскрикнул:

– Маменька! – рухнул на колени, зарыдал и прижался к ней, как испуганный ребенок. – Маменька, я больше не могу! Орест себя убил шаром! Такое несчастье! Я не выдержу! Опять! Да что за напасть на нашу семью! Не смотри туда, умоляю! Твои нервы этого не вынесут! Я один все переживу! Маменька, милая! Помоги мне!

Зрелище вышло редкостное. Не всякий день здоровенный мужчина почти пятидесяти лет пускает сопли на руках у мамы. Но происшествие смущало только Родиона. Филомена Платоновна нежно приобняла сыночка, погладила по голове и стала шептать ласковые, успокаивающие слова, какие всякая мать найдет для обожаемого чада. Просто умилительная картина. Впрочем, для посторонних не предназначалась. Госпожа Бородин отправляла строгий взгляд Ванзарову, дескать, неприлично пялиться, когда мать кормит грудью, то есть утешает. Однако Родион вызывающе не двигался с места. Даже головы не отвернул.

– Нил Нилыч, прошу успокоиться и проверить, на месте ли Аглая.

Получив ободряющий поцелуй, Нил кое-как оторвался от материнской груди и, пошатываясь, побрел к двери.

– Няня! – рывкнул он, при этом дубася кулаком. – Полиция тебя желает.

Створка приоткрылась и явила старуху, закутанную в одеяло с головой. И эта, видать, предавалась сну. Как удачно нападает дремота – на всех одновременно. Ванзаров без стеснения поманил пальцем старушку.

Аглая приблизилась и уставилась молча.

– Давно вернулись? – с милой улыбкой спросил Родион.

– От вас сразу домой.

– Что видели?

– Никого видеть не хотела, пошла к себе. – Аглая плотнее запахнулась в кокон.

– Так ничего не заметили?

– Орест на бильярде стучал.

– И достучался. Взгляните, какой фокус показал. – Чиновник полиции сделал широкий жест, приглашающий к бильярдному столу.

Аглая только покосилась и молча ушла к себе, хлопнув дверью. Понимать такой поступок предоставила как угодно: дескать, переживать, что ли, из-за всяких лакеев, засадивших себе в лоб бильярдным шаром. Или так: «Мне уже все равно». От такой бесчувственности Родион несколько опешил, но бешеный характер сдержал в рамках. Ни к чему сейчас лишние крики и препирательства. Лишь попросил увести Филомену Платоновну. Нельзя мучить почтенную даму ужасным зрелищем.

Притворив дверь материнской спальни, Нил приблизился и шепотом сказал:

– Пойду напьюсь до беспамятства. Компанию составите? Или не употребляете, как женщин?

– Желаете напиться с горя?

– Нет, с радости! Не каждый день слуга убивает себя на бильярде. Такое надо отметить. Станный вы, Ванзаров, никак не разберу. Вроде простой и открытый, а что внутри делается – не понять. Словно маску носите. Вижу, что страстишки темные так и бродят... Эх, мальчик, ничего-то в жизни не знаешь, ничего не пробовал, а судить берешься. Усы у тебя знатные, а что за душа? Не понять. Тьма там.

Родион предпочитал, чтобы ему не тыкали, а тем более внутрь не совались. Посторонним там делать нечего, ну, кроме автора, разумеется. А потому холодно ответил:

– В таком случае могу сообщить: расследование закончено. Осталась одна деталь, пока не ясная. Она интересна только мне. Могу сказать наверняка: за свою жизнь можете не опасаться.

– И это все?!

– Рок, принесший столько несчастья вашему дому, истощился. Не сомневайтесь. На этом можем проститься. Местный пристав оформит смерть Ореста как несчастный случай. Я больше не нужен.

– Вот как? Но я хочу знать! – повысил голос Нил. – В конце концов, я требую!

– Что именно желаете?

– Знать, что тут происходило. И при чем глаз проклятый, и письма, и вообще... Правду хочу! Истину желаю!

– Уверены, что хотите знать правду? – спросил Ванзаров так, что Нил Нилыч невольно поежился. – В этом не сомневайтесь? Не пожалеете? Помните, что сказал Ницше: истина – это полезная ложь.

– Да, я хочу. Хочу знать, за что мне выпало столько страданий.

– В таком случае жду вас завтра в полдень в бильярдной зале «Отель де Франс». Надо же закончить мое обучение.

8

Не будем, однако, сгущать краски. И так уж мрачнее некуда. Не только трупы с разбитыми висками или проглоченными киями случаются в столице. Бывают происшествия более приятные. Редко, но бывают. Вот, к примеру, одно из них.

По Невскому проспекту неторопливым шагом прогуливался господин, вид которого притягивал всех жуликов и карманников. На носу его болталось старенькое пенсне, именуемое на воровском жаргоне «камбалой», на голове торчала поношенная шляпа, по-воровски говоря «камлюх», а пиджак, то есть «клифта», был распахнут так широко, что и «распрягать» (аккуратно расстегивать) не пришлось бы. Лицо пожилого господина светилось таким добродушием и наивностью, что любо-дорого обобщать. Но обирать было нечего. «Канарейка» с «кожей» давно улетели из его карманов, поэтому доктор Москвин, кто же еще, наслаждался архитектурой и проходящими дамами. Большого позволить себе не мог. Впрочем, казалось, кого-то напряженно высматривает в толпе и даже останавливается, глядя вслед, будто нарочно подставляет карманы брюк, то есть «шкары», для работы.

Засмотревшись на витрину салона модного платья мадам Живанши, более известного как «Смерть мужьям», Москвин почувствовал легкий удар в плечо. Какой-то молодой человек налетел не нарочно, извинился и даже, раскаиваясь, поднял шляпу. Доктор с улыбкой простил растяпу и сам отсалютовал камлюхом. Он уже вознамерился двигаться дальше, как вдруг какой-то мальчишка дернул за полу и хриплым баском спросил:

– Эй, господин хороший, не вы обронили?

Москвин поискал под ногами и не поверил собственным глазам: около ботинка преспокойно лежал его родной старенький кошелек – драгоценный подарок супруги! Подняв находку, доктор ощупал «кожу» – как есть его, да еще и полная. Что же получается? Думал, обокрали, а оказалось – засунул не в тот карман. Ну и чудеса!

– Спасибо, мальчик! – проговорил растроганный Москвин пустому месту. Добродетельный ребенок, именуемый «затырщиком», растворился как видение.

Раскрыв кошелек, доктор пересчитал ассигнации. Все на месте. И даже на сто рублей больше. Кажется, ведь брал всего двести. Неужели и это перепутал?

В полной растерянности Москвин похлопал по карманам пиджака. В правом что-то было. Засунув руку, слегка дрожавшую, Игнат Семенович вытащил пропавшие часы. «Канарейка» была как новая, даже почищена. Вот до чего ученая рассеянность доводит. Думал, обокрали, а все целехонькое по «верхам», то есть наружным карманам, пряталось.

Чем не радостное происшествие.

9

Облака сбились над городом пеленой. Ранний вечер, а кажется, глубокая ночь. Дождь собирается, осень на пороге.

Ванзаров возвращался на извозчике по Каменноостровскому проспекту. Курочкин был отпущен с твердым приказом разыскать мазуриков, болтавших про глаз. Самому же чиновнику полиции пришлось задержаться в особняке до приезда пристава. Капитан Семеновский, прибывший лично, осмотрел тело, хмуро спросил, действительно ли несчастный случай, уже третий в одном и том же доме за два дня. Но, получив заверения, что никаких сомнений нет, копаться и задавать лишние вопросы не стал, а быстро подписал протокол осмотра. Бородин рвался отвезти сам, но упрямый юноша отказался от подобной чести.

Пролетка шла ровно. Родион посматривал по сторонам, отвлекаясь от раздумий. У театра «Аквариум» бурно играла музыка, кричали восторженные голоса, метались огни. Любопытство заставило остановиться. С пролетки было удобно наблюдать за происходящим.

Мужчины и женщины в масках двигались друг за другом, будто танцевали первобытный танец с факелами. Под грохот литавр и вой флейт исполняли обряд, таинственный и дикий. Языки пламени отбрасывали странные тени, вырывая то маску, то чью-то ногу. Господа веселились от души. В «Аквариуме» была традиция провожать лето подобным обрядом. Факельзунг, шествие с факелами. Публика обожала этот вечер. Не было никаких правил, только неудержимая радость, свобода и огонь, музыка и танец. Но обязательно в масках, чтобы потом не было стыдно.

Родион смотрел на пляшущие огни и вдруг ощутил, что времени нет, нет прошедших эпох – и он, и эти люди перенеслись на много веков назад, и сейчас не конец XIX, а самая середина V или VII века до новой эры. Огни, вопли, пляски те же. А может, и люди те же? Не изменился человек, не стал лучше. Все дикое и животное вырывается из него при первом зове сумерек. Не было веков цивилизации. И не будет впереди. Разве оденутся по новой моде, и только. Но через пятьдесят, сто или двести лет возьмут в руки факелы и будут плясать, как в эту ночь. Дикарь в человеке всегда торжествует. А мораль – тонкая паутинка, слетает при первом дуновении. Нет истории, а есть непрерывная битва слепой дикости с крохотным лучиком света. Как в грозовом небе: когда черно и мрак кругом – и вдруг в свинцовых облаках пробивается окошко, а в нем свет. И не дает это окошко пожрать себя тучам. Накидываются, а ничего не выходит. Надо обладать огромной волей в любую эпоху, чтобы не стать дикарем. Нет цивилизации и прогресса, а есть безнадежная битва света с пропастью тьмы и дикости.

Кажется, Ванзаров понял, для чего так рвался в полицию. Он приказал трогать.

В этот вечер огни горели не только в «Аквариуме». Три окошка в особняке на Фонтанке свидетельствовали, что Лебедев на месте. А куда еще деваться неженатому человеку? Только и утешений у великого криминалиста, что работа и актриски. Не считая, конечно, кошмарных сигарок. Позднего гостя он принял с жаром, так что Родиону пришлось отбиваться от рюмки коньяка или сигарки. А узнав подробности бильярдного фокуса, печально усмехнулся:

– Конечно, все самое интересное проходит мимо. Ох, доля горькая. Никому я не нужен...

Потребовалось все красноречие, чтобы утешить эксперта. Пришлось согласиться на коньяк, после которого в стальное сердце проникли теплота и нега. Родион уселся на каком-то старом вещественном доказательстве и чуть-чуть развязно сказал:

– Наблюдал сейчас *Fakelzung* в «Аквариуме», дамы и господа бегают с факелами в масках. И вот пришло на ум, что персоне... Что думаете, Аполлон Григорьевич, о персоне?

– Смотря о какой, – ответил Лебедев, вальяжно затягиваясь сигаркой. – О женской персоне – только самое вкусное. О мужских персонах – разное. Про вашу персону и говорить нечего – жулик. Не пойму, как попали в полицию...

– Я не про персону как личность.

– А что же?

– В древнегреческом театре персоной называлась маска, которую актеры надевали на себя. Ну, знаете, такие страшилища с перекошенными ртами. Надевали, чтобы сыграть трагедию. Впрочем, комедию тоже.

– Чудесно.

– Персона прячет человека. Скрывает совершенно. Под маской непонятно, кто перед тобой. Личина, одним словом.

– Еще коньячку?

– Погодите, – Родион загорелся. – Я подумал, что такую маску – персону – носит каждый. Даже вы и я. Кто-то носит маску любящего сына, иная – влюбленной невесты, другая – злобной фурии. Лицо тут ни при чем, персона прячет душу. Надо разглядеть, понять, кто же под ней прячется. Это самое трудное, как я теперь понял. Такое открывается, что лучше не снимать маску.

– За нашу и вашу персону! – провозгласил Лебедев, опрокидывая рюмку. – Кстати, о театре. К актрискам прогуляться не желаете? Так и знал. Тогда слушайте, что обнаружил в таинственных посланиях. Чем отрезаны слова, сказать не берусь, скорее всего, ножницы, наподобие маникюрных. *Sub specie aeterni*¹ это не имеет большого значения, потому что они приклеены сандарачным лаком.

Ванзаров не имел ни малейшего представления, что это такое. Чем добрый друг, он же добрый гений, тут же воспользовался.

– Эх, юноша, в полицию пошли, а таких элементарных вещей не знаете. Сандарачный

¹ С точки зрения вечности (лат.).

лак производят путем растворения сандарака в спирте.

– Что такое сандарак?

– Еще его называют реальгаром, или красным мышьяком. Употребляется для бальзамирования трупов, для благовоний, им останавливают кровь, борцы применяют его, чтобы не задыхаться во время поединка. Дымом сандарака лечат катар. Также успокаивает зубную боль и лечит десны. Полезная штучка. Догадались?

– Ни в малейшей степени.

– О Ванзаров! Чему вас только в университете учили? Последняя попытка: немецким сандаракom называется смола можжевельника. Ну?

– Что хотите – не знаю, – Родион даже обиделся.

– Театральный лак! – поставил победную точку Аполлон Григорьевич. – Которым приклеивают бороды и усы. Бумагу держит неплохо.

Так вот откуда тот самый странно знакомый запах! Можжевельник!

Впасть в уныние Ванзаров себе не позволил. Вторая рюмка укрепила дух. Занюхав янтарную жидкость каким-то химикатом, Родион весело спросил:

– А слова откуда вырезаны?

Лебедев молча указал на кучу в углу:

– Что-то из подобных брошюр. Специально держу для образцов бумаги... Поищите, может, найдете подходящую.

Коньяк приятно расслабил члены. Однако Родион все-таки направился в угол и стал перебирать печатные издания. Где-то в середине пачки попалась тонкая книжица с красной обложкой. Полистав, Ванзаров спросил:

– Хотите послушать?

– Валайте! – согласился эксперт, пребывавший в блаженной расслабленности.

– Цитата: «Какое же несчастье помешало расследовать это дело после такого падения власти». Откуда это? Уверяю, ничего сложного.

Изобразив задумчивость, Лебедев сообщил, что в голову ничего не приходит.

– Тогда другая: «И я слышал об этом, но никто не может указать виновника этого преступления». Кто говорит?

– Не знаю. Отстаньте.

– Последний шанс. Зачитываю: «Я буду бороться за него как за своего отца и приму все меры к тому, чтобы поймать убийцу». Назовите персонаж, даже вы его знаете.

– Да ну вас, – эксперт отмахнулся.

– Эдип-царь! – крикнул Родион, тем самым сравнивая счет. Не стоит думать, что между друзьями было негласное соревнование. Просто Родион Георгиевич не любил оставаться в долгу. Такой уж характер, что поделать.

Лебедев потребовал брошюру, полистал и признал очевидный факт.

– Сразу понял: что-то знакомое! – бурлил Ванзаров. – Но ведь я читал в оригинале, а здесь мерзейший подстрочный перевод какого-то преподавателя Императорской Царскосельской гимназии «Ив. Мир. Иванова». Тоже мне любитель словесности. Тьфу!

– В лаборатории плевать не принято, у нас стерильная чистота, – сказал криминалист, стряхивая пепел. – Значит, старик Эдип вас морочил. Ловко.

– Вот и знак! – закричал Ванзаров, тыча пальцем в страницу. – После слова «берегись» точка со скобкой! Брак наборщика. Это то самое издание! Если б сразу догадался... Если б увидел, что скрывала персона...

– Что бы изменилось?

– Варвару, конечно, не спасти. Но Липа, быть может, осталась бы живой. И Тонька. И Орест.

Победное настроение разбилось вдребезги. Родион резко протрезвел. И на душе стало только хуже.

В подворотне маячили какие-то странные фигуры, но Ванзаров пошел напрямик. Не пристало чиновнику полиции шарахаться от теней. Навстречу отделилась фигура невысокого роста.

– Добрый вечер, Родион Георгиевич.

Обух выглядел все тем же неуловимо серым человечком, которого и филер не возьмется описать.

– И вам, Семен Пантелеевич.

Коротко присмотревшись, вор спросил:

– С вами все в порядке? Выглядите странно.

Родион заверил, что это показалось, уличное же освещение. Несколько устал, но и только. Полон сил, кипит энергией.

– Очень рад. Просьба ваша исполнена. Господин доктор на улице нашел потерянный кошелек. Вещей не было, не наши постарались. Но ему компенсировано.

– Благодарю. Это справедливо.

– И еще одна мелочь, – теперь Обух смотрел прямо в глаза, как умел. – Я решил, что ваша жизнь еще пригодится. Столице и вообще...

– Вот как?

– Я не шучу, Родион Георгиевич. Наверное, знаете, что на своей территории держу порядок. Не скажу, что каждый кошелек срезанный знаю, но что касается убийства – с этим у нас строго.

– Кого убили? – спросил Родион.

– Собирались вас. Были заплачены деньги, оставалось только наше согласие. Но я подумал, что такой чиновник, как вы, дороже каких-то двадцати рублей.

Обиднее всего, во сколько оценили его жизнь. Хотя бы сотню-другую накинули. А так – по ставке бильярдной партии.

– Желаете взглянуть на гайменника?

Из-за темных спин, маячивших в отдалении, выступил довольно крепкий парень в сюртуке, ворот сорочки расстегнут. Не силач, примерно двадцати лет, худощав, среднего роста, нервный, волосы длинные, прямые. Ничего примечательного. С таким запросто справиться в честном бою. Но кому нужен честный бой? Ударил сзади по затылку – и был таков. Парнишка глаз не отводил и вообще не показывал, что ему стыдно или неловко, как будто заявлял: каждый имеет право зарабатывать, как умеет. Ты – умом, я – кистенем. Извини, дружище, ничего личного.

– Он ответит на любой ваш вопрос.

Вынув одну из карточек, запасливо хранившихся в кармане сюртука, Родион молча предъявил.

Так же молча ему кивнули.

– Вот и поговорили, – обрадовался Обух, незаметным знаком отсылая безвестного подручного. – Теперь ваш черед. Услуга за услугу.

– Что вы хотите?

– Назовите, кто погубил Марфушу.

Родиону потребовалась пауза, чтобы собраться с духом. Сами понимаете, не с начальством разговаривать, тут каждое слово на вес чьей-то жизни.

– Марфушу убил лакей Орест. Ударил сзади бильярдным шаром. Она умерла сразу. Чтобы замести следы, изобразил несчастный случай: якобы стукнулась о ручку лестницы. Убил в первый раз, поэтому, конечно, наделал много ошибок. Сразу было видно, что несчастный случай грубо сфабрикован.

– Зачем слуге убивать блаженную?

– Жадность и глупость, что же еще.

– Прошу подробности.

– Марфуша – внебрачная дочь Филомены Платоновны, матери господина Бородина. Не

знали? В том-то и дело. Она держала ее при себе. По завещанию Бородиной, в случае ее смерти Марфуше оставалось содержание. А лакею – ничего. Случайно узнав об этом, Орест решил отомстить, сделать больно хозяйке. Филомена Платоновна так рыдала над телом дочери, у меня чуть сердце не выскочило.

– Спасибо за искренность, – глухо сказал Обух. – Теперь уж мы сами.

– К сожалению, вас опередили, – честно признался Родион.

– Кто посмел?

– Судьба или высшая справедливость, уж не знаю. Сегодня утром лакей принялся играть в бильярд, шарик неудачно отскочил и пробил ему висок. Орест умер на месте. Похоже, рок любит подобные шутки. Его тело в мертвецкой 4-го участка Московской части, можете проверить.

Обух молчал. Ждал и Ванзаров.

– Так тому и быть, – сказал вор, кивнул и пропал в ночи вместе со свитой.

А чиновник полиции до печенок прочувствовал, что если б не странная прихоть судьбы или рока, валялся бы под воротами с проломленным черепом. Так и не сыграл бы свою партию с Бородиным. Какая все-таки капризная дама – судьба. Надо жить и радоваться, пока дают.

Круазе

На бильярде никакой хороший игрок никогда не может обыграть даже самого простодушного, но «технически» лучше его играющего партнера. Никакие ухищрения и никакая тонкая ложь ему не помогут. Победа остается за последним.

Там же

1

Участок затих в напряженном ожидании. Ждали чиновники, уткнувшись в бумажки и прислушиваясь к каждому шороху из дальнего угла присутственной части. Ждал старший городской Семенов, отдыхая на лавочке во дворе и подкармливая воробьев кусками колбасы. Даже Желудь был в напряжении, гулял по кабинету как тигр в клетке, хотя какой из пристава тигр, так, барбос облезлый. Все ждали, что прикажет коллежский секретарь. Но Ванзаров, как нарочно, впал в спячку. Только карандашом шуршал по листку. Больше ничего ему не оставалось. Родион сделал огромную ставку, и теперь оставалось просто терпеливо ждать.

Дверь участка чуть не слетела из петель. Курочкин вбежал, как видно, из последних сил и, хватая воздух, прохрипел:

– Нашел!

– Где?!

– В чайной на Демидовом...

– Детали – по дороге!

И Родион выскочил так стремительно, что падающий карандаш еще не приземлился на пол, а он уже был за порогом. Ну, может, чуть медленней.

Чайные заведения столицы обладали волшебной способностью: чем дальше располагались от Невского, тем крепче был чаек. Вблизи роскошного проспекта еще подавали заварку с кипятком, а дальше цвет слабел, зато градус повышался. Фокус этот заметили после того, как вышел указ, запрещающий разливать в чайных водку. Но разве откажется умный хозяин от прибыли? Какие законы, когда народ жаждет. Постоянным посетителям, проверенным и надежным, а также всем другим чаек подавался в обычных чайниках, да только забирал он так, что соленая закуска была как раз кстати.

В таком вот теплом местечке чаевничали Колька Лык да Ванька Шило. Чайничек только

начали, а потому настроение у приятелей было уже приподнятое, но еще не боевое. Не созрели, значит, для подвигов. Чокнувшись чашками, бродяги приняли чайку, закрашенного заваркой, как вдруг обнаружили за столом гостя. Был он незван, незнаком и по виду чужак – круглый да чистенький. Такого ножиком пырнуть в глухом месте да кошелек отобрать – одно удовольствие. Сам в руки идет, дурачок.

– Чего тебе, мил-человек? – щурясь на добычу, спросил Лык.

– Дыхало закрой, фраер малахольный, – ласково ответил плотный юнец. – Здесь я вопросы задаю.

Лык с Шилом обменялись взглядами: вроде еще трезвые и этакое чудо не кажется. То есть на самом деле оно. То есть двух отважных молодцов вот так, за здорово живешь, оскорбил какой-то прыщ. Что за птица чудесная?

– Ты чьих будешь, парнишка? – мирно спросил Шило, все-таки поумнее приятеля.

– Из тех, кого ты, гайменник, бояться будешь.

– Ну, говори, раз такой прыткий. – Лык подправил под руку финку в голенище. Чтоб легче вышла.

– Вы, мазурики, второго дня нищенку обидели?

– Тебе-то что за печаль? – Теперь и Шило изготовил ножик.

– Мне печали нет, а вот Обух и весь мир очень ее уважали. Трекнулись?

Тут Лык с Шилом насторожились. Грозное имя прозвучало. Паленым запахло.

– Мы-то при чем? – без лихости спросил Шило.

– На кого руку подняли, ироды? Это же Марфушенька, блаженная, что в Казанской части обитала. Весь мир ее уважал, она счастье приносила, а вы, звери лютые, глаз у нее вырвали. Отчего бедная в тот же день и преставилась. Как Обух об этом прознает, что с вами будет, фраеры?

Пояснений не требовалось. Лык да Шило быстро сообразили, что теперь земля под ногами будет у них гореть, нет им спасения нигде, везде достанут, а потому – крышка. Обидеть того, кто находился под защитой Обуха, – это не банк ограбить, суда и адвокатов не будет. Спасаться надо, но как? Сами собой финки юркнули в сапоги, парнишки засуетились.

– Слышь, добрый человек, ты не спеши, – мирно попросил Лык.

– Да уж, откушай чайку нашего, – поддакнул Шило. – Может, уговор сложим.

– Чай с вами пить нечего, а уговор будет один. – Юнец сурово замолчал и усами передернул, тоже очень даже сурово. Ну, показалось так напуганным бродягам.

– С нашим удовольствием, – за обоих согласился Шило.

– Выкладывайте, кто и зачем надумил вырвать у Марфуши глаз. За это сдам вас, фраеров, не Обуху, а местному приставу.

– За что же приставу? – встрял Лык.

– Да хоть за канарейку, что у тебя за пазухой сидит, – уверенно, как знал, сказал гость страшный. Тут Лык и Шило порешили, что мучитель видит насквозь одежды, совсем, значит, беда. Эх, такого в компаньоны – цены бы не было в карточной игре, всех бы разули.

– Ты, это, барин... лады... согласны, – поспешил Шило.

– Только вола мне не водить.

– Как можно, барин. – Шило весь изошел тяжким вздохом. – Так дело было. Под утро в лакши перекидывались...

– Где?

– В чайной на Крестовском, ну, Лык и спустил кровь.

– Кому?

– Да мне же. Захотел отыгаться, а сары нету. Видит в окно: нищенка бредет. Говорит, давай, мол, на ее глаз поставлю. Это у него фокус такой: собаке или кошке глаз вырезать, на киче обучили. Я принял. Кинули, он продул. Говорю: давай глаз. Пошли, значит, за ней. Лык прихватил ее в охапку и ножиком ковырнул. Она даже не пикнула. Лык дает мне глаз, все, долга нет. Жалко ее стало, глаз в ладонь положил и отпустил. Она не поняла ничего. Пошла куда глаза глядят. Это все Лык...

- Ух ты гад, – прошипел соучастник. – Сам-то ржал да глаз подкидывал.
- Ты уж, барин, не сказывай Обуху, не ведали мы, – совсем пригорюнился Шило.

Никакой жалости стальное сердце не испытало. Бессмысленная жестокость не лечится: раз попала в организм – спасения не будет. Последняя деталь, не дававшая покоя, стоявшая поперек логики, наконец нашла объяснение. Все просто и на удивление буднично: глаз был вырван по нелепой случайности. Как тут не поверить в рок даже рациональному уму.

Однако размышления не мешали закончить дело. В чайной появился Семенов, местный пристав с двумя городовыми, и Курочкин, который за ними бегал. Лык с Шилом были скручены, признались в краже золотых часов и отправились в участок. Получив благодарность от пристава, Ванзаров честно передал эту честь филеру, который не только подслушал разговор уголовников, но и приметил, как они любовались краденными часами. На чем полицейская операция победоносно завершилась.

Родиону же осталось последнее – выяснить отношения с роком. Уж больно неприятный субъект, хуже Лыка с Шилом.

2

Чем дольше слушал доклад Оскар Игнатьевич, тем безнадежней портилось настроение. Надо же было вляпаться в такую историю. Дружеская услуга, за которую надеялся получить секрет победного удара, обернулась чудовищной грязью, кошмаром, с которым непонятно что делать. Порученец его блеснул талантами, нечего сказать. Нет чтобы выяснить про глаз и письма да тихонько свернуть на безобидные, а то и шуточные выводы. Влез в такие дебри, что оторопь берет. Хорошо, что дело не заведено, ни одной бумажки не составлено, ни один протокол не подписан. А слово в полиции недорого стоит: вылетело – и нет его. Может, удастся по-тихому замять.

Больше всего сердила неумолимость логики. Факт лепился к факту стеной, не пролезть, не скovyрнуть, не опровергнуть. И откуда у юнца, мальчишки почти, такая прыть. Другой бы чиновник облек в приятную для начальства форму, использовал сослагательное наклонение, а то и предположения, чтоб не так резко. А этот рубит сплеча, будто не сомневается в своем праве. Нет, все-таки большой умница, только приструнить – цены не будет.

– Все, что удалось выяснить, безусловно, любопытно, хоть и не внушает уверенности, – с вальяжностью, доступной только начальству, сказал полковник. – На любое ваше утверждение можно посмотреть по-иному. Не так категорично. Согласны?

Коллежский секретарь не возражал. Напротив, сидел по стойке «смирно», если такое можно представить.

– Вот и чудесно, – на душе у Вендорфа полегчало. Мальчишка все же разумный, на рожон не полезет. – Значит, уверены, что были совершены убийства?

– Так точно, – отчеканил Родион.

– И знаете, кто их совершил?

Имя было названо прямо и без колебаний. Полковник словно глотнул прокисшее варенье: сморщился, заурчал и чуть не плюнул. Но пожалел персидский ковер. Хуже такого открытия ничего не могло быть. Теперь наверняка придется забыть о великолепном ударе. Какой тут удар, непонятно, как в глаза смотреть и делать вид, что ничего не знаешь. Нет, все-таки не вылезти сухим из болота.

– Вы совершенно уверены?

– Есть факты и логика.

– Ну это бросьте! – Вендорф даже голос повысил. – Нет такого факта, который нельзя толковать по-разному. А уж в таком щепетильном деле особенно. Понимаете?

Мальчишка не возражал. Что придавало уверенности. Полковник предложил сесть и попробовал взять самую ласковую ноту:

– У вас, Родион Георгиевич, впереди великолепная карьера. Без сомнений, обладаете массой положительных качеств. Я бы сказал, талантами. Но в нашей службе любой талант

надо еще правильно приложить. Не сделать ошибок, особенно в начале пути. Понимаете?

– Так точно.

– А чтобы не сделать ошибок, надо прислушиваться к мнению старших. Они не только чинами отличаются, но имеют опыт и знают жизнь. В некоторых вопросах надо иметь холодную голову, какую в юности иметь невозможно. Горячность молодых надо остужать старшим.

– Так точно.

– В таком случае хочу спросить напрямик: как намереваетесь использовать информацию?

– Никак, – коротко ответил Родион. – Несчастные случаи оформлены официально.

Оскар Игнатьевич приятно поразился такому благоразумию не по годам. А мальчишке стоит протекцию составить, перспективный чиновник.

– Рад, что так быстро и правильно понимаете. Надеюсь, не надо пояснять, что все сказанное остается внутри этого кабинета. Никому из ваших сослуживцев непозволительно знать подробности.

– Слушаюсь: никто из сослуживцев.

– А вся эта история должна остаться в доме семейства Бородиных.

– Именно так.

– Вы меня искренне порадовали. – Полковник встал из-за стола и подал руку. – Отныне можете рассчитывать на мое покровительство.

Родион сухо поблагодарил и спросил, может ли быть свободен.

– Конечно, голубчик, всего доброго. – Повеселевший Вендорф даже улыбнулся. – Куда сейчас направляетесь?

– У меня назначена партия в бильярд с господином Бородиным.

Юноша поклонился и вышел.

Полковник ощутил странное беспокойство: так ли уж послушен господин Ванзаров, как делает вид? Не замышляет ли, гаденыш, умную пакость? Не дай бог, начнет искать справедливости – беды не оберешься. Очень вероятной показалась такая перспектива. Нет, зря ему доверился.

3

В ранний час на Вознесенском проспекте прохожих мало. Да и те спешат по делам. Не обращают внимания на барышень, что неторопливо прогуливаются, выставляя красоту напоказ. Девцам остается надеяться на счастливый случай. И такой как раз подкатил на пролетке.

Спрыгнула дама, вида довольно страшного – глаз под пиратской повязкой, лицо корявое, хуже коряги, – и поманила пальчиком миловидное создание с пухлыми щечками. Девочка выслушала предложение с сомнением: все-таки женщина торговалась. Но ее заверили, что все будет исключительно в рамках приличий, никаких изысков. Тем более цена двойная. Вынув купюры, одноглазая предложила деньги вперед. Сомнения растаяли. Голубоглазая пышка залезла в пролетку.

Ехали недалеко, к меблированным комнатам Лукина на Гороховой улице. Поднялись на третий этаж. Барышня постучала и сама открыла дверь номера, пропуская гостью вперед. Девушка оправила рюшки лифа, приободрилась и вошла. Дверь за ней захлопнулась, как мышеловка.

За столом сидел невысокий господин и только смотрел, не предложил сесть или выпить. Девочка видела размытый абрис лица, потому что давно носила очки. Но с ее профессией стекла на носу – непозволительная роскошь. Клиентов не будет. Вильнув бедрами, смело шагнула вперед и сладким голоском спросила:

– Что грустный, красавчик, повеселимся?

Красавчик помалкивал. Нехорошо как-то молчал. Только дышал тяжело, будто воздуха

не хватало или бежал издалека. Барышне это не понравилось, не ведут себя так клиенты, чего доброго, попала на извращенца, какими стращали подружки. Пышка прищурилась, пытаясь разобрать, кто перед ней.

– Папенька? – вскрикнула она. – Вы откуда?

– Здравствуй, Афиноушка. Вот приехал узнать, чем доченька занимается.

Фрейлейн фон Рейн, караулившая в коридоре, разобрала отдельные голоса. Спокойной беседы не получилось. Скандал был страшный, с воплями, криками и бросанием стульев. В дверь заколотили кулачки.

– Откройте! – в истерике вопил девичий голосок. – Немедленно откройте! Помогите! Полиция!

На этот клич Ирма не могла не отозваться. Дверь распахнулась с треском. На пороге стояла зареванная Афина, за ней виднелся Москвин. Доктор явно переменился: вместо милого и добродушного выражения – злобная гримаса, губы тряслись, струйкой текла слюна. Мирный старичок оборотился рассвирепевшим пауком.

– Назад, я кому приказал!

Афина кинулась к Ирме, будто ища защиты, но попала в мертвый захват.

– Умоляю! Не отдавайте меня ему! – взмолилась она. – Это страшный человек! Замучил меня своей любовью. Не отец, а зверь. Он не мог видеть со мной ни одного молодого человека. Мы встречались раз, и больше я их не видела. Я боялась, что он их убивает. Сбежала в столицу, перестала писать, но и тут меня нашли... Это кошмар!

– Афина, я приказал вернуться! – заорал славный доктор. – Я прокляну тебя!

– Вы видите! – в ужасе проговорила любимая дочка. – Он и меня убьет. Это проклятье, а не отцовская любовь. Пошадите, отпустите меня...

Москвин приближался. Лицо, искаженное яростью, побагровело, руки тряслись. Любящий отец был страшен. Словно скинул маску.

Ирма ослабила хватку. Афина выпорхнула:

– Благодарю вас. Вы не знаете, что такое любовь одинокого отца. Лучше быть бланкеткой, чем погибать от беспредельной отцовской любви!

– Уходите скорей!

– Афина! – завопил Москвин, но ноги подвели, он еле двигался.

Девочка бежала по лестнице так, словно за ней гнался бешеный бык.

А на пути влюбленного отца встала берлинская полиция. Что поделать, иногда доброе дело приходится исправлять силой. Сделал доброе дело – исправь его.

Доктор Москвин еще долго извергал проклятья, грозил карами и высокопоставленными друзьями, пока не затих.

4

Бильярдная страсть, как и всякая другая, не дает покоя. Требуется отдаться целиком. Каждую свободную минуту забирает. Неудивительно, что в трудовой полдень бильярдная зала «Hotel de France» была занята на треть. Господа, имевшие счастливую возможность гонять шары, предавались забаве с исключительной серьезностью. Шутка ли – положить красивый триплет или абриколь. Это вам не с барышней под ручку гулять, тут думать надо и руку иметь твердую.

Появление звезды пирамиды было встречено почтительным гулом. Никто, однако, кий не бросил и за автографом не подошел. Да и звезда, признаться, несколько померкла. Бородин опускался на глазах. С небритым подбородком, без галстука, в несвежей сорочке, Бородин производил впечатление проигравшегося в пух и прах. Его соперник, напротив, блистал воротничком и начищенными ботинками. Юноша был спокоен и невозмутим. Взяв кий не глядя и даже не начистив мелом, Нил Нилыч лениво спросил:

– Сами разобьете?

– Прежде хочу спросить. – Родион тщательно полировал кусочком мела наконечник. –

Как называется партия, когда один играет против двоих?

– «На короля»

– А если один против троих?

– Такого нет. Вчетвером можно играть, правила пирамиды позволяют.

– А впятером?

– Ванзаров, у меня голова раскалывается и без ваших глупостей. Разбивать будете?

– Предоставлю вам. На что играем?

– С вами? – презрительно ухмыльнулась звезда. – Ну, хотите по пятерке? Или много?

Так и быть, давайте по трешке. И даю вам фору, скажем... тридцать очков.

– У меня другое предложение. – Кий в руках юного чиновника совершал резвые толчки. – Ставка будет такой: кто выигрывает, рассказывает правду. Сыграем на правду. Без форы. Чем не ставка?

Не поняв, шутил ли парнишка, Бородин хмыкнул:

– Только имейте в виду: с моей стороны это жульничество.

– Там видно будет, разбивайте.

Приняв стойку, Нил саданул по битку, не целясь. Пирамида разлетелась широко. Три шара встали на удар, почти мертвыми.

– Ну, попробуйте, – покровительственно предложил мастер.

И Родион попробовал. Неожиданно правильно взял прицел и легко положил первого. За ним второго, а потом и третьего.

– Это вы так играть не умеете? – протрезвев, спросил Нил.

– Чему не научишься в жизни, когда хочешь превзойти старшего брата, – ответил Ванзаров, закладывая изящный дуплет.

Такой поворот Нила изрядно обрадовал. Приятно иметь дело с противником, достойным твоей победы. В ней мастер не сомневался даже после четвертого шара подряд. Подумаешь, повезло мальчишке, шары-то детские.

Бородин был уверен и после пятого шара.

И после шестого, положенного от борта, все еще улыбался.

После седьмого улыбаться перестал.

Когда восьмой грохнулся в корзину, удивленно крикнул.

Девятый был встречен сумрачным взглядом. Оно и понятно: надежды почти не осталось.

Десятый лег гвоздем в гроб его победы.

Одиннадцатый прыгнул в лузу с такой силой, что, казалось, стол дрогнул. Дальше Нил присутствовал только в роли зрителя.

Двенадцатый закатился наглым штосом.

Тринадцатый пролетел стол во всю длину, что умеют не все мастера.

Четырнадцатый был положен карамболом. На столе остался «заяц» – последний несыгранный шар. Кий милостиво лег к борту.

Нил Нилыч буквально потерял дар речи. Такого разгрома – всухую, когда партия поднята со стола одним подходом, – давно не помнил. Ну, может, в начале карьеры. Что же получается: его, гения русской пирамиды, разделал под орех непонятно кто. Хорошо, что зрителей не было, такой позор не пережить.

– Требую продолжить!

– Извольте расплатиться за эту, – ответил Ванзаров.

– Ах да! Конечно. – Нил полез за кошельком и замер. – Но, позвольте...

– Правда. Именно эту плату требую.

– Но вы же сами должны... – Бородин запнулся.

– Разве отказываюсь? Фазтон при вас? Очень хорошо. Правда требует публики. Особенно такая. Поехали к вам в гости.

Из гостиной доносился неясный шум, будто-то кто-то звал на помощь. Бородин, хоть в растрепанных чувствах, встрепенулся и бросился в дом.

На пороге своей спальни лежала Филомена Платоновна. Привалившись на бок и бессильно вытянув руки, она казалась беспомощной рыбкой, выброшенной штормом. Бушевало изрядно: прическа растрепалась, но одежда чудом сохранила пристойный вид. Дама была жива и громко стонала. Посмотрев на вошедших, еле проговорила:

– Какое счастье, Нилушка... И Ванзаров с тобой... Помогите...

– Матушка! – Любящий сын бросился на выручку, подскочил, нежно приподнял и на себе перенес в кресло. Ванзаров участия не принимал, а только спросил:

– Что тут случилось?

Филомена Платоновна еще дышала тяжело, на руках были заметны ярко-красные следы, как от ногтей.

– Аглая... Совершенно помутилась рассудком... Ворвалась в комнату, стала обвинять, что я не люблю Нила. Потом набросилась. Отбивалась, как могла, но наши силы неравны, я прикована к стулу, у нее сильные руки. Уже стала готовиться к смерти, молилась, чтобы безумная пощадила Нила, раз никого не пощадила...

– Аглая призналась в убийствах? – спросил Родион.

– Бросила мне: «Я рассчиталась со всеми за мои муки, теперь настал твой черед».

– Что же дальше?

– Нельзя ли отложить допрос? – рявкнул Бородин. – Не видите, в каком состоянии матушка? Имейте хоть каплю такта.

– Вы позволите? – вежливо спросил Родион.

Госпожа Бородина согласно кивнула:

– Не горячись, Нилушка, это долг господина Ванзарова. Аглая швырнула меня на пол, поволокла прочь. Вцепилась в дверь, она стала царапать руки...

Родион осмотрелся:

– Куда же подевалась Аглая Николаевна?

– Не знаю... Какой-то шум отвлек... Бросила меня, убежала... Я подождала и стала звать на помощь...

– Сколько ее нет?

– Трудно сказать, быть может, с полчаса.

Дверь в спальню няни была широко распахнута. Стоило ступить на порог – открывалось малоприятное зрелище: старуха висела на простыне, свернутой в жгут, конец закинут на гардинный крюк. Туфли не доставали до пола, под телом виднелся клочок бумаги. Корявым почерком было написано: «Погубила всех и не жалею о том. Моя вина, одна я во всем виновата, злодейка. Ванзаров меня разоблачил. Совесть мучает, жить не хочу. Прощайте. Ваша Аглая». На руках повешенной не обнаружилось следов битвы, видно, умело защищалась. Но на правом виске расплылся багровый синяк. Тело еще не остыло, висит действительно меньше часа. В припадке аффекта сначала хотела убить Филомену Платоновну, но в больных мозгах переключилось, и она наложила руки на себя. Что ж, всякое бывает.

Вернувшись в гостиную, Родион застал мадам Бородину на любимом троне с колесиками и сферами Зодиака. Она успела поправить волосы, как и любая женщина. Нил бережно отирал кровавые следы, за что был награжден нежной материнской улыбкой.

– Аглая Николаевна повесилась.

– Туда ей и дорога, – прорычал заботливый сын. – Что наделала, ведьма...

– Няня любила вас, как родного, Нил Нилыч.

– И как отплатила за нашу доброту? Поднять руку на маменьку!

– Не надо так, Нилушка, – Филомена Платоновна поцеловала сыновью руку. – Аглая всегда была со странностями. Мы привыкли к ним. Но теперь все кончено. Скоро вернутся слуги, мы заживем как прежде, и весь этот кошмар забудется. Я окружу тебя заботой, мой

милый...

– Там записка, в которой Аглая делает признание...

– Я так и знал! – вскричал Нил. – Она погубила Варвару и Липу! Бедные Тонька и Орест! Змея коварная! Эту правду хотели мне рассказать?

– Забыли Марфушу, – напомнил Родион.

– Ну, уж это наверняка ее рук дело. Больше некому. Значит, призналась перед смертью, не захотела с такими грехами уйти. Спасибо и на этом. Ты права, матушка, как хорошо, что весь этот кошмар кончился. Не сердитесь за мою резкость, Родион Георгиевич, вы старались честно, не ваша вина, что не вышло. Кто мог догадаться о таком коварстве! И столько лет жила под нашим кровом. Ох, словно гора с плеч свалилась... А еще глаз, негодная, подкинула, чтобы пугать меня. Но и конец достойный, по заслугам.

– Не такой конец я ожидал, – сказал Родион, самовольно усаживаясь в кресло. – Трудно предугадать семейный рок. Моя вина...

6

К вечеру бильярдная зала «Hotel de France» гудела. Любители и мастера раскатать шары, разбившись на группы, ангажировали столы русской пирамиды. Впрочем, и французский карамболь не пустовал. На зеленом сукне, задвинутом в дальний угол, нелюбимый завсегдатаями, выстроился треугольник белых шаров. Зрителей вокруг не нашлось, даже маркера, да и пара, кажется, не нуждалась в чужом внимании. Уже с полчаса драгоценного времени потратили на болтовню.

– И это все? Ради этого надо было вытаскивать меня в бильярдную?

Дама поигрывала кием, как тевтонский рыцарь мечом. Барышня была недовольна и даже рассержена: обещали захватывающую интригу, а подсунули сумасшедшую. Тоже в своем роде нетерпеливый характер.

– Это жульничество, – добавила она. – Раскрыли преступление с помощью самого же убийцы, который к тому же повесился. За это не узнаете мой секрет.

Ванзаров неторопливо покатав ладошкой красный биток.

– Напомните, фрейлейн фон Рейн, кто считается родоначальником криминального жанра в литературе?

Неожиданный вопрос не застал врасплох.

– Эдгар По, конечно, «Убийство на улице Морг». Какое имеет отношение...

– Смею утверждать, что криминальный жанр старше на много веков. Первую криминальную историю изложил бессмертный Софокл в своей великой трагедии «Эдип-царь», или «Царь Эдип», как уж переводчику будет угодно.

– Вы шутите?

– Только факты. – Родион был серьезен до чрезвычайности. Даже усы распушились всерьез, вот как. – В трагедии есть страшное преступление: убит старый царь, есть настоящее расследование, есть интрига и поимка преступника. Но самое главное – есть рок, который тяготеет над семейством Эдипа. Должен признаться: я пересмотрел свое отношение к року. Есть вещи, которые выходят за границы логики и вообще нашего понимания.

Оценив изящную тираду, одноглазая барышня строгим тоном спросила:

– Долго будете мучить и ходить вокруг да около?

– Именно так из меня душу и вытягивали...

– Из вас? Ни за что не поверю. А кто? – не удержалась Ирма от чисто женского любопытства.

– Тот господин, что вам так не понравился.

– Этот надутый индюк? Этот наглый мужлан с бутоньеркой? Этот... – видимо, в русском языке, которым владела наполовину немка, не хватило подходящих образов.

– Зря вы так. Аполлон Григорьевич – гений криминалистики. А гению можно простить многое. По секрету: вы ему тоже сильно не понравились.

– Вот как? – оскорбилась одноглазая, но все-таки женщина. – Не больно-то интересуется мнение всяких господ, от которых воняет неизвестно чем.

– Вам хорошо, уехали, и дела нет. А меня Лебедев теперь точно съест живьем. – Родион исторгнул из самой души тяжкий вздох. – Да и Курочкин надует. Очень господа эти любопытные, обязательно желали знать, чем закончится дело. Пришлось даже наврать им. Ну, ничего. К счастью, вы не мой сослуживец. Имеете право знать.

7

– Я обещал, что все сказанное не выйдет за пределы семьи, – сказал Ванзаров, разглядывая под бильярдным столом пятно, так и не убранное, и каменную кладку над ним. – И слово сдержу.

– Неужели еще остались тайны после всего случившегося?

Бородин скептически усмехнулся. Но Филомена Платоновна погрозила сыну пальчиком:

– Нилушка, нельзя быть невежливым. Родион Георгиевич хочет угостить нас забавной историей. Будем ему благодарны.

Нил только плечами повел: дескать, мне все равно.

– Эта история была бы забавна, если бы не была так печальна.

– Пугайте, пугайте, только это и умеете. – Бородин удобно устроился в кресле. – Считайте, что наступил зимний вечер, пылает камин и вы травите страшные байки. Но мы не боимся, потому что конец нам известен.

– Никогда не знаешь, чем закончится трагедия про семейный рок.

– Что, поверили в рок?

– Как ни странно, пришлось. – Родион светски улыбнулся. – Постараюсь не утомить вас. Начнем с бильярдного матча. Незвестная дама ставит у пяти разных букмекеров пять тысяч на заведомо более слабого соперника. Всем известна взаимная ненависть Незнамовой и Нечаевой. Матч вызывает бешеный интерес. В честности поединка никто не сомневается. Потому что не знают, откуда деньги. А это важно: две тысячи сняты со счета госпожи Нечаевой, три – сбережения няни. Аглая все продумала. Хотела, чтобы девочки сорвали банк и получили двадцать пять тысяч. С такими деньгами могли бы начать новую жизнь. Где угодно. Все бы получилось. Но в решающий миг Варвара повернула замысел. Почему? Во-первых, потому, что была беременна. Но главное: перед началом Нил Нилыч сделал щедрый подарок, явно указывающий на его особо теплое отношение. И Варвара рискнула, то есть выиграла. Потеряла две тысячи, чтобы получить все: мужа, новую фамилию, дом и состояние. Куш того стоил. Бедная девочка не знала, что против нее играет более сильный противник.

– С чего вы взяли, что Липа и Варвара собирались уехать? – спросил Нил, явно начавший нервничать. – Допускаю, что Аглая могла состряпать аферу, но зачем им уезжать? Они же мои невесты... были?

– Барышни носили маски ваших невест, – ответил Ванзаров. – Ни о какой женитьбе вы не думали. Это же так логично. Если бы действительно собирались осчастливить кого-то из них, не стали бы пропихивать Варвару в газету, а Липу на сцену. Это была часть платы за спектакль, который разыгрывался перед госпожой Бородиной. Другая часть шла на духи и оплату меблированных комнат. Придуманно неплохо: привести в дом невесток, показать их фотографии на фоне бильярдных столов, до умиления одинаковые, сообщить, что одна бывшая бланкетка, но теперь исправилась и выступает на сцене. А другая бывшая проститутка, но теперь публикует бильярдные задачки.

– Зачем мне это? – глухо спросил Нил.

– Как еще хороший мальчик может досадить своей матушке, которая всю жизнь держит его в тисках своей любви? Только медленно жарить на сковородке: вот возьму и женюсь на бывшей проститутке, не на одной, так на другой. Какую выберешь, матушка? Филомена

Платоновна вас раскусила. И сыграла умно: приняла обеих «невесток» как родных, предоставив выбирать вам. Такого поворота вы не ожидали и, кажется, растерялись.

– Это Аглая сообщила?

– Нет, логика. Аглая Николаевна принимает участие совсем по иной причине. Не задумывались, Нил Нилыч, почему при каждом визите Липы или Варвары няня находила любой предлог, чтобы уйти из дома? А вас отговаривала от женитьбы глупыми и непонятными страшилками. Вспомните, так было.

Бородин промолчал.

– Здесь начинается самая трудная и печальная часть нашей истории...

– Нил, у меня разболелась голова, отвези меня, – приказала Филомена Платоновна.

– Прошу вас, оставайтесь, – искренне попросил Родион. – Не узнаете самого интересного.

– Маменька, давайте послушаем.

И госпожа Бородина осталась на месте. А Родион продолжил:

– Благодарю... Так почему же Аглая пряталась от Липы и Варвары? Да потому, что каждая знала ее как Глафиру Платоновну – добрую родственницу и опекушку, помогавшую, чем может. Одной – тридцать два года, другой – семнадцать лет.

– Не может быть! – выдохнул Нил. – Это невероятно!

– К сожалению, это правда. Следует задать простой вопрос: зачем было Аглае так яростно мешать вашему счастливому браку? Зачем пускаться в финансовую авантюру и даже подбрасывать вам страшные письма? Разоблачение? Девушки стали бы любить ее больше, открыв в ней вашу няню. Подробности их биографии в публичном доме Ардашевой. Вы же не скрывали, что знаете об их желтых билетах. Тогда в чем причина страха Аглаи? О каком роке она проговорилась?

– Нил, увези меня! – закричала Филомена Платоновна.

Но любящий сын только отмахнулся.

– Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться немного назад. И здесь на сцену, это выражение в нашей истории очень уместно, выходит безумная нищенка Марфуша, пригретая из жалости. Кто же она такая, что Аглая приводит ее в дом? – Родион сделал паузу, чтобы дать зрителям прочувствовать атмосферу. Атмосфера созрела, то есть накалилась до нужного градуса. – Она, Нил Нилыч, ваша сестра, которая умерла якобы до вашего рождения. Сядьте, пожалуйста, это далеко не все. В фамильном склепе похоронена кукла Ки-Ки. А живая Марфа Ниловна Бородина получила фамилию Нежданова, сиротское отчество Ивановна и воспитывалась в публичном доме Ардашевой. Хотя должна была зваться Марфой Аристофановной Кивиади. По закону и настоящему отцу.

– Маменька, – еще не веря до конца, простонал Нил.

– Это ложь, – спокойно ответила Филомена Платоновна.

– Съездите на Смоленское кладбище и поройтесь в склепе, – сказал Ванзаров. – А лучше спросите Ардашеву. Знает вкусы и потребности почетного и давнего клиента.

– Умоляю, давайте не при матушке!

– Вернемся к Марфуше. В четырнадцать лет ее отдали мужчине. В пятнадцать она родила, но лишилась рассудка. Содержать безумную Аглая не могла и отдала ее в мир, иными словами, к профессиональным нищим. Марфуше там жилось хорошо. Была в почете. Прошло много лет. Как-то раз, встретив ее на улице, Аглая решила искупить грех и взяла Марфушу к себе. Риска никакого: от пережитых мучений лицо нестарой женщины сплошь покрылось морщинами.

– Допустим. Но какое отношение Марфуша имеет к моим невестам?

– Самое прямое. Ребенок, который якобы родился мертвым, не думал умирать, и в Обуховскую больницу его не подбрасывали. Я лично проверил по отчетам: не было в 1863 году похожего случая. Так куда же он делся? Все туда же – в публичный дом Ардашевой. Была крещена Олимпиадой, получила отчество Ивановна и фамилию Незнамова.

Снова тяжкий стон, и Нил схватился за голову.

– Судьба Липы куда легче, – словно не замечая, продолжал Ванзаров. – Отданная в четырнадцать лет мужчине, она забеременела, родила мертвого ребенка, но умом не тронулась, а ушла от Ардашевой в бланкетки. Долгие годы приносила букетик на могилку, как бы случайно находящуюся рядом с фамильным склепом Бородиных. Только зря слезы лила. И этот ребенок остался жив. Более того, вырос в прелестную девушку Варвару Ивановну Нечаеву, сиротку и проститутку. Нил Нилыч, за водкой еще успеете, будет повод. Сядьте. Благодарю. Чтобы покончить с биографической частью, скажу: Варвара стала женщиной в четырнадцать лет, как это принято в заведении Ардашевой, но счастливо не забеременела. Подозреваю, Аглая Николаевна наконец нашла способ. Через год Варвара разругалась с хозяйкой, а няня помогла ей снять угол, из которого Варвара переехала в меблированные комнаты. Чтобы окончательно прояснить, почему Аглая так боролась с вашей шалостью, осталась одна деталь: глаз в варенье.

– Ну, наконец-то! Думал, забыли про него, – сказал Бородин.

– Он появляется на сцене, уж простите – все же разыгрываем трагедию в античном стиле, в свой черед. Итак, Аглая узнала, каких невест привел ее обожаемый Нилушка, но сказать всю правду не может. А барышни играли честно: не объяснили своей дорогой родственнице, что участвуют в розыгрыше маменьки. Им наверняка нравилось, как Аглая испугалась и стала отговаривать от этой партии. Женская слабость – подразнить. Что остается Аглае? Подговорить девиц на бильярдную аферу, пообещать легкие деньги и побег, а вас напугать дурацкими письмами со словами, вырезанными из «Эдипа-царя». Наступает утро рокового, не иначе, дня. В окно спальни Аглая видит, как бредет Марфуша. Лицо залито кровью. Не зная, что подумать, она выскакивает из спальни. В руке Марфуши – вырванный глаз. Чтобы не будить дом, Аглая ведет нищенку в баню, та по дороге оставляет кровавую «ягодку» на приготовленной для варки малине. Аглая вытирает Марфуше лицо, грязная тряпица наверняка засунута под полук. Но и платье забрызгано. Аглая бежит в дом и выбирает старое платье Филомены Платоновны. Помните, Нил Нилыч, вы удивились, что нищенка вышла из бани в новом? Аглая ее передела. Но впопыхах забыла про глаз. Тонька нашла его – начался скандал. Беда в том, что ваша прекрасная няня слишком много читала пьес. Она решила, что глаз – предупреждение, знак, что ее тайна раскрыта. Она не могла знать, что это всего лишь нелепая случайность. Глаз Марфуше вырвали негодяи, игравшие на него в карты. Никакого рока и предзнаменования. Но Аглая думала по-другому. Надо ее простить: уж слишком много роковых совпадений выпало на ее долю.

– Ладно с глазом, – прервал Бородин. – Но, по вашей логике, получается, что не подарил я Варваре кий...

– Многие бы остались живы, – подхватил Родион. – Барышни заработали бы денег и бежали с ними в ту же ночь, а Тонька и Орест уцелели бы. Что же касается Марфуши и ее глаза...

– Не желаю слушать эти бредни, – заявила Филомена Платоновна. – Если не увезешь меня, я сама уползу.

– Вы останетесь здесь! – с холодной угрозой проговорил Нил.

– Что касается глаза, то все дело в маленькой червоточинке, ведьминой отметине. Она передается среди членов одной семьи, родственников, как захочет природа. В этот раз ее каприз состоял в том, чтобы метка передавалась от вашей бабушки к внучке.

Бородин растерянно потряс головой:

– Ничего не понимаю...

– В таком случае вынужден спросить: кто привел вас в шестнадцать лет в публичный дом Ардашевой?

Нил ничуть не смутился:

– Отца уже не было, и дядя умер. Но у Бородиных так принято: в шестнадцать лет мальчик должен стать мужчиной. Аглая взяла это на себя.

– Сама подобрала вам барышню?

– Нет, что вы... Только привезла. Дальше я выбирал.

– Ардашева захотела услужить, привела свежую девственницу для потомка знатной семьи? Чтобы приваждать богатого клиента?

Бородин не ответил.

– Вот здесь и начинается рок, необъяснимый и нелогичный.

– Не понимаю вас.

– Отметина перешла от вашей бабушки Марфы Ивановны к ее внучке, тоже Марфе – Ниловне, или Ивановне, или Аристофановне, как хотите, но все равно – Марфуше. А через поколение – к ее внучке Варваре, названной Нечаевой.

Вдалеке прогрохотала телега, где-то стукнула незапертая рама. В гостиной повисла необычная тишина, когда бояться вздохнуть. Родион первым прервал молчание:

– Правда, которую так хотели узнать, Нил Нилыч, такова. Ваша страсть к четырнадцатилетним девственницам наказала вас. От своей сестры родили девочку, а когда она выросла – вступили и с ней в связь, со своей дочерью, прижитой от сестры. Липа забеременела Варварой. Через шестнадцать лет, когда встретили Незнамову в бильярдной зале, не захотели узнать. А Липе было все равно. Но и вторую дочь вы растлили в четырнадцать лет. Обрюхатили чуть позже. Накануне матча Варвара носила вашего ребенка. Быть может, и Липа снова понесла от вас. Для них вы и отец, и брат, и любовник одновременно. Только мужем официально стать не успели. Рок ли это, судьба или высшее возмездие, но, приходя к Ардашевой за новыми девочками, получали своих дочерей. Не зная того, Полина Павловна угощала вас вашими детьми. Вы превзошли Эдипа. Он прижил со своей матерью детей, не зная, что она его мать. А вы насиловали сестру и двоих детей, не догадываясь об этом. Вот что открыл глаз в варенье.

8

Ирма погрузилась в молчание, даже кий чуть не выскользнул.

– Не понимаю, – наконец сказала она.

Ванзаров поклонился:

– Все, что пожелает фрейлейн...

– Для чего Аглае понадобилось убивать всех? Где же тут ваша хваленая логика?

– Представьте, что на бильярдном столе, – Родион услужливо показал на шары, – одновременно играется пять партий. Не впятером, а именно пять одновременно.

– Такое невозможно.

– В русской пирамиде – безусловно. Но в жизни все возможно. Давайте считать. Первую партию играл Нил, чтобы позлить матушку. Нести ярмо родительской любви – это тяжкий крест. Вот он и не выдержал.

– Вторую – барышни?

– Ненавидели Бородина, но играли за его деньги. Третью составила лично Варвара.

– Четвертую наверняка Аглая?

– Делала, что могла, сверх сил. Старалась спасти всех. Бородина – от его же детей. Липу и Варвару – от него. Она все знала и пыталась, не говоря никому, всех защитить и победить рок. Заодно собирала под крыло отпрысков Бородина. Думаю, Тонька и Орест тоже были от Нила, иначе зачем держать в доме таких нерадивых слуг. Самая верная и добрая женщина, каких встречал. Ну, кроме моей матушки. Разыгрывала передо мной деревенскую бабу, сама же умна и начитанна, у нее был актерский талант, излишний для такого дела. Меня решила наивно отпугнуть, чтобы не докопался до тайны ее обожаемого Нилушки. Между нами, редкостного мерзавца под маской чемпиона. Пытался врать, что хотел искупить вину за разврат несовершеннолетних. При этом продолжал ездить к Ардашевой. Не заслужил он любовь такой женщины, как Аглая, не заслужил ее жертвы. Но что поделать! Аглая дурацкие письма посылала, а вот Липа действовала куда проще: наняла убийцу, чтобы отомстить за разрушенную мечту. Скажу больше: под маской злобной старухи скрывалось любящее, преданное и самое честное сердце.

– И ради своей любви столько их, несчастных, сгубила?
Родион хоть улыбнулся во все усы, но улыбка вышла печальной:
– Разве я сказал такое?

9

– Не слушай его, Нил, это все ложь. Я, твоя мать, приказываю тебе: верь мне, – голос Филомены Платоновны заволакивал. Хотелось стать послушным мальчиком, склонить голову. – Его специально подослали твои враги или завистники. Сейчас он уйдет навсегда, а мы заживем как прежде...

– Нет, маменька, как прежде не будет, – проговорил Нил задумчиво. – Я не смогу как прежде. Не смогу делать вид, что обожаю и слушаюсь вас. Как давно я вас ненавижу. Вы испортили мне жизнь своей любовью. Вынужден с проститутками играть, чтобы избавляться от кошмара, в который превратили мою жизнь. Жениться не позволили. Сколько раз умолял...

– Ты все сказал? – строго спросила госпожа Бородина. – Сможешь издеваться над беспомощной матерью сколько угодно. Только без посторонних. Господин Ванзаров, вы сказали слишком много. Больше не желаю видеть вас в нашем доме и не задерживаю. Человек, обливший грязью почтенную семью, заслуживает только презрения.

– Ты забыла своего ребенка! Свою дочь! – закричал Нил. – Как же ты могла с этим жить?! Ты и меня не любила! Ты издевалась надо мной. Я был для тебя не сын, раб!

– Нил, успокойся...

– Нет, так просто нельзя. Я должен что-то сделать... Эх, нет больше нянюшки... Единственная душа, которая меня любила... Такое натворила...

– Разве я сказал, что Аглая Николаевна убивала? – тихо спросил Родион.

Словно потеряв способность понимать простые вещи, Бородин переспросил.

– Никогда не говорил, что Аглая Николаевна – убийца, – повторил Ванзаров.

– Так это несчастные случаи?

– Спросите об этом Филомену Платоновну.

Госпожа Бородина скрестила руки на груди, само воплощение гордости:

– Как смеете обвинять меня – инвалида?

– Разве вас обвинили? Вот факты. Марфуша и Орест погибли от удара в висок круглым тупым предметом. Таким, как один из шаров на вашем троне, вечно меняющем положение созвездий Зодиака. Причем крутится только один. Почему? Потому, что его вытаскивали и забывали ставить в прежнее положение. Вот и опять на нем новый символ, кажется, Дева. А до этого торчал Стрелец. Отличное оружие убийства – прочное, тяжелое, на мореном дубе незаметны следы крови. При этом всегда под рукой. Но вот беда: кровь невозможно смыть или затереть до конца. Хотите – проверит криминалист Лебедев. И найдет.

Филомена Платоновна искренне засмеялась:

– Какая глупость... Нил, и ты этому веришь?

Но сын не слышал ее.

– Дальше! – закричал он.

– Вот еще странность: Варвару и Липу погубили привычки, о которых беседовали с милейшей матушкой. От кого Варвара приняла бы духи, как не от матери будущего мужа? Все один к одному: перед матчем – кий от Бородина, вечером, после победы, – духи от Филомены Платоновны, принесенные кухаркой. Девушка была на седьмом небе: значит, сделала правильный выбор, когда выиграла партию. А бедной Липе выпало подавиться кием, который придержала верная рука Ореста, – у него на руке остались следы женских ногтей. Не нужны ноги, чтобы отправить Тоньку с гостинцем, а лакею пообещать кое-что по завещанию, если он придержит кий, когда Незнамова покажет свой коронный номер. Красивый удар шаром.

– Но ведь Тонька отравилась от... – оборвал себя Нил.

– Нет, не от любви к вам. Ее задушили. Мышьяк всыпали в рот уже мертвой. Иначе кухарка рассказала бы, как носила подарок Варваре. А для Марфуши и силы не требовалось – удар деревянной сферой Зодиака. Звезданули от души.

Выдержка госпожи Бородиной была закаленной.

– Для чего мне все это? – спросила без тени испуга.

– Узнав про глаз, решили, что кто-то хочет вас шантажировать старой тайной, – ответил Родион. – Схватили Марфушу и стали требовать правды. Бедная дурочка спела песенку про ягодку, чем вконец разозлила. Вы и ударили. Марфуша умерла, оставалось изобразить несчастный случай с падением на львиную лапу. Тогда подозрение пало на «невест»: кто-то из них. Этого допустить нельзя. К тому же извести девиц все равно необходимо, ведь власть над сыном ускользала. Особенно опасной казалась Варвара. Тем более сын делает ей дорогой подарок – кий. В ней почуяли угрозу и решили начать с нее. Дальше шар за шаром: после Нечаевой – Тонька. А после Липы – Орест. Аглая сразу поняла, кто убил Марфушу, а про смерть Ореста знала наверняка. Но покрывала вас из любви и преданности. Но вы ее не пожалели. Сначала подкинули «Судебную медицину», чтобы навести подозрение. А сегодня расправились собственными руками, когда няня решила сказать правду. У матушки сильные руки, так ведь, Нил Нилыч?

Он не ответил, и Родион продолжил:

– Как поверить, что невысокая старушка подпрыгнула чуть не до потолка, чтобы повеситься, но при этом забыла про стул или табуретку? Как поверить, что в лютой схватке пострадала только ваша прическа, но не одежда? Как поверить, если руки расцарапаны только у вас? Наверное, опять в ход пошла сфера Зодиака? Отработанный прием – удар в висок. Затем петля из простыни и «прощальная» записка. Кстати, уже ошибка: обе самоубийцы писали в одном стиле, а ведь такие разные характеры. Аглая точно бы «деревенский» стиль себе не позволила даже в состоянии аффекта. Дальше совсем просто: вытереть сферу, вернуть на место, растрепать волосы, расцарапать руки, услышать шум подъезжающего фиакра и лечь на пороге. Вы очень умная женщина, из вас вышел бы великий преступник, только за деталями не следите. Не прочитали целиком Эммерта. Иначе так бы не оплошали.

– Господин сыщик, вы глупец, – сказала Филомена Платоновна. – Я не могу сдвинуться с места. Как же добралась до Марфуши, Тоньки или Ореста? Как я могла убить Аглаю? Нил, теперь ты понимаешь, что он водит тебя за нос?

Бородин пребывал в глубокой растерянности:

– Действительно, как?

– Что может держать сына крепче, чем забота: несчастная мать, не способная передвигаться без помощи, – ответил Родион. – Ее надо опекать, возить по комнатам, быть рядом. И не расстраивать, ведь у нее больные ноги. Стимуляция любви оказалась великолепной маскировкой для убийства: можно подумать на кого угодно, только не на госпожу Бородину. Наверняка ноги отнялись при появлении очередной невесты. Великолепная идея: тихо пройти ночью, задушить подушкой, насыпать в рот мышьяк, кинуть фальшивую записку и вернуться обратно. Даже Аглая не слышала. Но и здесь не учли мелких деталей. Например, варенье.

– Какое варенье? Что за глупость? – возмутилась дама.

– Варенье, которое было пролито у двери Тоньки. Пробираясь ночью к спальне кухарки, забыли о луже и задели ее подолом – край был испачкан. Мне пришлось изображать неловкое падение, чтобы проверить, у кого остался след. Нашелся только на вашем платье. Труднее всего было согласиться с логикой, которая сразу указывала на вас. Я думал, замешан Нил, потом – Нил и Аглая. Потом одна Аглая. Но варенье – куда его денешь? Особенно в сочетании с дубовой сферой и жуткой халтурой в инсценировке несчастных случаев. Хотя к смерти Ореста вы кое-чему научились: удар пришелся в нужный висок, не то что с Марфушей. Итог один: вы можете ходить ничуть не хуже нас. Чем и пользовались. Аглая Николаевна наверняка это знала...

– Как вы смеете?

– А что, маменька, – Нил вскочил, – сейчас проверим.

Подбежав к бильярдному столу, схватил кий и наставил на веко:

– Эдип, говорите? Ну так спасай своего слепого царька, матушка!

Все случилось слишком неожиданно. Родион замешкался и опоздал. Деревянный ствол пронзил глазницу. Бородин заорал, но дернул рычагом. На зеленое сукно прыгнуло что-то белесое с красными прожилками. Шарик перевернулся к лузе и встал на самом краю – отличный мертвый шар, упадет – только тронь.

От боли Нил потерял сознание и медленно сползал на руках. Ванзарову не хватало сил удерживать. Из черной глазницы хлестала кровь.

– Да помогите же!

С деревянного трона Филомена Платоновна восстала медленно и величественно.

– Оставьте его, – голос не дрогнул. – Теперь он мой, только мой. Мой маленький, обожаемый сынок... Мама с тобой, она тебя никому не отдаст... И никто нам больше не нужен... Правда, Нилушка?.. Что бы ни совершил он – это моя кровь. И моя вина... Как и все прочее... Уходите, оставьте нас...

10

Наклейка покрылась густым слоем мела. Словно не замечая, Ирма терла и терла.

– Для чего понадобилось так мучить своего сына? Что за ужасная страна! Недаром у вас родились монстры Достоевского.

– Страна обычная, как все, – ответил Ванзаров. – И страсти везде одинаковы.

– Заставить страдать свое дитя! Разве это страсть?

– Филомена Платоновна слишком любила сына. Нет ничего страшнее безотчетной материнской любви, уж поверьте мне. Такая любовь на все способна, ни перед чем не остановится, она – самый страшный рок. Рок и проклятье. В семействе Бородиных любовь сварила густое варенье, в котором захлебнулись все. Но разве бедняжка Афина Москвина не страдала и не бежала от того же? А мы так удачно возвратили ее отцу.

– Что же теперь будет делать звезда бильярда?

– Нил сам себя наказал. Не тем, что глаз вырвал, а жизнью с матерью в одном доме. Куда же ему деваться от такой любви.

– Будем считать, вы победили. – Барышня фон Рейн дружелюбно улыбнулась, чего с пиратской повязкой делать не рекомендуется. – Задавайте свой вопрос.

Ванзаров молодецки расправил ус:

– Без вашего неоценимого участия у меня ничего бы не вышло. В раскрытии этого дела ваша помощь бесценна. Мне остались лишь мелкие детали.

Ирма нервно теребила рукав кофточки. Надо же: берлинский сыщик, а застенчивая.

– А про глаз ваш и так знаю...

Фрейлейн немедленно оскорбилась. Ну, конечно, не очень любят дамы, когда угадывают их тайны.

– Ну, смотрите! Если ошибетесь – мне фора в два шара.

– Как прикажете... Злодейскую пулю или нож отметаем сразу. – Родион изобразил глубокую задумчивость. – Остается бильярд. Да, точно: вам неудачно попали в глаз шаром. Или кием.

– Как узнали? Отправили запрос в берлинский комиссариат?

– Вот еще! У вас на левом указательном пальце мозоль, как от кия. Значит... Следовательно... – Юный чиновник полиции не выдержал и засмеялся: – Все, сдаюсь, просто угадал. Вы меня переоцениваете.

– А вы меня недооцениваете, – сказала Ирма и подняла повязку. – В нашей службе полезно становиться невидимым. Что проще: снял маску, изменил прическу – и пожалуйста, невидимка. Никто не узнает.

– Это верно: никогда не знаешь, что скрывает персона. Пока не сорвешь маску. Спасибо за урок, госпожа фон Рейн.

Целый и невредимый глаз смотрел дерзко и ехидно. И не такой уж водянистый, довольно милый глазик. И сама барышня стала куда симпатичней. По спине чиновника полиции даже пробежал легкий озноб. Но воли ему не дали. А вот фору дать пришлось.

Сыграли пять партий. В трех Родион незаметно поддался, все же дама, но оставил за собой контровую. А затем предложил поехать в гости к его матушке, где ждет отменное варенье. Госпожа фон Рейн с радостью согласилась. Только Ванзаров просил вернуть пиратскую нашлапку, объяснив, что так куда оригинальней, а матушка его страсть как обожает оригинальных персон. Представив, какой фурор произведет берлинская коллега, Родион мстительно облизнулся.

Простим ему маленькую шалость. После схватки с роком полагалось немножко пошалить для успокоения души и стального сердца. Что может быть лучше, чем заявиться с дамой страшнее не придумаешь. Обещал же матушке привести ту, на которой захочет жениться? Вот пусть и обрадуется. Потом.

Правильно говорит про него Лебедев: жулик. И коварный тип.

Да, что-то совсем заболтались. Пора и нам за варенье.

Словарь бильярдного понта, составленный г-ном Бородиным Н.Н

Абриколь – дуплет, когда шар висит над лузой, а из маски чисто его играть нельзя. Свой шар (биток) направляют к борту с таким расчетом, чтобы отражением от борта он сбил в лузу висевший шар.

Афера – шар, сыгранный «на дурачка», упавший зря.

Билия – шар, который предполагается положить в лузу.

Биток, битка – ударный шар.

Бриколь – отскок, отражение от борта.

Взять – целить.

Дуплет – когда после удара шар, которого играли, ударился в борт и отражением от этого борта упал в противоположную лузу.

Играть шаром – играть так, чтобы биток (свой шар) ударил по одному шару, а тот по другому, который и должен упасть в лузу.

Казенный, или мертвый, шар – шар, стоящий в устье лузы так, что его нельзя отбить.

Карамболь – когда свой шар чокнется (ударится) по шару или несколькими и дальнейшим движением сбивает в лузу назначенный шар.

Кикс – удар вскользь, осечка.

Клапшотс – шар, сыгранный отрывисто, со «звоном».

Коле – когда биток стоит плотно у борта.

Контр-туш – когда намеченный шар не падает в лузу и делает обратный удар по битке.

Круазе – выворотный, или наружный, дуплет, в котором биток (свой шар) уходит не назад, а в другую сторону.

Куш – ставка суммы, предложенная как интерес игры.

Маз – сумма, предложенная кому-либо из игроков в виде пари против партнера.

Маркер – слуга, находящийся неотлучно при бильярде, в обязанности которого входит счет очков, установка шаров и пр.

Маска – когда не видно шара и нельзя его играть.

Маскировать – замазать, чтобы противнику нельзя было чисто играть.

На себя – свой шар, упавший в лузу.

Накат – верхний удар по битке.

От шара – когда шар, которого играли, коснулся другого шара и упал в лузу.

Оттяжка – удар, от которого свой шар при столкновении с шаром возвратился обратно.

Отыгрываться – играть так, чтобы противнику не делать подставки, для чего биток стараются поставить к борту или прикрыть (замазать) шарами.

Перескок – прыжок игрового шара через шар, а также падение его на пол.

Резать – тонкий штос, употребляемый при игре шара, стоящего не на прямой линии.

Рокамболь – рикошет по нескольким бортам.

Сделать шар – положить его ударом битки в лузу.

Скиковать – ударить по своему шару вскользь.

Туш – прикосновение к шару кия или шара к шару.

Триплет – отражение от двух бортов.

Фукс – всякая могущая быть неожиданность.

Штос – удар в лоб, сухой с тылу, боковой, бортовой, простой прямой, длинный и косой.

Словарь воровского языка, составленный департаментом полиции

Балдох – городской.

Боровой – агент сыскной полиции.

Кадет – неопытный, молодой сыщик.

Борзой – сыщик.

Байковый язык – условный язык воров и мошенников.

Язык – чиновник сыскной полиции.

Обначивать – обманывать.

Накрыть – убить.

Фраер – общее название жертвы.

Малахольный – глуповатый.

Лезть в пузырь – сердиться без особой причины.

Слабо! – восклицание, выражающее укор в трусости.

Дыхало – рот.

Мазура несчастная – плохой мошенник.

Желторот – молодой; неопытный.

Кресты – одиночная тюрьма.

Понт – обман.

Шлеппер – мелкий вор, таскающий из кармана что ни попадя, не брезгующий даже носовыми платками.

Насыпуха – мелочь.

Отхливай – уходи.

Зажилит – украл.

Сара – деньги.

Баничик – вор, специальность которого красть ручной багаж на вокзале.

Канарейка – карманные часы.

Кожа – бумажник.

Яман – плохо.

Лодяга – мелкие медные деньги.

Гайменник – убийца.

Мазурики – жулики.

Трекнулся – услышал, понял.

Вола водить – говорить вздор.

Лакиши – карты.

Спустил кровь – проиграл.